

АННА & СЕРГЕЙ

ЛИТВИНОВЫ

НАШ МАЛЕНЬКИЙ
ГРААЛЬ

ГОСДЕПАРТАМЕНТ АМЕРИКИ

Серебряный грааль Литвиновых поистине уникальный артефакт, который должен храниться в музее, а не в частной коллекции. Мы хотим вернуть грааль, если Россия не сделает ничего.

«Мирская пресса»

Annotation

Макс Шадури́н и его сестры Ася и Маша были поражены, приехав к деду в приморский поселок Абрикосовка. Вместо избушки на курьих ножках, которую тот выстроил, продав городскую квартиру, они увидели роскошный особняк. Откуда взялись такие деньги?.. Оказывается, дед позвал их за тем, чтобы торжественно вручить найденную на берегу бронзовую чашу – якобы она спасла ему жизнь и подарила богатство. И теперь Шадури́н-старший хочет, чтобы чаша принесла удачу его любимым внукам: теннисисту Максy, которому в последнее время фатально не везет, Асе, которая погрязла в домашнем хозяйстве и воспитании грудного сына, Маше, мечтающей получить грант на учебу в США... Дед всегда слыл чудаком, и к его дару никто не отнесся всерьез. Но Макс первый обратился к чаше с просьбой... и выиграл турнир. Неужели в безделушке и правда заключена мистическая сила?

- [Анна и Сергей Литвиновы](#)
  - [Пролог](#)
  - [1996 год](#)
  - [27 ноября, утро.](#)
  - [27–28 ноября.](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)

o [13](#)

Анна и Сергей Литвиновы
Наш маленький Грааль

Пролог

Детей у меня не будет. Ни при каких обстоятельствах. Никогда.

И ни одно, даже самое звездное, медицинское светило ничего не может с этим поделать. Максимум, на что эти чертовы профессора способны: сочувственно кивать головой. И мягко укорять:

– Вот если бы вы спохватились хотя бы на пяток лет пораньше... Забили тревогу при первых симптомах... А сейчас – слишком поздно.

И еще много всякой чуши про необратимые изменения и, увы, уже не юный организм.

Я не могу сказать, что мне так уж плохо без этих писклявых, капризных, хлюпающих носом созданий. Родительское счастье – это, конечно, класс, но дети – они ведь сковывают тебя по рукам и ногам. Сто раз подумаешь, прежде чем сорваться в срочную командировку или в приятный романтический отпуск. А так – у меня развязаны руки, в моем доме всегда чистота и вместо визга тихий Моцарт.

Еще, говорят, очень приятно, когда маленькое существо вдруг с абсолютной точностью повторяет твою гримасу или словечко. И сердце, рассказывают, тает, если малышня по вечерам, когда приходишь после работы, бросается в твои объятия...

Не знаю. Собственного опыта у меня не было, а гипотетически я представить не могу.

И, бывая на дорогих курортах, искренне сочувствую родителям, которые, вместо того чтобы спокойно кататься на лыжах или расслабляться на пляже, только и делают, что вытирают носы своим отпрыскам.

Нет. Дети – это, наверное, не для меня.

И хорошо, что у меня их нет. Что в моем доме спокойно, чисто и еле слышно играет Моцарт.

Только иногда, под его беспечные мелодии, такая накатывает тоска...

1996 год

Бизнес в России – занятие для самоубийц. Покушения, подставы, наезды, обман, вымогательство... И противопоставить всему этому можно лишь собственную трезвую голову, шустрого главбуха и проверенный коллектив. Еще нужна личная служба охраны – чтоб ее шеф был предан тебе, как собака. Или – как сын. И конечно, ежемесячно откидывать десять процентов от прибыли в резерв – на случай, если придется откупаться.

Он всегда чувствовал: однажды это случится. И когда в головной офис и во все четыре филиала нагрянули «Маски-шоу», даже особо не испугался. Это можно было предвидеть. Сами виноваты: слишком в последнее время зарвались. Зря за прошлый квартал нулевой баланс сдали. И семьдесят «мертвых душ» – инвалидов – записали в штат тоже зря...

– Не волнуйтесь, – успел шепнуть ему главный бухгалтер. – Не докопаются. В офисе один чистяк, а «черные» балансы – в надежном месте.

Да он и сам понимал: прорвемся. Если что и смогут им приписать – так только неуплату налогов. А налоги в России одни дураки платят. И нарушителям максимум, что грозит, – официальный штраф да пара взяток.

...Даже странно, что по окончании обыска менты посмели потребовать: проедете, мол, с нами.

– На каком основании? – нахмурился он.

– Скоро узнаете, – последовал загадочный ответ.

Он только пожал плечами. Примитивный приемчик. Пугалка для подростков.

Пока его везли, он решил, что на допросе в меру покается, в меру поплачется. И намекнет, чтоб не тянули кота за яйца, а сразу бы сказали, кому давать и сколько.

Но следователь – молодой, прыщавый, красноглазый – про налоги даже не пикнул. И прямо с порога заговорил о другом. О действительно серьезных делах, что в последнее время провернула корпорация. О партии «Лансеров», которые удалось толкнуть

практически без растаможки. О «Самсунгах», что уже пару месяцев успешно ввозились в Россию под видом «копилок керамических, артикул такой-то». И о последнем приобретении его корпорации – заводике в Нижневартовске, бывшая госсобственность, директор которого совсем недавно исчез в неизвестном направлении.

Это уже было куда тревожнее. Тем более что директор того заводика покоем где-то в сибирских лесах – иных подробностей начальник охраны не рассказал.

Линия защиты элементарная: отрицать. Все отрицать.

– ...А ведь вы зря отпираетесь, – ласково обратился к нему юный следователь. – У нас и все документики на руках, и свидетели имеются...

Понты. Кривые понты.

И он продолжал в ответ на бесконечные вопросы лишь пожимать плечами, а потом следователь милостиво позволил ему покурить и сказал, что пепельница на подоконнике, и он подошел к окну и вдруг увидел, что внизу, в пыльном казенном дворе, стоит и тоже курит человек, который ему прекрасно знаком. И на лице его играет мстительная, но неуверенная улыбка.

А следователь – хоть и молод, но уже режиссер – с напускным сочувствием произнес:

– Да, мил-человек, работка с кадрами-то в вашей корпорации не поставлена...

– В смысле? – дернул плечом он.

– Что уж вокруг да около ходить! – хмыкнул следак. – Все равно узнаете... *Сдали* вас. Со всеми потрохами.

– Кто?

– Да начальник вашей охраны и сдал. Тот, что во дворике курит.

– Я не понимаю, о чем вы.

– Ваши коллеги утверждают, вы ему, как собственному сыну, доверяли. Было такое?

– А вам что до того?

– Ему за убийство директора того заводика пятнадцать на строгом грозило. А согласился сотрудничать – пятериком отделается. Может, и условно. Так что советую и вам оказывать активную помощь следствию.

– Не надо меня на пушку брать.

– Не имею такой привычки, – парировал следак. И задумчиво протянул: – Странный вы. Седой, а до сих пор не усвоили, что в бизнесе никому доверять нельзя...

Он снова взглянул в окно.

Его начальник охраны по-прежнему стоял во дворе следственного отдела. И закуривал уже вторую сигарету.

А следователь проследил за направлением его взгляда и с напускным участием сказал:

– Понимаю его. Сдал шефа, а теперь, бедняга, нервничает: вдруг мы свое слово не сдержим? Вас под подписку выпустим?

...И в голове вдруг промелькнула недавняя картинка. Как праздновали на работе его юбилей и как начальник охраны, слегка смущаясь, провозгласил тост за шефа. Который лично ему – как отец.

Что ж.

Семьи в бизнесе и правда не бывает.

Наши дни. Семья Шадуриных. Максим

Мой папа любит пошутить: «В семье не без урода».

Урод получаюсь я. Потому что одна сестра у меня – литературовед и кандидат наук, вторая – училка и молодая мама... ну, а я – профессиональный теннисист. К тому же неудачник.

Я дико завидую Роджеру Федереру.

Он, кто не в курсе, – один из самых крутых на планете теннисистов. Уже много лет в пятерке лучших, а в последние годы вообще первый в рейтинге эй-ти-пи, да еще и с офигенным преимуществом. Натуральная элита.

Роджер богач, но его крутизна не в этом. Подумаешь: по особняку в каждой цивилизованной стране, с десятком гоночных тачек и полный лопатник золотых кредитных карточек. Не в деньгах, говорят неудачники, счастье, да и я, с нашей многодетной семьей, уже привык без большого бабла обходиться.

Федерер – везунчик, потому что все время выигрывает. Всегда. «Кому же из теннисистов удастся остановить Роджера? Кто сможет прервать победную серию из ста матчей?» – восклицают спортивные комментаторы. Но только волнуются и предрекают они

тщетно. Никому, как ни старается народ, обломать швейцарца не удастся, он всех громит и громит... Максимум – первый сет сольет, зато потом в такую ярость приходит, что самые дерзкие ему под ноль продувают. А выиграть сто матчей подряд, без единого поражения – вы хоть представляете, что это такое? Ведь слово «турнир» – это только звучит мощно, будто надо играть и играть, а на деле – лишь несколько удачных партий, и вот она, корона! Чтобы взять Большой шлем, нужно всего-то победить в восьми матчах.

Но сколько народу, сотни, тысячи, десятки тысяч честолубцев напрасно об этом мечтают?! Вон англичане целый фильм сняли под названием «Уимблдон» – как житель Соединенного Королевства побеждает на пресловутом турнире. Надеялись, наверно, что своих спортсменов к свершениям подхлестнут – из современных-то англичан Уимблдон еще ни одному не покорился! Но только зря старались – их звезда, Тим Хенман, дальше полуфинала ни разу не прошел. И все другие англичане тоже на почетный титул лишь зубами клацают. А у Федерера этих Больших шлемов – уже целая комната, минимум пять сервантов. Стоят себе, пылятся, подставляют бока под тряпки лощеных горничных. И наверно, его даже не радуют. Чему, действительно, радоваться, когда кубки можно уже на вес продавать? Мил ему из них, наверно, только первый...

А мне – хотя бы один такой! Или даже половинку, четвертушку, хотя бы одну восьмую!..

Для начала я согласен, конечно, на приз куда попроще. С турнира любой серии, любой категории и минимального призового фонда. Лишь бы выиграть, лишь бы стать первым! Эти кубки, чтоб их, мне уже снятся, преследуют, мерещатся...

Но только что говорить!

Я – теннисный неудачник. Я до сих пор не выиграл ни одного турнира, школьное первенство, турнир в доме отдыха и соревнования на теплоходе, конечно, не в счет. А ведь большой теннис для меня любимее всего на свете. Милее вкуснящей маминой жареной картошки и даже Милки Безуховой из десятого «Б».

Семья у нас хотя формально и многодетная, но маленькая. Две сестры, я, папа, мама, бабушка – она живет в Подмосковье и наезжает редко. Еще на юге, в Краснодарском крае, живет ее бывший муж, папин отец, известный приколист. А больше и нет никого. Ни

дядюшек, ни тетушек. Один дядя Митя, папин брат, был – и тот давно умер. Так что нашим воспитанием занимаются исключительно родители. И в спорт в раннем детстве предки меня отдали не для рекордов, а чисто для того, чтоб я гармонично развивался. Я мелким-то чахлый был и носом вечно хлюпал – как, впрочем, все московские дети. Вот в пять лет меня уже и сбагрили – на плавание, в лягушатник при детской поликлинике. Я там быстро освоился, без труда научился держаться на воде и полюбил подныривать под девчонок, соратниц по тренировкам, и хватать их за ноги. Те противными голосками визжали, жаловались родителям, и меня, нарушителя спокойствия, из лягушатника живо поперли. И тогда предки отправили меня в обычный, уже взрослый бассейн. От соплей к тому времени я излечился, занятий не пропускал, резиновую шапочку дома не забывал, но только с тренершей, как сейчас помню злобную очкастую тетеньку, у нас все равно любви не сложилось. Никаких сил не было исполнять ее тягомотные указания: в бассейн – только по свистку, в воде – не шевельнись. И плавай не по дорожкам, а как последний придурок, по мелководью – малым детям иного не положено.

Меня этот террор просто бесил, с очковой тренершей мы состояли в постоянных контрах, и каждый раз, когда после вечерних тренировок меня забирал папа, она начинала катить баллоны: что я из всей группы самый бесперспективный, бестолковый, неспособный, несносный и не годный к спортивной борьбе... И все отцовские речи, что в бассейн меня отдали вовсе не для спортивной борьбы, а для гармоничного развития, разбивались об ее гнусную ухмылку.

Так что с плаванием вышла нескладуха, и из секции меня тоже очень быстро поперли. Уж сейчас-то, надеялся я, родки от меня точно отстанут. Начнут без ограничений выпускать во двор, и я буду спокойно лазить со всеми нормальными пацанами по подвалам и гонять мяч внутри заброшенной хоккейной коробки. Но упорные предки – далось им мое гармоничное развитие! – не сдавались. И в этот раз засунули меня еще хуже – на фигурное катание.

Это была полная катастрофа. Я хотя и совсем мелкий был, к тому времени только пошел в школу, в подготовительный класс – но ведь не без глаз. Видел по телику это фигурное катание неоднократно. Когда мужики сами по себе катаются – еще туда-сюда, хотя все эти костюмы с блестками, как у «снежинок» в детском садике, – сущий кошмар. Но

когда парни пляшут в парах... И приходится волочить на себе противных девиц, подбрасывать их, ловить, тащить за собой по льду... А при этом еще самому прыгать и вертеться волчком! В общем, занятие для полного дебила.

И к тому же непонятно, победил ты или продул. Решают не голы, не скорость, не время, но противные, с сердитыми лицами, судьи. Разве это соревнование – так, балет какой-то.

– Хочу в хоккей! – умолял я родителей.

Но был готов согласиться и на конькобежный спорт, и на легкую атлетику, и даже на керлинг.

Только легкой атлетики в нашей округе не было, как, впрочем, и конькобежного спорта, на керлинг брали с восьми лет, а хоккейная секция оказалась платной, причем просили за нее, как я понял по расстроенному папиному лицу, очень изрядных денег. А у нас в семье, я уже говорил, с этим делом всегда было неважно. Что вы хотите: кроме меня, еще две сестры, и мама – учительница в обычной школе, а у папы – одно имя чего стоит: Климент. В честь красного маршала Ворошилова. Да и по профессии он – последний романтик, геолог...

И хотя отец мне наболтал, что в хоккейной секции нету мест, я прекрасно понял: он просто не может за нее заплатить. И я пусть и мелкий, а врубился: *нормальный спорт – в хоккей играют настоящие мужчины* – он и стоит нормальных бабок. А кто победнее – иди на дурацкую *фигурку*.

– Разговор на эту тему закрыт, – строго сказал папа. – Будешь ходить на фигурное катание. Все.

– Поближе к дому и ценою подешевле... – прокомментировала отцовское решение сеструха Машка.

Наверняка это не ее слова, а из какой-то книжки, она у нас любит шибко умной прикинуться и вечно, когда ни глянь, над своими фолиантами горбатится. И ее, прошу заметить, ни на какое фигурное катание не волокут.

А другая сеструха, Аська, сказала так:

– Да не горюй ты, Макс. Подумаешь, фигурное катание! Скажи спасибо, что в музыкальную школу не отдали.

И Аська, конечно, железобетонно права. Потому что куда лучше чертить коньками всякие развороты-елочки, чем пиликать на скрипке бесконечные гаммы.

Но, на удивление, с фигуркой у меня дело пошло. Тренер оказался мировецкий – особо не давил и даже орал только в исключительных случаях (когда, например, я на спор взялся костер прямо на льду разжечь). Никаких костюмов с блестками, к счастью, шить не пришлось. И таскать на себе девчонок – тоже. Много занимались в зале нормальными мужскими делами: турник, шведская стенка, брусья, конь. Бегали. Прыгали. Иногда за всю тренировку на каток вообще не выходили. «Зачем форсировать? – не совсем понятно говорил тренер. – Лед – он как женщина, которую раскрыть надо...»

Про соревнования да про спортивные перспективы тренер тоже не упоминал. Не разделял нас, как злосчастная тренерша по плаванию, на перспективных и никчемных. Хвалил даже толстого Ваську, который за целый год так и не научился приседать в пистолетике. А мое почти идеальное вращение и, как говорили девчонки, самый красивый перекидной прыжок во всей группе, наоборот, не выделял. Сдержанно говорил: «Приемлемо...»

И потому я очень удивился, когда однажды после занятий меня вдруг подозвала к себе важная тетенька. Она представилась заслуженным тренером, рассказала, что наблюдает за мной несколько тренировок подряд, и завела уже подзабытую с плавания песню про перспективы.

Я слушал настороженно, потому что большой спорт – это, во-первых, как говорит папа, для тупых. А во-вторых, очкастая тренерша из бассейна намертво вколотила мне, что я – бесперспективный и вообще полное дерево. И в-третьих, если всерьез заниматься фигуркой, на соревнования ездить – это ведь придется костюмы с блестками шить?!

Я честно изложил свои сомнения важной тренерше. Она в ответ басисто, по-мужски, расхохоталась. А отсмеявшись, выложила: шить блестящие костюмы мне однозначно не придется. Потому что зовет она меня, оказывается, совсем не в фигурку. А в большой теннис.

– Он-то здесь каким боком? – обалдел я.

Ну, она и объяснила. Что, оказывается, какое-то исследование было с известными теннисистами в качестве подопытных кроликов. Выясняли, откуда чемпионы вырастают. И определили, что для стопроцентного чемпионства совсем не нужно ребенка прямым ходом в теннис вести. Сначала – на годик в бассейн, потом – на пару лет на

фигурное катание. И только потом в теннис. Вроде бы с таким багажом сразу начинаются нечеловеческие успехи.

Я, врать не буду, загордился. Получается, предки со своим *гармоничным развитием* меня в потенциальные чемпионы готовили?!

И тут же дал тетеньке свое согласие: готов, мол, предать фигурные коньки в угоду корту, ракетке и мировой славе.

Только уже когда шел домой, подумал: а ведь я лоханулся. Кто в нашем классе теннисом занимается? Кирилл и Миха, а их обоих родаки на иномарках к школе подвозят. Это считается спорт элитный, знай деньги выкладывай – одна ракетка, по слухам, кучу баксов стоит, не говоря уже о кортах и тренерах. А у нас семья честная и малообеспеченная. И что скажет папа, когда я сообщу ему, что вместо скромной и почти бесплатной фигурки самовольно перешел в крутейший большой теннис?! Он, конечно, купит мне и ракетку, и мячи, но ведь у сестры Машки, я сам видел, зимние сапоги развалились. А у Аськи с самого рождения сердце слабенькое, ей нужно на платные процедуры ходить и каждый год в санаторий ездить.

Но родаки, против ожиданий, наезжать на меня не стали. Им, оказывается, уже позвонили – и не откуда-то, а из Академии высшего спортивного мастерства. И сообщили, что в теннисную секцию меня, во-первых, берут бесплатно, а во-вторых – никаких дополнительных расходов тоже не будет. У них якобы полно спонсоров, и они даже ракетки на халяву предоставляют. И струны к ним. И мячи. Такая вот поддержка для талантливых детей. А я, по наблюдениям басистой тренерши, таким и оказался.

– Но только с ребенка, готовьтесь сразу, три шкуры будем драть. Две тренировки в день, ездить далеко и один выходной – в воскресенье, – предупредили родителей.

– Максим не захочет. Он лентяй, – честно признались они.

Но я, упоенный блестящими перспективами, на все сложности согласился. Пообещал, что ни одной тренировки не пропущу. А неизменные папины подколы – про тупых, как пробка, спортсменов – пропустил мимо ушей. Мамино жалобное: «Максимушка!.. А ведь тебе тяжело будет!..» – тоже проигнорировал.

И о своем решении почти никогда не жалел.

Может, только пять лет назад, когда порвал связки на левой ноге и полсезона провалялся по больницам. Или когда я уже играл на уровне

мастера – никак не получилось стабильно подавать с первого мяча, и года на два ко мне прилепилось прозвище: «Второподачник»...

Но в целом большой теннис – это супер. Это даже не спорт, а настоящее искусство. Ничего общего, например, с тупым боксом. Или с глупой беготней по кругу. Или прыжками в длину или в высоту. В теннисе ведь, чтобы победить, надо быть не просто сильнее, или шустрее, или прыгучее. Марат Сафин, мой кумир, не зря говорит, что главное здесь – мозги. Все время приходится думать – похлеще, чем в шахматах. Постоянно решать задачи – и на ближайшую перспективу (как выиграть этот конкретный мяч), и стратегические (как измотать противника, чтобы он сам сдался). Здесь и психологом нужно быть, и артистом, и шпионом – в том смысле, чтобы держаться, как Штирлиц, чтоб ни один гад твоих истинных намерений не разгадал...

Хотя в чем-то и отец прав. Я не то что, конечно, туп, но всяких Овидиев и Иосифов Волоцких, в отличие от старшей сестрицы, цитировать не в состоянии. Зато стабильно подаю со скоростью двести километров в час и весьма силен в игре на задней линии. У сетки, правда, дело похуже, но в мужском теннисе это не главное, у нас сеточники наперечет, один Фабрис Санторо и известен.

По всем параметрам – молодость, рост, быстрота реакции – мне давно пора ездить по настоящим турнирам и побеждать. Пусть не в финалах, а хотя бы во втором-третьем круге. Но я до сих пор не выиграл даже фьючерса или сателлита (это, если кто не знает, такие микротурнирчики для очень молодых, с минимальным призовым фондом).

И почему так происходит, почему мне хронически не везет – не может объяснить никто. Даже Михалыч – мой нынешний персональный тренер.

Пацаны, правда, говорят, что это из-за того, что я, типа, бедный. В смысле, у меня ракетки не специально заточенные под руку, а только те, что дает спонсор. И струны заурядные. И кроссовки обычные, безо всяких навороченных супинаторов. И специальных диет для меня никто не разрабатывал, и особых, безопасных, пищевых добавок мне не прописывал. И тренируюсь я меньше, чем богатеи. Только ранним утром и на тех кортах, что подешевле...

Кто спорит: когда в тебя большие бабки вкладывают, как в Машу Шарапову, успех и правда приходит быстрее. Но даже без диет и

особых струн: неужели я не дозрел до первого, пусть скромненького, кубка?! С самого заурядного, на городском стадионе какого-нибудь Череповца, турнирчика?!

Но нет.

Я легко побеждаю, когда играю с пацанами из моей спортшколы. Да что там: я даже у Михалыча, когда мы рубимся на счет, – и то часто выигрываю. Но только стоит приехать на самый завалющийся турнир – тут же меня ступор охватывает. И я немедленно «сливаю», если не в первом круге, так во втором... То ли сглазили, то ли я просто слабак.

Счастливый человек – Роджер Федерер. Не потому, что богатый, а потому, что знает вкус победы.

Маша, старшая сестра

Моя американская подруга Синди Хартворт – счастливый человек. Не потому, что богачка (хотя папа у нее директор банка, от чего я бы тоже не отказалась). А потому, что живет, как считает нужным, без оглядки на общественное мнение. И занимается любимым делом.

Мы с Синди познакомились в Интернете, на одном из болтливых сайтов. Сначала просто чатились, потом обменялись аськами, а теперь и вовсе – ведем ежедневную переписку по мылу, как заправские любовники.

Нас с ней и правда объединяет любовь. Мы обе – молодые, красивые, умные и постоянно говорим о своих чувствах. Но только чувства наши не совсем такие, как положено юным девушкам. Мы с Синди бесконечно обсуждаем в Интернете не мужчин, не новую серию помад от Диора и не очередной альбом «Пинк». Вы будете смеяться, но мы говорим о литературе!

Вот такие оригиналки. Или, говоря языком обывателей, – полные дурочки.

На книжки меня «подсадили» родители – очень рано, мне едва четыре года исполнилось. В это время как раз родилась сестрица, Аська. Малышка, как сейчас помню, у мамы с папой получилась забавная – голубоглазая и даже не очень крикливая. Одна беда: родилась она слабенькой, ее то и дело таскали по больницам, и тут уж, ясное дело, им было не до меня. А ведь Аську не только лечили, но и

пеленки ей стирали, и готовили, и гладили, и убирали за ней, и укачивали, и купали, и выгуливали. И было ужасно обидно, что мне от родителей – никакого внимания. Вот мама, педагог, и решила добиться, чтобы я развлекала себя сама. И, левой рукой укачивая Аську, правой показывала мне карточки с буквами...

Наука оказалась нехитрой, и через месяц занятий я уже триумфально по складам читала «Тараканище» и «Репку». А еще через пару недель традиционные детские книжки меня устраивать перестали, и мама, недолго думая, сунула мне «Тома Сойера»...

Врать не буду: поняла я тогда в нем немного. Но атмосферу, *ощущение, ухватила. Никакого сравнения с тем, когда киношку смотришь! В телевизоре и городок совсем не такой, и тетя Полли неживая, и Гек Финн – малость чокнутый... А когда читаешь – все совсем по-другому. Правильно.* Настоящее американское захолустье, и школьная скука, и страх, который охватывает на кладбище, – все по-настоящему...

С тех пор и пошло: я наотрез отказалась от «Спокойной ночи, малыши» и даже от мультиков. Традиционные детские книжки, все эти глупые сказочки и стишки, меня тоже интересовали мало. Как можно читать напечатанную крупными буквами ерунду, когда в большой комнате – полные шкафы настоящих, аппетитно пахнущих пылью и приключениями книг?!

Мама с папой сначала пытались меня *направлять*, только никак за мной не поспевали. Я читала настолько быстро, что всю «Библиотеку приключений» перелопатила еще до школы – и стала подбираться к Бальзаку и Драйзеру.

Родители сначала спорили, позволять ли ребенку, то есть мне, читать «взрослую» литературу, но очень быстро просто махнули на меня рукой – лишь попрытали разные фривольности типа «Манон Леско» или «Милого друга», да и то под такой ненадежный замок, что я легко отпирала его ключиком от чемодана.

Школьная программа по литературе у меня вызывала только смех. И некое изумление пополам с надменностью в адрес одноклассников. Как они могут читать «Лукоморье» аж в семь лет, да и то из-под палки? Или называть «Капитанскую дочку» последней лажей?! Совсем, что ли, без мозгов?! Я-то прочла Полное собрание сочинений Пушкина еще сто лет назад, только ранние стихи и письма не осилила.

– Ты у нас молодчина, – хвалили родители.

Плохо им, что ли: ни развлекать дочку не надо, ни над подарками задумываться – знают, что я за любую новую книжку краковяк станцюю.

А еще мама с папой агитировали:

– Ты, Машенька, свои знания обязательно используй, чтобы в жизнигодились. Может, тебе писательницей стать? Пушкин вон тоже с раннего детства все подряд читал...

Я очень смущалась, когда меня ставили на одну доску с самим Пушкиным. Да и вообще – становиться писателем мне совсем не хотелось. Зачем, если столько всего уже написано? Каких только приключений писатели не изобрели, каких только чувств и страстей не описали... Куда уж еще я полезу со своими идеями!

Гораздо интереснее читать. Знать. Пересказывать друзьям. А еще – это я только к старшим классам поняла – уметь книги сравнивать и анализировать. Вот, например, любовь, вроде бы универсальное чувство. Но только какое оно разное, скажем, у Ремарка – и у Нодара Думбадзе. У Мураками – или у Норы Робертс. У Чехова – или у Чарской...

У меня в голове – тысячи фамилий. Я с легкостью перечислю библиографию любого мало-мальски значимого автора. И даже зачитай мне отрывок, я, скорее всего, назову, кто его написал. Или *какому автору* создатель текста подражает.

В общем, не девушка, а ходячая груда знаний. Только в современной жизни мои таланты, увы, абсолютно неприменимы. Ну кому сейчас нужны люди, которые перечитали миллионы, не побоюсь этого слова, страниц?! Где таким, как я, добывать хлеб насущный?

Можно, конечно, пойти работать в читальню. Тут уж я, в отличие от школьной библиотекарши, которая не может в трех писателях Толстых разобраться, точно не опозорюсь. Только какой в этой службе интерес? Подавать книги, убирать книги – что-то вроде официантки...

Можно еще в училки податься, как мама. Бесконечно вбивать в лентяев и неучей про Грушницкого и Максим Максимыча – и страдать, что твоего любимого Лермонтова горе-ученички в лучшем случае прочитают в хрестоматийном изложении. К тому же в школе – шум, гам и очень маленькая зарплата.

Ну и третий вариант – самый лощеный, самый эстетичный и элегантный: стать литературоведом. Остались еще в стране институты, где на них учат.

В один из таких я и поступила.

Учиться оказалось легко и очень, просто дьявольски интересно. Красный диплом и приглашение в аспирантуру дались мне без труда. Оказалось, что я, даже в сравнении с продвинутыми однокурсниками, девица более чем толковая. Ну и что с того?

Теперь у меня есть профессия. Шикарная. Непыльная. Интеллигентная. И абсолютно бесполезная. Да, если у тебя папа, как у моей американской подружки, директор банка... Или, на крайний случай, если ты живешь в тех же Штатах... Там литературоведы, конечно, не шикают, но и от слова «Крайслер» в обморок не падают. И купить в кредит загородный коттедж запросто могут. И путешествуют хоть только раз в году, но по всему миру.

А что у нас?

Зарплаты младшего научного сотрудника хватает ровно на сто хлебных буханок. Плюс бесплатные цветы от нерадивых студентов (думают, наивные, что я от трех розочек настолько раскисну, что зачет автоматом поставлю). Плюс репетиторство, но наш институт далеко не самый престижный, и потому за учеников на кафедре идет настоящая драка.

Перспективы тоже не самые радужные. Есть, конечно, шанс к сорока годам защитить докторскую и даже дорасти до профессора... только что с того? Ну, будет мне хватать не только на хлеб, но и на масло. А где взять отдельную квартиру – не вечно же ютиться с родителями? Как посмотреть мир? Да и метро своей монументальностью и толпами уже достало...

И потом: хоть я уже и взрослая дама, но в голове еще сохранились «детские тараканчики». И иногда вдруг такая тоска накатывает: что, право, за жизнь! Сплошь книжки, выдуманный мир, а на работе – непонятные, мелкие интриги, и дома – вечная картошка с дежурными сосисками и все те же лица по телевизору... А кто-то в это время, скажем, спасает людей. Совершает гениальные открытия. Рискует. Или хотя бы просто влюбляется. До дрожи в коленках, до полного затмения. А я так и живу один на один со своими книгами. Вот и накатывает: может, ошиблась я со своей «непыльной»,

«интеллигентной» профессией? Может, стоило куда-нибудь в МЧС пойти? Или в стрингеры?!

Тем более что профессия литературоведа в нашей стране нынче вызывает только насмешки. Мои одноклассники – сплошь бухгалтеры, экономисты, журналисты глянцевого журнала, личные водители и даже стриптизеры – над моим выбором откровенно посмеиваются. А Колька Рыжий – сколько я ему сочинений на общественных началах понаписала! – и вовсе меня третирует: «С твоими мозгами, Машка, нужно бизнес делать! А ты фигней занимаешься...»

Но беда в том, что мне совсем не хочется делать бизнес. Я не умею этого. И не хочу. А как свидетельствует весь мировой опыт, если берешься за какое-то дело через силу, то однозначно прогоришь.

Вот в Америке, рассказывает моя подруга Синди, литературовед – это вполне круто. Не хуже полицейского и почти так же престижно, как доктор. По крайней мере, когда на Крисмас^[1] съезжается вся их большая семья, включая малознакомых двоюродных тетушек и дядюшек, на нее все смотрят с уважением. Малышня и вовсе заглядывает в рот и поголовно собирается поступать на тот же факультет, что и «тетя Синди».

Почему бы тебе, Masha, не перебраться в нашу страну? – пишет подруга. – Хотя бы на время? Ты уже кандидат наук, у тебя есть научный опыт, и с иностранным языком неплохо. А получить grant в области литературоведения не так и сложно, это ведь не программирование...

Синди – молодец. Хотя и литературовед, а американской практичности у нее не отнять.

И с недавних пор я начала серьезную охоту на западный грант. Веду переписку с американскими университетами, занимаюсь по учебнику TOEFL,^[2] готовлюсь к тесту GRE.^[3] Но только пока желающих пригласить меня – на все готовое! – в американский вуз не нашлось. В одном месте, правда, мне бесплатную учебу предложили, но только из каких, извините, шишей за общагу платить? И за учебники? И кушать на что, если работать иностранным студентам в первый год запрещено?!

– Но ты все равно дерзай, дочка, – говорит мама. – Упорство города берет.

А папа к моей «американской мечте», наоборот, относится скептически:

– И охота тебе, Машка, к этим буржуям? Лучше бы тут, в России, себе мужа нашла.

Папа – он как все мужчины. Думает, что выйти замуж – это вечная мечта любой девушки. Только мне туда совсем не хочется. По крайней мере, пока. Или, если совсем честно, пошла бы, только не за кого.

Принцев на белом коне в поле моего зрения не встречается. Хлюпиков, коими полон наш институт, я сама отшиваю. А недавно у памятника Пушкину ко мне браток прицепился. Настоящий, будто из фильма про *бригаду*, – с бычьей шеей, перстнями и голдовой цепурой, как сказал бы мой брат. И туда же: кандидатов наук цеплять! Начал петь, что всю жизнь мечтал познакомиться с интеллигентной, такой, как я, девушкой. Ну прямо анекдот: «Златая цепь на дубе том...» – «Знаем, знаем, тоже Некрасова читали».

Я представила, что принимаю предложение братка. Переезжаю жить в его безвкусный, но богатый подмосковный особняк. И, босая и простоволосая, провожаю его на *стрелки*. А потом, всего в бланшах, встречаю с *разборок*. И он, когда мы бываем в ресторанах, заказывает для любимой *марухи* что-нибудь из Шуфутинского...

Ну и картинка! Меня сразу нервный смех обуял, я поспешила братка отбрить и ретироваться. И, как всегда, вернулась домой одна и без цветов...

Сестрица Аська – она-то уже давно замужем и даже ребенка растит – постоянно засыпает меня разного рода идеями, где найти достойного спутника жизни. То в дорогие спортклубы рекомендует ходить, то отираться, будто между делом, в крутых автосалонах.

Но дело в том, что я – вот дурацкая гордыня! – совсем не хочу ни за кем охотиться. Что за бред: качать штанги в тренажерном зале и косить глазом: с кольцом близлежащие джентльмены или без кольца! Или в автосалоне – не машины разглядывать, а мужиков. Не мое это. И потом: разве можно поймать в силки любовь? Ведь пишут в одной из моих любимейших книг: она должна найти тебя сама. И поразить внезапно. Как поражает молния, как поражает финский нож...

Возможно, Masha, тебе повезет в американском университете, – пишет моя подруга Синди. – Я, конечно, пока замуж не собираюсь, но у меня нет никаких проблем с общением. Интересных во всех

отношения молодых людей в моем ближайшем окружении полно, и я вполне готова ими с тобой поделиться.

Хорошо им там, в этой Америке! Эх, хоть бы побыстрее до нее добраться!

Ася, средняя сестра

В нашей семье я считаюсь ранней пташкой. Из-за того, что очень несовременно, всего-то в двадцать три года, вышла замуж. В двадцать четыре – родила ребенка. И теперь пребываю в роли сумасшедшей молодой мамы.

Мой сын Никитка – счастливый человек. И несмотря на свой несолидный возраст – всего семь месяцев, – хитрющий, как сто китайцев. Уже прекрасно знает, что, если завопить, его обязательно возьмут на руки. А если методично выплевывать кашу, то мама его пожалеет и угостит куда более вкусным пюре из черники.

Этот малыш очаровал всех. Бабушка в свои законные выходные вяжет ему носочки, тетя (моя сестра) Маша, поборов свое презрение к глупым детским книжкам, с упоением читает вслух «Тараканище». И даже брат Макс, крайне далекий от воспитательных процессов, и тот уже купил племяншу дорожные кроссовки («Рибок» длиной одиннадцать сантиметров, просто со смеху умереть) и обожает катать вместе с дитем теннисные мячики...

А Никитка всеобщее поклонение охотно принимает. Заразительно смеется, когда его папа, даже не сняв офисной рубашки, подкидывает его к потолку. И плевать ему, что рукава пижонской «Массимо Дугти» теперь в разводах слюней. Подумаешь, большая беда! Мама, то есть я, отстирает.

На Никитку я стараюсь не злиться, даже когда он в сотый раз подряд вышвыривает из кровати пластмассовый вертолет. (Кто не знает: когда плексиглас ударяется о паркет, звук издается ну очень отвратительный.)

Но я терплю и поднимаю. Что поделаешь, детишкам *полагается* расшвыривать игрушки, они таким образом развиваются. И потом, лучше в очередной, бесконечный раз наклониться за злосчастным вертолетом, чем ходить на нелюбимую работу.

Ведь если бы не малыш, я бы уже год как горбатилась училкой в начальных классах. Получилось, что Никитка меня выручил. Зачался очень грамотно – именно в тот момент, когда я находилась, говоря красиво, *на распутье*.

В педагогический институт я поступила по глупости. Из-за того, что мякина в голове. Будто не видела собственную маму, училку, какой она с работы приходит. И ни разу не слышала, как она на зарплату жалуется...

Меня же в *педик* затянула одна сплошная романтика. Все представляла, как первого сентября детишки соревнуются, кто подарит любимой учительнице самый красивый букет. Как упоенно, на едином дыхании, слушают мои объяснения у доски. Искренне радуются пятеркам. Поверяют свои секреты...

Ну и главное: я просто не знала, куда мне поступать. Хорошо сестре Машке – она свои книги обожает. А брат Макс сходит с ума по теннису. А как быть мне, если никаких особых интересов и предпочтений к семнадцати годам у меня не сформировалось?..

– В педагогический хотя бы попасть несложно, – резонно сказала мама. – Даже можно репетиторов не нанимать.

Это, конечно, немаловажно – лишних денег у нас в семье нет.

А папа – в своем репертуаре! – добавил:

– И жены из учительниц выходят хорошие. Умные мужчины специально в пединститут приезжают, чтобы пару себе найти.

Я тогда над папиным заявлением посмеялась, но оказалось, что он как в воду глядел. Мишка, мой муж, и правда пришел на нашу институтскую дискотеку, чтобы найти себе жену.

Мы встретились взглядами, он пригласил меня танцевать, потом поехал провожать до дому... В общем, начался роман. Я тогда думала – один из многих моих романов, потому что ни за какой замуж в столь раннем возрасте я, конечно, не собиралась.

Но Мишка взял меня измором. У какой девчонки силы воли хватит, если ей ежедневно дарят букеты? И стихи посвящают, и ждут после лекций, и упоенно фотографируют, а потом дарят оправленные в красивые рамочки портреты?!

Я-то, дурочка, думала, что он от любви ошалел: мы, будущие училки, – девушки крайне романтичные. Но все оказалось несколько прозаичнее.

Мишка – он из Нижнего Новгорода. Когда мы познакомились, был уже на пятом курсе своей Финансовой академии. И прекрасно понимал: если не женится в самое ближайшее время на москвичке, придется ему возвращаться на историческую родину. А москвичку-то, да с квартирой, чтобы было где прописаться, охомутать непросто. Подкатись к какой-нибудь пижонской студенточке из МГИМО или МГУ – мигом пошлет. Вот он, чтобы не рисковать, и отправился искать жену где попроще, из будущих училок. Мы, как гласит народная молва, нетребовательные...

Я, правда, обо всем этом узнала уже сильно после свадьбы. Когда Мишка изрядно, после каких-то неприятностей на работе, подвыпил и взялся со мной откровенничать. Помнится, я очень оскорбилась: думала, наивная, что лишь своей неземной красотой да веселым характером мужа приворожила... А оказывается – московской пропиской.

Но потом утешилась. Что сделано – то сделано. А муж из Мишки получился совсем неплохой. Хоть и без собственной жилплощади, зато не пьет, не курит, не гуляет, зарплату в дом несет. Плюс симпатичный и не дурак. Всякая ли может таким супругом похвастаться?

Плюс Никитку мне *сделал*. Именно тогда, когда нужно. В тот момент, когда я закончила институт, вышла на работу и поняла: быть учительницей – совсем не для меня. Шум, крик, другие училки смотрят волком, постоянно на нервах и никакой романтики...

Думала просто уволиться с позором – не выдержала, слабачка! – но, к счастью, оказалось, что нужно всего лишь дотерпеть до декрета. Дотерпела. Пообещала через три года вернуться... Но точно знаю: когда декретный отпуск закончится, в школу, сто процентов, не приду. Бедная мамочка, как она всю жизнь в этом дурдоме продержалась!..

Мне пока о работе – вообще о любой! – даже думать не хочется. Все силы на малыша уходят. Я так хочу, чтобы ему было хорошо! Хотя младенческие годы дети потом вспомнить не могут – все равно, пусть Никитка с первых дней растет в любви и комфорте, это сторицей окупится.

И не зря же я немного педагог! Со школой не сложилось, зато на раннем развитии собственного сына отыгрываюсь.

Я Никитку с младых ногтей воспитываю. Стремлюсь, чтобы он почаще смотрел на красивое. Ношу его в сумке-кенгуру в парк и на

берег нашей районной речки-вонючки. Включаю ему хорошую музыку – и детские песенки, и Моцарта. Читаю, причем не обязательно примитивные потешки, он у меня уже и Пушкина слушает, и про старика Хоттабыча Лазаря Лагина. Мы с Никиткой даже рисуем – специальными детскими красками, он в них ладошку макает и потом елозит ею по листу ватмана. Еще я стараюсь, чтобы он пореже ходил в подгузниках (в них детская кожа преет). И пюре даю не из баночек, а готовлю сама, чтоб наверняка знать, что в нем нет вредных добавок.

В общем, никаких уже сил не осталось...

Помочь мне особо некому. Мишка сутками на работе. Мама с папой тоже. Свекровь со свекром в Нижнем Новгороде. Сестра Маша с братом Максом при своих делах. А няню мне, безработной, как возьмешь? Муж против: не хочу, говорит, чтобы сын с чужими людьми рос, да и денег лишних нет.

Вот и кручусь сутками одна.

Беда в том, что у нашего малыша бессонница. Самая настоящая, хуже, чем у иных взрослых. И как я ни бьюсь, он спит только по полчаса. И днем, и ночью. А ровно через тридцать минут просыпается. И плачет. Горько, безутешно и громко. И вместе с ним – особенно часам к пяти утра, когда *дико* хочется спать, – плачу и я. Потому что бабушка с дедом живут отдельно и ночами, хоть на часок, меня выручить никак не могут. А мужу, Мишке, в семь утра вставать на работу. И если ночи он будет проводить в компании орущего младенца, то обязательно наделает днем в своих важных документах кучу ошибок...

Сначала мы думали, что Никитку мучают колики. Потом, что его сглазили. Потом, что у него режутся зубки... Еще я где-то вычитала, что у маленьких детей нервная система несовершенна, процессы возбуждения уже развиты, а торможения нет.

Мы ждали, пока ему исполнится два месяца. Три. Четыре. Пять... Надеялись, что чудо вот оно, рядом, что малыш подрастет и перестанет плакать. Но не дождались.

Я постоянно жалуюсь на сыночка педиатру и невропатологу. Честно кормлю его прописанными таблетками. Но малыш ночами все ревет и ревет, а днями я уже шатаюсь от усталости и все с большим трудом нацепляю на лицо дежурную улыбку и выдерживаю с ним ласковый тон.

Меня даже иррациональные мысли посещают. Например, я тому же Никитке завидую. Тому, что он закричит в любое время суток, и к нему я тут же кинусь. Приласкаю, утешу, покачаю на ручках... А меня приласкать и утешить некому. Не Мишку же просить – он сам вечно такой усталый...

Иногда даже думаешь: как я умудрилась к двадцати четырем годам налепить столько ошибок?! И профессию выбрала неправильную, и мужа, который мне ни капельки не помогает, и ребенка родила капризного – может, он таким получился потому, что я всю беременность на своей школьной работе нервничала?!

Поневоле позавидуешь беспечным, не обремененным потомством ровесницам. Или даже обремененным, но чьи дети спокойно сидят в колясочках и наблюдают за птицами, котами и прочей живой природой. А мой Никитка все время или ревет, или шкодит.

И я, когда читаю ему бесконечные сказки (пусть он их пока не понимает, но я уже говорила: для гармоничного развития ребенку положено читать с самых первых месяцев), думаю: «А вот бы мне самой попасть в сказку! И получить в свои руки волшебную палочку!! Тогда бы вся моя жизнь пошла совсем по-другому...»

27 ноября, утро.

Макс

Телефон зазвонил в шесть утра – по понятиям глухой осени это поздняя ночь. За окном беспросветная темень, и все наши – я имею в виду маму и Машку, потому что папенька отвалил в очередную экспедицию, а Аська с мужем и дитем живут на съемной квартире, – крепко почивали. Только я, как последний лох, уже глотал горячий чай. Настраивался на утреннюю пробежку. И, чтобы выгнать себя на улицу, смаковал запрещенный «Сникерс». Увидь меня сейчас тренер Михалыч, точно бы начал гундеть о плохом холестерине и вредных углеводах, но мне надо было чем-то взбодриться. Потому как, чтобы обуть в такую-то рань кроссовки и выбраться в стылую темноту, на блестящую от холодного дождя улицу, необходимо изрядное мужество.

И вот я уже почти добился нужного боевого настроя, а тут телефон с мысли сбивает. Кому, интересно, неймется? Может, Михалыч хочет порадовать, что мне на Кубок Кремля *wild card* дали? Впрочем, о чем это я – не только Кубок Кремля, но и итоговые турниры лучших восьми уже прошли, теннисный сезон на этот год закрыт.

Никакого страха, как у мамани, – она от ночных звонков всегда вздрагивает – у меня не было. Мало ли кому приспичило позвонить в неурочное время? Может, Машка в кои-то веки поклонника завела. Или папаня в своей экспедиции на какой-нибудь высокий холм забрел, где вдруг сотовые телефоны стали ловить. Вот он и решил нас осчастливить очередным восторженным рассказом об очередном ископаемом.

Я одним махом допил чай и бодрым шагом почесал в коридор, к аппарату. Снял трубку и пробасил максимально бодро:

– Слушаю!

Особой бодрости, правда, добиться не удалось – голос дал предательского петуха. Вот что значит в такую рань вставать – даже горячий чай не помогает.

– Ты, Максим? – строго проскрипела трубка.

Я тут же узнал говорящего: это дед. Папин отец. Известный приколист. В нашей семье его осторожно именуют «пожилым чудаком». И уж от *его* звонка в шесть часов утра точно ничего хорошего ждать не приходится.

– Он самый, дедуля. Привет.

Я прокашлялся, тщетно пытаюсь избавиться от утренней хрипотцы. И тут же нарвался на недоуменный вопрос:

– Вы еще спите, что ли?

– Так ночь на дворе! – хохотнул я.

– Какая ночь? – возмутился дед. – Я уже два часа на ногах... А Маша дома?

– Где ж ей быть! Храпит. А я на пробежку собираюсь.

– Не теряешь надежды Уимблдон покорить? – тут же наступил на больную мозоль дед.

– Не теряю, – бодро отвечивал я. (Надо признаться, что с каждым годом эта напускная бодрость дается мне все труднее.)

– Ну-ну, – хмыкнул дед. – Дерзай. Не забудь меня пригласить, когда в финале играть будешь.

– Приглашу, – пообещал я. – И клубнику со сливками проспонсирую.

– Ловлю на слове, – опять усмехнулся дед и спросил: – Но в этом году турниров уже не будет? Сезон закрыт?

Надо сказать, что для своих семидесяти пяти или сколько ему там старичок демонстрировал удивительную осведомленность.

– Закрыт, – подтвердил я. И осторожно поинтересовался: – А ты почему спрашиваешь?

Неужели собирается в Москву приехать?

Надо сказать, что наш дед – большой оригинал. Когда-то, в бурной молодости, он исколесил всю страну, а сейчас живет на юге, в Краснодарском крае. И как многие жители Кубани, ненавидит столицу лютой ненавистью. Потому что мы, москвичи, якобы сосем из жителей солнечного края бешеные налоги. И строим на них никому не нужные массивные памятники, а также освещаем свой город чрезмерной иллюминацией. И дед туда же. Он всегда говорил: «Я в ваш бандитский город только в самом крайнем случае сунусь».

И раз он в такую рань звонит, наверно, этот крайний случай и наступил. Явно надумал заявиться и у столичных светил какую-нибудь старческую болячку лечить. Что ж, пускай тогда Машка отдувается, у нее времени больше. Да и вообще: ублажать пенсионеров – не мужское дело.

И мои худшие опасения, похоже, оправдывались.

– Мне нужно срочно тебя увидеть, – заявил дед.

Его голос звучал взволнованно.

– А что случилось? – без особого интереса спросил я.

Небось начнет сейчас скулить про очередную болезнь.

Но скулить дед, против ожиданий, не стал. Повторил:

– Важное дело. Касается вас всех. Тебя. Марии. И Аси.

– А какие у нас с тобой могут быть дела? – бестактно поинтересовался я.

И только потом подумал: а вдруг дед свою скорую смерть чувствует? И хочет нас, внучат, напоследок облобызать?

Но нет. Никакого трагизма в его тоне я не услышал.

– Максим, мне уже семьдесят семь лет. Жить осталось всего ничего, – очень спокойно, даже буднично произнес дед. И тут же его тон вознесся до более официального: – По-моему, самое время обсудить с вами вопросы наследства.

«Какое там у тебя наследство!» – едва не брякнул я. Но от новой бестактности удержался и заблеял:

– Да ладно, дед, о чем ты говоришь! Ты еще до ста лет доживешь!.. Да и не нужно нам ничего...

– Я лучше знаю, что вам нужно, – строго произнес он. И резюмировал: – Вы должны приехать ко мне. Все трое.

Час от часу не легче.

Промозглым ноябрем переться на российский так называемый юг, когда я вчера по телику слышал, что в Краснодаре плюс семь с проливными дождями!

Но, скажем мягко, от южного, как мы его называем, дедули всегда можно было ждать чего угодно. Он, в отличие от своего сына (моего папы), – человек абсолютно непредсказуемый.

Например, мои родители долго надеялись, что дед завещает им свою расположенную в приморском поселке Абрикосовка квартирку. Квартирка, между нами, дрянь, двухкомнатная, в двухэтажном доме

без горячей воды, да и с холодной – только по расписанию, до моря четыре километра по пыльным улочкам. Но на халяву, ясное дело, сошла бы.

Однако ничего подобного родаки не дождалась. Три года назад дедуля огорошил их известием, что квартиру он продал. И на вырученные деньги собирается возводить себе дом, но не в самом поселке, а в прилегающем к нему лесу.

– Но зачем в лесу? – схватились за голову предки.

И получили неподражаемый ответ:

– Очень люблю природу.

Будто в самом поселке ему природы мало – там асфальт только на главной улице, и то весь покоцанный, а между домами коровы и курицы рыщут.

Но если дед что решил – его не собьешь.

Год с лишним он бодро ютился в продуваемой ветрами времянке без всяких удобств. Предпринимал героические усилия, чтоб расчистить участок, протянуть в свой лесной уголок свет, завезти по ужасным дорогам стройматериалы... Помогать деду было некому, да он о помощи и не просил.

Папа мрачно предрекал, что старика хватит инфаркт еще на стадии закладки фундамента, однако наш дуб оказался крепче многих. Не только свой уродливый с виду, но вполне пригодный для жилья дом возвел, еще и сад на прилегающей территории посадил. И даже построил нечто вроде голубятни, непонятное сооружение на пятиметровых сваях. Лезть туда надо по хлипкой лестнице (Машка с Аськой всегда визжат), зато из грубо прорубленного окна и виден кусочек моря. Дед называет это помещение рубкой и каждый день навещает туда, вооружившись подозрительной трубой. Это называется у него «сторожить горизонт».

По поводу лесного дедова жилища – старик продемонстрировал его нам позапрошлым летом – в нашей семье мнения разошлись. Родители и Аська называли лесное поместье «кошмарным», а нам с Машкой, наоборот, оно понравилось. Ну и пусть только на «уазике» да с дикой тряской и доедешь. Ну и пусть никаких удобств. Зато по ночам очень романтично воют шакалы. И птички там наглые, дед их разбаловал – прямо с рук едят. Летом, если выдастся окошко между турнирами, я в дедову глушь обязательно наведу.

– ...Я чувствую: дни мои сочтены, – продолжал между тем напирать дед. – И хочу перед смертью раздать все долги. В том числе и вам, моим любимым внукам.

Его голос звучал пафосно – сто пудов, цитата, Машка бы наверняка сказала, откуда.

– ...Но завещать я вам хочу не дом, не землю – что им цена, копейки...

«Тысяч десять долларов, не больше», – прикинул я.

– ...Но одну вещь, которую обязательно нужно передать из рук в руки.

– Ой, дед. – Меня наш разговор начал раздражать. – Чё ты гонишь? Что еще за вещь? Какие-нибудь часы каслинского литья? С понтом, золотые? Пилите, Шура, пилите?! Или ты яичком Фаберже разжился?

– Может, и разжился, – загадочно ответил старик.

– Ну так и расскажи!

– По телефону – не буду, – отрубил он.

– Ну, тогда подожди. Вот приеду я к тебе летом, как собирался, и отдашь свою вещь.

– Нет, – повторил он. – Во-первых, вы нужны мне все трое. Ты. Мария. Ася. А во-вторых, это очень срочно. Вылетайте прямо сегодня. Или, в крайнем случае, завтра.

– Да ну, дедуля, ты скажешь! – усмехнулся я. – Как мы к тебе прилетим?!

– На самолете. Рейсов до Краснодара полно.

Нет уж. Визиты к деду в мою программу никак не входят. Но не посылать же старичка!.. И я поспешил перевести стрелки на сестричек:

– Допустим, я еще могу вырваться, у меня соревнований нет, а школа – фиг с ней... Но у Машки-то в этом году две группы, шесть семинаров в неделю! И лекции она по пятницам читает. А у Аськи ребенок маленький... Подожди. Мы обязательно прилетим, но позже. Ты ж не прямо сейчас умираешь.

Настаивать дед не стал. Холодно произнес:

– Что ж, дело хозяйское. Только смотри: я ведь свое завещание могу и изменить.

– Да чем ты там разжился? В лотерею «Миллион», что ли, выиграл?

– Бери выше. Я могу изменить вашу жизнь. Всех троих. К лучшему, понимаешь?! А это стоит любых миллионов...

– Какую-то ты ерунду говоришь... – совсем уж растерялся я.

– Ладно, Макс, – отмахнулся дед. – Я все понял. Вы там, в своей Москве, шибко важные. Все на деньги меряете. Что ж, смотрите не пробросайтесь.

– Да чего ты злишься! – виновато забормотал я.

– Злюсь? С чего ты взял? Мне просто вас, недаленовидных, жаль, – припечатал дед. – Сами не понимаете, что потерять можете... Но девочкам, Маше с Асей, ты все равно передай: я вас буду ждать. Всех троих. Завтра. До нуля часов. А не приедете – пеняйте на себя.

И в трубке запиликали короткие гудки. А я ее даже на рычаг не вернул. Так и стоял, растерянный, в коридоре. И весь боевой запал на утреннюю пробежку у меня окончательно исчез.

Тем же утром. Маша

Телефонный звонок в шесть утра меня не испугал. Я только порадовалась, что дверь в родительскую комнату плотно закрыта, а мама с вечера снотворного выпила, так что ранняя трель ее, скорее всего, не потревожит.

Наверняка Макс у звонят – кто-нибудь из приятелей-теннисистов, они там, спортсмены-горе-профессионалы, все безумные.

Я перевернулась на другой бок, водрузила на ухо подушку и попыталась уснуть по новой, но только Максина болтовня из коридора доносилась даже сквозь изрядный слой пуха. Я и отдельные слова выхватывала: «не злись...», «выгодное дело...» Что это за темные делишки у малолетнего братика? Может, несмотря на юные годы, он умудрился в казино проигратся? Это у них, теннисистов, говорят, в порядке вещей, вон его коллега по цеху Сафин немалые тысячи в игорных домах оставляет.

Максу, правда, проигрывать пока нечего, но все равно: нужно странный утренний разговор пресечь в корне. И допросить шалопутного братишку непосредственно на месте преступления. Тем

более что и спать мне уже расхотелось, несмотря на депрессивную темень за окном.

И я, нацепив халат и пригладив волосы (Макс пусть и брат, а ходить перед ним кикиморой в ночной рубашке я себе не позволяю), выползла из своей комнаты.

Брательника застала в кухне. Он заваривал себе чай – причем, как я отметила острым глазом, уже вторую кружку. А он ведь на утреннюю пробежку собирается. Как, интересно, после такого количества жидкости бегать?

– О, Машка... – вяло пробормотал он. – Ты чего вскочила ни свет ни заря?

– Да потому что ты на всю квартиру орешь! – строго покачала я головой.

Немного, конечно, преувеличила – брат не орал, а бухтел. Но уже привычка у меня выработалась: запугивать студентов, народец чуть постарше Макса, всеми возможными способами.

– Что за манера – болтать по телефону в такое время?! Странно, как ты еще маму не разбудил! – продолжала напирать я. – Кто это звонил?

Оправдываться брат не стал. Ответил:

– Дед. Со своих югов.

– Да ладно! – не поверила я. – И чего он хотел?

– Завещание хочет огласить... – усмехнулся брат. – Но завещает не дом, а что-то другое.

– Что же? – корыстно поинтересовалась я.

– Не говорит, – вздохнул Макс. И буркнул: – Совсем у старика крыша поехала...

И изложил странный разговор с дедулей во всех подробностях.

Я, пока Макс разглагольствовал, заварила себе кофе. Торт из холодильника, чтоб не третировать измученного спортивными диетами Макса, доставать не стала. Ограничилась хлебцами.

– Ну и что ты обо всем этом думаешь?.. – уставился на меня брат.

– А ты? – задала я встречный вопрос.

Тоже институтская привычка: сначала выслушать оппонента и только после вербализировать собственное мнение.

– Я уже сказал: у старикана крышу сорвало! – покачал головой брат.

Вот он, юношеский максимализм. Если верить Максиму, весь мир окрашен только в два цвета – черный и белый. Оттенков и полутонов не бывает.

Я поморщилась:

– Плоский ты, Макс. Примитивный. Неужели не понимаешь: с нашим дедом не все так просто?

На инвективы брат приучен не обижаться, потому просто переспросил:

– Ты думаешь, у него правда что-то выгодное?! – И тут же – ребенок еще! – взялся фантазировать: – Может, он в своем лесу клад нашел?..

– Клад не клад, а ты в курсе, что наш дед в советское время цеховиком был? Довольно мощным?.. Знаешь, какие деньги они зарабатывали?

– Да, папаня что-то рассказывал... но ведь советские деньги в какой-то реформе сгорели? В гайдаровской, что ли?

– Думаешь, в те времена долларов не было? – пожала плечами я. – И курс не в пример нынешнему, всего-то по пять рублей за зеленый бакс.

Ага. Загорелись глазки у братца. На халяву-то куда интереснее разбогатеть, чем на бесконечных турнирах ракеткой размахивать.

Только все равно пока возражает:

– А почему тогда квартирка у деда была такая поганая? И телик черно-белый?

– Может, он маскировался, – пожала плечами я. – Или ждал, пока срок давности по его цеховым преступлениям истечет.

Если честно, я не верила ни одному слову из того, что несла. Есть у меня дурацкая привычка – людей подразнить. Особенно доверчивого, словно теленочек, младшего братца.

Конечно, никаких денег у южного деда нет. И наследства нам от него не дожидаться. Но говорить, что он нас зовет только потому, что у него, как говорит брат, «поехала крыша»... Не все так просто.

Дед, как считает его сын, то бишь наш с Максимом и Аськой папа Климент, – фигура одиозная. Жизнь прожил – любой авантюрист позавидует. Сразу после института, вместо того чтоб коммунизм вместе с прочими жителями СССР строить, пошел в торгаши. Бензин менял на самогон, самогон – на мебель, мебель – на радиолы. Попался.

Отсидел. Вышел – и вместо раскаяния развернул бизнес по новой, с куда большим размахом... Опять попал под суд – в этот раз с конфискацией... Между отсидками успел жениться, настругать бабушке двоих мальчишек – нашего папу и дядю Митю, на четыре года младше отца – и очень быстро развестись. Даже странно, как такой человек согласился назвать старшего сына в честь красного маршала Ворошилова. Пошутить, наверно, решил.

Бабушка – она живет в Подмосковье и часто приезжает к нам в гости – про бывшего мужа говорить не любит. Но иногда в ее рассказах проскакивает: вот дед, молодой и бесшабашный, является домой с парой друзей... они усаживаются в гостиной – пить самогон. А к ночи кто-то из них достает наган, и все трое начинают палить, споря, кто быстрее попадет в крохотную декоративную вазочку.

Или другая история: как дед очередную бартерную (впрочем, тогда этого слова еще не знали) сделку провел. Обменял сколько-то литров водки на сто килограммов черной икры. И мой папа, несмотря на то что геолог и скромник, теперь может с чистой совестью говорить, что с детства черную икру ненавидит, потому что тогда объелся...

...Странно, что у нашего папани – соответственно, дедова сына – отцовских генов будто и нет. Внешне они похожи, а к бизнесу, к авантюрам у отца никакой склонности нет. И к деньгам он почти равнодушен. Вот дядя Митя, другой дедов сын, – он совсем другой был. Тоже, по рассказам бабушки, с юных лет пытался шустрить. Ее сколько раз в школу вызывали из-за того, что младший то жвачками приторговывал, то даже японскими электронными часами.

«Потому и кончил плохо».

А наш папа – наоборот. Учился сплошь на пятерки, помогал по хозяйству, начинал со старших классов ездил в стройотряды и половину тамошней зарплаты честно отдавал маме. А отца своего всегда осуждал. И до сих пор осуждает. А также старается, чтобы мы, внуки, общались с дедом как можно меньше.

И здоровое зерно в его действиях, безусловно, есть. Помню, как мы с Аськой, ей тогда было четырнадцать, а мне восемнадцать, летом, несмотря на папины протесты, отправились к деду на каникулы. Так он, вместо того чтобы нравственность юных внучек блюсти, нас ежевечерне ругал:

– Вы чего, как старые клуши, дома торчите?! Времени – девять вечера, а они в квартире сидят?! Тут море, шампанское, мальчики, южное небо, а они в телевизор уставились!.. Пошли бы на набережную, посидели где-нибудь, с ребятами познакомились...

Происходило это во второй половине девяностых. Тогда, особенно на югах, кабаки – да и мальчики – были такие, что приличным девушкам не сунься. Это сейчас в поселке модный курорт с вполне безопасными дискотеками, аквапарком и дельфинарием.

Или другой случай, как дед трехлитровую банку домашнего вина притащил и заставил нас с Аськой ее прикончить. Все разглагольствовал, что это дико полезно и в цивилизованных странах его даже грудные младенцы пьют.

Ну, мы тоже ведь не железные, не крайние зануды – дедовым уговорам и поддались. И правда с его помощью трехлитровую банку уговорили. Как у меня на следующий день башка трещала!.. А бедная Аська с тех пор вообще вина не переносит.

Вот такой у нас дед. Бесшабашный. Безответственный. Безалаберный... Но, и в этом я уверена абсолютно, секреты у него есть. Конечно, не клад и не скопленные нечестным трудом средства (если какие сбережения и были, он их наверняка давно уже промотал). Да если б еще и оставались – наш дед совсем не альтруист. Он, Макс прав, лучше себе телевизор купит, чем внукам жертвовать. А что же тогда у него за тайна?..

– ...В общем, я сказал, что у тебя до черта семинаров в неделю, а у Аськи ребенок, и мы приехать не сможем, – пробухтел братик. – Правильно?..

Правильно-то оно правильно... Но, с другой стороны...

Если мы никуда не поедem, то исполним свой долг. Я не подведу своих коллег по институту, Ася продолжит бесконечное ублажение ребенка и мужа... То есть мы поступим, как поступил бы наш правильный, высокоморальный папа.

Но только деда я тоже люблю! Плюс так надоело в Москве сумрачным ноябрем! В институте – нудно, в метро – мерзко, дома – скучно... Да и Аську хорошо бы развеять. А то она после рождения Никитки ни разу дальше километра от дома не отходила, сидит, возится то с ним, то с противным мужем. А тут такая оказия! И самой

развезаться, и сестру развеселить, да и потом – вдруг дед и правда завещает нам что-нибудь полезное?

В конце концов, чем мы рискуем? Ну, уедем ненадолго из Москвы, потратимся на билеты да на гостинцы старичку.

– А ты сам поехать сможешь? – спросила я брата. – Не умрет без тебя твой теннис?

– Да нет, наверно... – растерялся он.

– Тогда езжай за билетами. Мы вылетаем сегодня вечером. Как дед и просил.

– Ты гонишь! – изумленно выдохнул Макс.

Я только поморщилась, но пенять ему на жаргон не стала.

– А как же твои семинары? – продолжал напирать брат. – Да и Аську этот ее хрен с горы, муж, в жизни не отпустит!..

– А кто его спросит? – усмехнулась я. – Все, я решила. Мы едем! Хоть к деду, хоть к черту на рога!

Надоело мне быть пай-девочкой, и точка!

Тем же днем. Ася

Таких скандалов муж мне еще не устраивал. Трения, конечно, и раньше бывали, и орали мы друг на друга, и дулись, и даже ужинали в полном молчании, но идиоткой он меня прежде не называл. Никогда. И про послеродовой психоз не упоминал ни разу. И семью мою не цеплял, не говорил, что мы – сборище ненормальных.

А тут раскричался:

– Тащить ребенка! В самолете! Непонятно куда! Непонятно зачем?!

И все мои объяснения, что дед хочет нам, всем троим, огласить завещание и вручить нечто важное, Мишка даже слушать не захотел.

– Это безумный старик! Понимаешь: просто безумный! А ты идешь у него на поводу!..

Я, конечно, тоже не выдержала. Обозвала Мишку в ответ провинциальным дундуком и халявщиком. Сказала, что подаю на развод, и велела убираться из квартиры, хотя живем мы на съемной, и если муж и правда уйдет, то платить за нее мне будет нечем.

В общем, рассорились в пух. Хорошо, что Никитка нашего скандала не слышал, а то б точно начал реветь так, что не остановишь.

Мишка ушел на работу с каменным лицом, а я осталась наедине со спящим ребенком и беспросветным дождем за окном. Так сразу грустно стало... И я подумала: «А если Мишка и правда вечером не придет?» Это ведь ужасно: ночевать одной, и просыпаться одной, и даже словом перемолвиться не с кем, потому что максимум, на что пока способен Никитка, – это реплика «тя-тя-тя-тя-тя!».

Я уже была готова первой дать задний ход, извиниться перед Мишкой и от поездки на юга отказаться. Никакое дедово завещание не стоит семейных скандалов.

Но удержала меня сестрица Машка. Примчалась к нам с Никиткой уже с билетами, замахала пестрыми бумажками:

- Смотри, Аська! Нам с Максом – по одному, а тебе – целых два!
- Почему два? – не поняла я.
- Один твой, второй – Никитин.

Никитка – звук собственного имени, как и свое отражение в зеркале, он любит самозабвенно – тут же заулыбался, запротягивал к Маше ручки. Сестра с удовольствием схватила малыша, прижалась щекой к его щечке, зафырчала, имитируя любимый племянником звук паровозика.

«Эх, пора ей тоже своего... Пора», – в который уже раз мелькнуло у меня.

Но развивать тему я не стала. Вместо этого спросила сестру:

- А Никитка разве не бесплатно летит?
- Бесплатно. Но билет ему все равно выписали, как большому, только видишь, написано «фри оф чардж».^[4] И еще ему в самолете люльку дадут.

– Люльку?

– Ну да. Это такое корытце, оно к передней стенке крепится, вместо обеденного столика.

– Ага, усидит он в люльке, – я с сомнением покачала головой.

– А куда денется? – беспечно дернула плечами сестра.

И я вновь подумала, что, наверно, Мишка прав и я зря согласилась на эту поездку. Машка и Макс просто не понимают, каково это – путешествовать с грудным ребенком, да еще таким капризным, как Никитос. Дорога в аэропорт, регистрация, автобус к самолету,

перелет... Везде сквозняки и пассажиры с инфекциями, а у него еще не все прививки сделаны. Да и когда приедем, тоже не легче. Удобств в дедовском поместье никаких, туалет во дворе, и даже бойлера нет, чтоб согреть воду для купания, ее на газовой плите кипятить надо.

– Слушай, Маш... А давай вы с Максом вдвоем полетите? Я боюсь: заболит в дороге Никитка. Или так нас изведет, что все не в радость будет...

– Но-но-но. Что за упаднические настроения? – нахмурилась сестра. – Во всех цивилизованных странах дети летают с рождения. А чем вы с Никитой хуже?

Никитка в этот момент воспользовался тем, что тетка отвлеклась, виртуозным жестом сдернул с ее носа очки. И немедленно засунул их в рот.

– Фу, кака! – выкрикнула я. И потянулась отбирать.

– Не кака, а «Гуччи», я год на них копила, – обиделась Машка. – Да ладно, пусть играет.

Но на свои «Гуччи», стекла которых с упоением облизывал племянник, смотрела с нескрываемой жалостью.

Я попыталась отвлечь Никитку его любимым паровозиком, но хитрый парень игрушку проигнорировал. Уже большой, понимает: паровоз при нем целые дни, а тетя с восхитительными, все в бактериях, очками приходит не часто.

– Оставь ребенка в покое, – строго сказала сестра. – И иди собирайся. Что там ему нужно: пара ползунков, пара памперсов...

– Ему нужна целая гора одежды! И лекарств ящик.

– Да, Аська... – покачала головой Мария. – Ты и правда какой-то клушей становишься!

Пришлось возразить:

– Я не клуша. Я мать. И потом, ты же сама говоришь: шансов, что дед чего-то стоящее расскажет, очень мало. Вот и летите вдвоем с Максом. А от меня передавайте ему извинения, и коробку конфет я с вами отправлю. Что дед, не понимает, что у меня ребенок грудной?

– Нет, – безапелляционно отрезала сестра. – Дед сказал: мы должны прилететь все втроем.

Я решила зайти с другой стороны:

– Маша, ты взрослый, зрелый человек. Преподаватель вуза, кандидат наук. Неужели еще не усвоила, что чудес на свете не бывает?

И если дед говорит, что готов изменить нашу жизнь, – он, скажем так... преувеличивает. Если не сказать, – я замаялась, вспомнив, что сестра не любит жаргон, но все же закончила: – Гонит пургу.

– Да все я, Аська, понимаю, – неожиданно легко согласилась она. – Скорее всего, дед чудит. Просто соскучился, хочет нас всех увидеть, вот и придумал интригу, чтобы мы наверняка прилетели. Но... ты помнишь историю с яблоками?..

Никитка услышал слово «яблоко» – продукт, который можно бесконечно долго обсасывать и надкусывать с риском подавиться, – и сразу оживился.

– Нет, зайка, – твердо сказала я. – Никаких яблок. Сейчас будем обедать.

А непедagogичная по отношению к малым детям сестра только пожалала плечами, схватила из вазы на столе антоновку и протянула племяннику.

Никитка вгрызся в плод мертвой хваткой.

– Ему только симиренку можно! – пискнула я.

– Да какая разница! – фыркнула сестра. И продолжила давить: – Ну ты вспомни, вспомни, как тогда, восемь лет назад, дед нас с этими яблоками развел!..

Да что там особо вспоминать.

Вокруг Абрикосовки – южного поселка, где проживает наш дед, – полно садов. И яблоки в них обалденные. Сочные, в меру сладкие, налитые. Только вот он, один из парадоксов нашей действительности, – в поселке их не купишь. Их сразу увозят на продажу куда-то в дальние города. Нам с Машкой случайно единственное яблоко перепало, и мы сразу загорелись: вот бы таких раздобыть хотя бы килограммчик! Только шансов у нас не было – сады в Абрикосовке охраняются покруче, чем иные военные объекты: дядьки с ружьями, собаки и даже видеонаблюдение.

Мы пожаловались деду, что нигде не можем достать местных яблок. Он поначалу только плечами пожал: на рынке турецкий «гольден» продается, его и покупайте... Но как-то вечером ворвался в нашу комнату с самым загадочным видом. Велел:

– Срочно одевайтесь!

И бросил на кровати по комбинезону защитного цвета.

– Зачем? – обалдели мы.

– Идем сады грабить.

Грешны: колебались мы недолго. Послушно оделись – комбинезоны, что удивительно, оказались точно впору. И со всеми предосторожностями, дед во главе, отправились на промысел.

О, какое это было приключение! Мы резали специальными плоскогубцами проволоку на заборе... затаивались в канавах... чтобы сбить со следа собак, посыпали следы белым, за неимением кайенского, перцем... вдалеке слышались мужские голоса, лай и даже звуки отдаленных выстрелов, луна то исчезала за тучами, то расплывалась в предательской улыбке... но миссию мы в итоге выполнили – и вернулись домой страшно довольные, с полными рюкзаками восхитительно вкусных яблок. Машка, хоть уже и студентка была, радовалась, как ребенок, я тоже была в восторге, но больше всех ликовал дед. Не уставал повторять: «А ведь нас, милочки мои, подстрелить могли запросто! Или в милицию забрать, вот ваши родители бы порадовались!..»

Мы смотрели на деда, нашего проводника, как на бога. А перед отъездом случайно подслушали его разговор с приятелем – тот, как мы поняли по контексту, служил в яблоневох садах начальником охраны. И дед благодарил его за то, что тот «помог развлечь девчонок и разрешил эту маленькую авантюру».

...– Но что в той истории такого особенного, Маш? – усмехнулась я, не спуская глаз с Никитки, который с остервенением вгрызался в яблочную кожуру. – Забавно, конечно, и вкусно, но...

– Да я в ту ночь, когда мы сад грабили, только, считай, и жила! – неожиданно выпалила сестра.

– В смысле? – Я удивленно уставилась на нее.

– Так все скучно! Институт, учеба, работа, экзамены, помыть посуду, уступить место старушке... Все правильно, все рассчитано: в двадцать пять лет – кандидатская, к сорока – докторская, инфляция десять процентов в год, пить – вредно, курить – нехорошо... Кругом сплошные нормы. Надоело!

– Вау! – не удержалась я. – А гены-то работают. Дедова внучка!

– Дедова, – кивнула она. – Я ему завидую. Он хоть пожил интересно...

– И что это ты до сих пор преподавательницей в институте работаешь? – продолжала подначивать я. – Может, тебе подать

заявление в какое-нибудь ЦРУ? Авось возьмут в агенты ноль-ноль-семь?

– Да я бы пошла, если б позвали, – с искренним сожалением вздохнула Машка. И добавила: – А то с этой правильной жизнью иногда тоскливо до жути. – Она тяжело вздохнула. – И одиноко.

Я понимающе склонила голову: теперь, когда Мишка, разозленный, ушел, я понимала сестру как никогда. Конечно, она тоскует не из-за того, что у нее работа «правильная», а потому, что в свои двадцать восемь до сих пор одна. До чего ужасно, когда тебе некого ждать по вечерам!..

– Ты смеяться будешь, но я даже своим студентам завидую! – задумчиво продолжала Машка. – У них-то пусть дождь и сырость, а постоянно какие-то события. Любовь, вечеринки. В Питер мотаются на выходные... А у меня сценарий один: работа – дом, работа – дом.

Я тоже не удержалась и пожаловалась:

– У меня и вовсе: только дом.

– Ну вот. А тут съездим, развеемся. Дед-то – он при всех своих минусах – такой забавный! То, что он Максу про какую-то выгоду говорил, – это, конечно, полная ерунда. Но наверняка он нас развлечет. Всех троих. И особенно тебя, а то ты совсем уже в своих ползунках погрязла. Сплошная глажка-готовка-стирка.

Будто в ответ Никитос издал утробный звук... и вывалил кусочки непереваренного яблока на свежестырянный комбинезончик.

– Срыгнул. Говорила тебе: не давай! – напустилась я на сестру.

– А, ерунда, – отмахнулась Машка. – Оставь мужу – постирает...

– Нет, Маша. Я никуда не полечу.

– Полетишь, – усмехнулась она. И добавила: – Только насчет пары ползунков я, пожалуй, была не права. Бери как можно больше.

Тем же вечером. Макс

Захотели приключений – и получили их с избытком.

Начать с того, что сестры решили сэкономить – не вызывать такси по телефону, а поехать на частнике. Частником оказался, как и положено в Москве, колоритный горец на ржавых «Жигулях»-«пятерке». (Когда мы голосовали, втроем плюс Никитос у

Аськи на руках и три чемодана, мимо проезжали и более приличные машины. Но иных охотников остановиться возле нашей живописной группы не нашлось.)

Дороги в аэропорт горец не знал, нас, когда мы ему советовали, как ехать, не слушал. Плюс вечные столичные пробки, а едва мы из них выбрались – машина чихать начала, потому что бензин кончался, еле дотащились до заправки... Время летело, регистрация заканчивалась, Аська с Машкой все больше впадали в истерику, и даже Никитос, который вначале воспринимал поездку с восторгом и упоенно со своего заднего сиденья драл водителю роскошную шевелюру, начал канючить.

В итоге во Внуково мы явились за полчаса до вылета, и дальше прочие пассажиры могли лицезреть живописную картинку: как Аська с крошечным, притихшим от множества событий Никиткой под мышкой умоляет самолетных служительниц не снимать нас с рейса, а мы с Машкой, два барана, периодически подвываем: «Ну по-ожалу-уйста!»

А едва мы прошли в самолет и в изнеможении рухнули в кресла – Никитос вдруг налился пунцом, закричал и огласил салон характерными звуками, плюс запахок пошел, будто и не малый ребенок по-большому сходил, а добрый молодец.

Аська – нервы у нее с этой семейной жизнью и правда стали ни к черту – намылилась рыдать. Пищит, на глазах слезы, губы дрожат:

– Что теперь делать? Как его тут переодеть?! Я говорила вам!.. И зачем я согласилась лететь?!

А Никитос, страшно довольный, что облегчился, спокойно развалился в кресле и принялся сосать привязной ремень.

– Да чего ты волнуешься? Сейчас поменяем подгузник – и вся проблема! – с напускной бодростью сказала Маша.

Но самолет уже тронулся, стюардессы вставать запретили, и потому всему нашему салону пришлось взлетать с зажатыми носами...

Полет и дальше проходил экстремально. На взлете Никитка орал как резаный. А едва успокоился, Машка с Аськой, горе-женщины, понесли его подмывать и едва не уронили в унитаз. Потом со стороны племянника были бесконечные скачки по сиденью, разрывание на клочки журнала и горестные завывания, когда Ася это занятие пресекла. А как только принесли ужин, ребенок взялся швыряться булочками и взбивать в стаканчике ладонью апельсиновый сок.

Мы с Машей по мере сил пытались остановить бесчинства юного родственника, но нам это удавалось плохо. Никитка нас и щипал, и слюнявил, и ревел на наших плечах. А больше всех, конечно, доставалось Аське. Та и кормила, и утешала, и поила его, и чистила нос, и гладила, и укачивала...

А я к моменту, когда самолет пошел на посадку, решил окончательно и бесповоротно: нет уж, дети – это не для меня! Особенно такие мелкие, как Никитка. Прикольно, конечно, когда он тебе рожи строит и с преехиднейшим видом царапает за нос, но слишком уж много сопутствующих проблем. Особенно в самолете.

Впрочем, после приземления тоже пошло неслабо.

Сначала мы бесконечно долго, уставший Никита все это время канючил, ждали багаж. Когда наконец получили его, выяснилось, что у Никитовой коляски потерялось колесо, и только пронзительный, натренированный бесконечными лекциями Машкин голос вынудил грузчиков оторвать свои задницы от лавочки в курилке и найти несчастное колесо.

Таксисты в аэропорту Краснодара тоже нас не порадовали – дружно заламывали за поездку до Абрикосовки такую цену, что даже я, человек, абсолютно равнодушный к деньгам, хватался за голову. Посему пришлось отказаться от заманчивых «Тойот» и «Фордов» с кондиционерами и согласиться на предложение очередного горца и его ржавую «пятерку», точную копию той, на которой мы мучились в Москве...

Дорога в Абрикосовку идет по перевалам, от бесконечных поворотов Никитку нещадно тошнило, он всю дорогу ревел, и я, человек, привыкший к переездам, малыша понимал: тяжело. Я б тоже сейчас с удовольствием поканючил, будь у меня столь благодарные слушательницы, как Ася с Машей...

А ведь мы еще не добрались до Абрикосовки, там, чтобы до дедова поместья доехать, надо будет «уазик» искать...

– Дернул же меня черт влезть в эту авантюру! – в какой-то момент выкрикнула измученная Аська.

За окном стояла ночь, еще более кромешная, чем в Москве, и в свете фар мелькали мокрые, почти облетевшие деревья.

Я в этот момент – потому что Никита орал особенно громко – был с ней полностью согласен.

И только Машка, железная леди, закаленная в боях со студентами, прошипела:

– А ну, всем не ныть! Дед же обещал: мы не пожалеем!

27–28 ноября.

Семья. Встреча с дедом

Частник выгрузил их на автостанции Абрикосовка. По статусу – самый центр, что-то вроде поселковой *Тверской* – тут в двух шагах и мэрия, и местный ГУМ, то бишь вещевой и продуктовый рынок, и стоянка такси. А по виду – небольшой, плохо освещенный пятачок. Тем более грустно здесь было сейчас, кислым южным ноябрем.

Время близилось к девяти вечера, и темнота поселок уже накрыла такая, как только на юге бывает: чернильное небо, россыпь холодных звезд и единственный на всю площадь фонарь.

Таксист получил расчет, выгрузил их чемоданы на заплыванный асфальт и яркой кометой унесся обратно, в черноту неосвещенного шоссе. И сразу почему-то стало совсем одиноко и бесприютно. Пока добирались – как-то держались, сплоченно и терпеливо, а сейчас, почти доехав, мигом раскисли. Никитка, прикорнувший было в теплой машине, тут же взялся канючить, и никакие Асины: «А вот дядя пошел! А укуси Макса за нос!» – уже не помогали. От Макса – вот они, не приспособленные к тяготам жизни мужики! – тоже толку никакого. Воровато оглянулся на сестер и потрусил к единственной освещенной в этот час палатке: явно вознамерился залить усталость и тяжелую дорогу пивком. И это вместо того, чтобы найти машину, которая довезла бы их до дедова логова! Тоже мне, сильный пол. А ведь Макс – еще один из лучших его представителей...

Маше очень хотелось нагнать брата и сделать ему внушение, но потом она решила: и без него справится. Оставив сестру умасливать племянника, девушка решительным шагом направилась к группке таксистов. Вежливо поздоровалась (южане могут простить москвичам ненавистный акающий говорок, но грубость – никогда) и спросила:

– Извините, пожалуйста. У кого-нибудь из вас есть «уазик» или джип?

– А куда ехать? – немедленно оживились мужики.

– В район «Газовика».

«Газовиком» назывался дом отдыха в пятнадцати километрах от поселка. Ближайшая к дедову дому точка цивилизации.

– На «Газовик»? А на фига? – удивился кто-то из таксистов. – Он же закрыт. Не сезон.

– Мне не совсем туда, – терпеливо пояснила Мария. – Там есть жилой дом, километрах в трех в сторону... Знаете, где раскопки дольменов раньше были.

Водители переглянулись.

– Тебе к Матвеичу, что ли? – спросил один из них.

– К нему, – кивнула Маша.

– А ты кто ему будешь? – продолжал допрос водителя.

Маша с трудом проглотила и ненавистное тыканье, и неумное провинциальное любопытство – и покорно ответила:

– Я его внучка.

Мужик отреагировал непонятно. Ухмыльнулся:

– Вот как! Что ж, повезло тебе...

Маша начала закипать:

– Послушайте. А можно ближе к делу?

– Молодец, внучка. Шустрая, – ухмыльнулся шофер. А потом опять сказал непонятное: – Как иначе – на-аследница.

«Что там наследовать? Этот сарай?» – едва не фыркнула она. Но от ненужной дискуссии удержалась и снова вернулась к вежливому тону:

– Так что насчет машины? Мне нужно обязательно попасть к деду прямо сегодня.

– Я понимаю. Засуетились... – встрял еще один таксист. – Теперь Матвеич всем нужен...

– Только я на «Газовик» и за косарь не попрощусь, – подхватил третий. – Особенно сейчас, когда дожди прошли.

Таксисты переглянулись. Один из них неуверенно обратился к товарищу:

– Может, Колян, твой «Иж» туда пройдет?

– Щаз, – окрысился тот, кого назвали Коляном. – Чтоб мне потом, за ихнюю штуку, всю подвеску менять?!

Пятнадцать километров пути, а водилы и за штуку ехать не хотят? Совсем оборзели.

«Нужно, наверно, с ними ругаться. Или уговаривать, – тупо думала Маша. – Или другой вариант. Какую-нибудь гостиницу в поселке поискать. Поздно уже, все вымотались. Перекантуемся ночь, отдохнем. А завтра с новыми силами... Эх, прав был Макс: ерунду я с этой поездкой затеяла...»

Действительно, ситуация была из разряда дурацких. Провинциальный поселок, ночь, намечающийся дождик, три чемодана, уставший грудной ребенок, а деду даже не позвонишь. Кабель в его дыру не протянули, а мобильники в глухом лесу тоже не берут...

И Маша поймала себя на странном ощущении. Вроде и разговор таксистов слышит, и брата – он уже торопится к ней, нежно прижимая к себе две бутылки пива – видит, и Аську с племянником на руках, а такое чувство, будто она на другой планете. Будто все люди вокруг и все их разговоры – далеко-далеко... Вот что значит усталость.

Подошел брат, потянул ее за руку:

– Пошли!

Занятая грустными мыслями, Маша не сразу заметила, что лицо у него лучится восторгом.

– Куда вы?! Давай в гостиницу отвезу! – крикнул в спину кто-то из таксистов.

Но Макс ей даже обернуться не дал, продолжал тащить за собой. Они вернулись к Асе, которая по-прежнему стояла посреди площади с плачущим Никиткой на руках и чемоданами пообочь, и в этот момент к их группе плавно и с достоинством подкатил большой черный джип. Маша плохо разбиралась в марках машин, но эту узнала: «Тойота Лэндкрузер». Именно на такой ездил один из ее несостоявшихся женихов – тот самый, который мечтал взять себе в марухи интеллигентную подругу.

– Это что? – удивленно уставилась на брата Маша.

– Дед за нами прислал, – небрежно пожал плечами Макс.

А из джипа уже выскочил шустрый паренек и начал закидывать их вещи в багажник.

– Дед?! – еще больше изумилась Маша. – Но откуда у него джип?!

Макс только руками развел, объяснил:

– А я знаю? Я покупал пиво в ларьке, а тут этот парень подходит. Спрашивает: «Ты Максим Шадуринов?» Я офигел. «Откуда, – говорю, –

знаешь?» – «Мне, – отвечает, – ваш дедушка фотографии показывал, я вас всех знаю. Вон Ася стоит с правнуком Никитой, а с таксистами разговаривает Маша».

– Ерунда какая-то, – перекрывая Никиткин плач, изумилась Ася.

– Сюрреализм, – согласилась Мария.

А Макс продолжал:

– «Ну а ты-то, – я этого парня спрашиваю, – кто такой?» А он говорит: я, мол, дедов шофер.

Еще смешнее. С каких это пор российские пенсионеры стали обзаводиться шоферами?!

И Мария – непонятностей и недоговорок она не любила – зычно, как на лекции, позвала:

– Молодой человек! Подойдите сюда.

Водитель джипа послушно приблизился.

– Будьте добры объяснить, что это за машина? Куда вы собираетесь нас везти? И как, наконец, вы узнали о нашем приезде?

Молодой человек смиренно выслушал ее вопросы. Подмигнул Никитке – малышу реветь уже надоело, он таращился и на водителя, и особенно на машину во все глаза. И ответил – речь его звучала на удивление правильно, без всяких южных гэканий и жаргона:

– Машина принадлежит Николаю Матвеевичу Шадурину, он ваш дед, а вы – Мария, Ася и Максим Шадурины. Узнал, что вы приедете, я от хозяина. Встречаю вас здесь, на автостанции, с утра. И везти, соответственно, собираюсь к Николаю Матвеевичу на виллу.

– Куда везти? – изумленно выдохнул Макс.

– На виллу. Николай Матвеевич так свое жилище именует, – тонко усмехнулся шофер.

– Да, дед у нас известный шутник, – пробормотала Маша.

– Почему шутник? – вдруг обиделся шофер. – Это терминология. Я сам читал, что дом площадью свыше шестисот квадратов принято называть виллой.

Шадурины изумленно переглянулись.

– И давно дед построил... эту свою виллу? – осведомилась Маша.

– Бригада отделочников неделю назад ушла.

– Я ба-алдею. – Макс, будто пытаюсь проснуться, затряс головой.

– Вы едете или нет? – спросил дедов водитель.

– Едем, – кивнула Маша.

Она по-прежнему ничего не понимала. Их дед, конечно, большой мастак пустить пыль в глаза: когда несколько раз в жизни они вместе ходили в рестораны, чаевые оставлял такие, что официанты перед ними едва канкан не плясали. Но джип с личным шофером и уж тем более вилла – это явный перебор.

Шофер тем временем гостеприимно распахнул перед ними дверцы машины. Сказал:

– Располагайтесь!

Внутри машины приятно пахло кожей, струилась еле слышная, в восточном стиле, музыка, блистала уютными многоцветными огоньками панель приборов – в общем, полная роскошь. Представить в подобном интерьере деда – в его любимом стареньком камуфляже – было решительно невозможно. Что, интересно, за чудеса с ним произошли?! К тому же он о каком-то завещании упоминал... В любом случае отправились на юг они, видно, не зря.

– А ты не хотела ехать! – триумфально шепнула Маша сестре.

– М-да уж... – растерянно пролепетала Ася. – А нам это не снится?..

И запустила повизгивающего от нетерпения Никитоса в теплое, полное всяких милых детскому сердцу фенечек, нутро машины.

Николай Матвеевич Шадурич встречал их на въезде в свое поместье, подле кованых, прихотливо изогнутых ворот. Мария, Ася и Максим издали в свете мощных фар джипа разглядели его сухонькую, укутанную в плащ-дождевик фигуру. Водитель заходя, метрах в десяти, вдавил кнопку дистанционного управления, створки ворот лениво поползли в разные стороны, а дед приветственно замахал рукой.

– Ну, старикан дает! – тихо, чтоб не расслышал шофер, прошептал Макс.

– Тут раньше даже забора не было... – удивленно вспомнила Ася.

Джип, мягко шурша гравием, триумфально въехал во двор.

Раньше то был пустырь с одинокой грядкой редиски, кривобокой поленницей и несколькими юными фруктовыми деревцами, кои старик гордо именовал «мой сад». Теперь же дедову обитель было просто не узнать. Классическое жилье «новых русских» – как его изображают, к нещадной зависти зрителей, в современных сериалах. Кованая ограда,

мощенные камнем дорожки, рассажены в живописном беспорядке деревья-крупномеры и даже фонтан, правда, выключенный, ввиду, наверное, дождя и позднего времени.

Производила впечатление и вилла – трехэтажная, отштукатуренная в безупречный кремовый цвет.

А вот дед посреди всего этого великолепия казался не хозяином, а самозванцем. Ни золотой цепью, ни даже кожаным пиджаком он не обзавелся. Был одет в привычный старенький камуфляж. Плюс неухоженные ногти, небрежная стрижка... И глаза такие же, как раньше, – молодые, лучистые и хитроватые.

– Внучата мои! Приехали!.. – радостно приветствовал он гостей.

И без лишних церемоний выхватил из Асиных рук усталого, зевающего Никитку.

– А это, наверно, мой правнучек? Здравствуй, Никитушка!

Ася сжалась – с нравом сынули она, слава богу, знакома. Тот не переносит ни фамильярного «Никитушки», ни тем более чужих объятий.

Но малыш, на удивление, протестовать не стал. Широко улыбнулся прадеду и вцепился ему в бороду.

– Молодец, мальчик! Сильный! – похвалил Николай Матвеевич, поспешно возвращая ребенка внучке.

Тем временем они вошли в дом – и дедова вилла предстала перед ними в полном своем блеске. Огромный зал, натертый паркет, массивный стол красного дерева, кожаные кресла, горка, полная посуды тонкого фарфора. По стенам – картины сплошь с морскими пейзажами (пара из них по манере письма удивительно напоминала Айвазовского). На красивой низкой подставке – модель парусника с крошечными белоснежными парусами и искусно выточенными фигурками матросов на палубе. Довершали картину несколько установленных на столе канделябров, по виду бронзовых – в них уютно плавилась свеча. А вот электрического света не было.

Гости топтались на пороге в немалом изумлении – даже разговор, от потрясения, никак не удавалось завести. Все прекрасно помнили, как приезжали к деду позапрошлым летом, всего-то полтора года назад. И ютились всем кагалом в единственной гостевой комнатке с дощатым полом и растрескавшимся потолком. А мыться ходили в обустроенный прямо на улице жалкий душик.

Маша опомнилась первой. Строго спросила:

– Дед, что случилось? Откуда все это?!

Старик улыбнулся:

– Что, нравится?

– Впечатляет, – не стала притворяться Мария. – Но ты вроде всегда на пенсию жил. Три тысячи рублей в месяц, если не ошибаюсь?.. На дрова и то не хватало.

– А жизнь, Машенька, штука полосатая, – загадочно ухмыльнулся дед. – Вчера дров нет, а сегодня камин дымит, печник никак разобраться не может, в чем проблема...

– И все-таки, – не сдавалась Маша. – Такая вилла – это ведь огромные деньги!

– Да какие там огромные! Не больше миллиона. Я имею в виду, конечно, долларов. – Дедовы глаза смеялись.

– Может, ты, дедуль, в мафию подался? – хохотнул Макс.

– Мафия – это для молодых. И тупых, – презрительно скривился Шадурин-старший. – Впрочем, что за допрос прямо с порога? Не хотите ли пройти в свои комнаты, отдохнуть с дороги, уложить моего дорогого правнука спать, а после всем вместе собраться здесь к скромному ужину?.. Тогда и поговорим.

– Нет, объясни сейчас! – Маша явно не хотела сдаваться.

Но дед только отмахнулся:

– Все, разговор окончен. Арина вас проводит.

За его спиной уже маячила средних лет женщина в белоснежном переднике, она тепло улыбалась гостям.

– Слушай, дед, а почему свечи? У тебя свет вырубили? – не без ехидства поинтересовался Макс.

– Просто я полагаю, что электричество – это скучно, – пожал плечами дед. – Подумай сам: море, лес, одиночество – это все просто обязано дополняться свечами...

Впрочем, выключателем щелкнул, комната осветилась мертвенным светом энергосберегающих ламп – и действительно, сразу потеряла половину своего очарования.

– Может, у тебя и горячая вода есть? – с надеждой спросила Ася.

Дед только усмехнулся.

А в разговор вступила прежде молчавшая Арина:

– Конечно, есть. Душевые при каждой из гостевых комнат, и в подвале – сауна и джакузи. А для вашего малыша мы, кстати, детскую ванночку купили. И кроватку. Николай Матвеевич велел.

– Да-а, клёво быть помещиком! – хмыкнул Макс.

– Не жалуюсь, – усмехнулся в ответ дед. – Ну, идите же, отдыхайте, переодевайтесь! Ужин подадут ровно через час.

Усталости как не бывало – один малыш Никитка не выдержал, уснул, едва коснувшись головой подушки, Асе его, против обыкновения, даже укачивать не пришлось.

Гости, освежившись в душе и с удовольствием переодевшись – грязную одежду забрала Арина и обещала к завтрашнему дню постирать и погладить, – собрались за столом в гостиной. В дальнем уголке массивного стола диссонансом смотрелись их скромные дары – батон сырокопченой колбасы, коробка конфет и стограммовая баночка красной икорки. Прежде старик их за такие подарки благодарил – и нынче поблагодарил тоже. Однако к ужину Арина подала семгу, запеченную под шубой из креветок, перепелов в кляре и суфле-панке. Воистину, неисповедимы пути Господни!

Дед об источниках своего внезапно возникшего благосостояния упорно молчал. Отшучивался.

Расспрашивал про Москву, про Максовы теннисные турниры, Машиных студентов, Асиного мужа... И лишь когда Арина убрала тарелки и подала – на выбор – чай или кофе, триумфально изрек:

– Что ж, довольно вас мучить.

Он сделал в лучших традициях МХАТа паузу и встал из-за стола.

Ровно за его спиной – а сидел дед, как и положено хозяину дома, во главе стола – располагалась картина, изображавшая, разумеется, так любимое дедом море, а в нем – длинноволосого, бородатого и изможденного мужчину, из последних сил цеплявшегося за обломок доски.

Подпись под полотном гласила: «Д. Гагин. Кораблекрушение. Холст, масло. 1986-й год».

«Кто, интересно, такой этот Гагин? – мелькнуло у Маши. – Никогда про такого художника не слышала, хотя картина неплохая».

Но додумать мысль она не успела – дед небрежно сдвинул «Кораблекрушение» в сторону. Под картиной, тоже в лучших

традициях «новых русских», оказался вмонтированный в стену сейф. Дед ловко отщелкал цифры кода, массивная стальная дверца с приятным клацаньем отворилась... и хозяин осторожно извлек из недр несгораемого шкафа упакованный в несколько слоев пленки предмет – по размеру как небольшая цветочная ваза.

Дед бережно водрузил свою ношу на стол и принялся аккуратно и торжественно разворачивать пленку.

Гости в изрядном нетерпении наблюдали за его манипуляциями. Вот наконец упаковка сложена рядом – и их взорам явилась... всего-навсего очень старая, металлическая, с потрескавшейся эмалью и какими-то письменами, чаша – или ваза – на высокой, утолщенной книзу, ножке.

– Вот она, – триумфально, с придыханием, произнес дед.

Гости в изумлении переглянулись. «Раньше в таких мороженое подавали. В дешевых кафешках», – мелькнуло у Маши.

– И что это за дрянь? – без всякого пиетета озвучил общую мысль Макс.

Дед насупился и с неудовольствием зыркнул на внука.

– Прости, конечно, дедуля, – засмутился внук.

– Но мы чего-то совсем другого ждали! – пришла на выручку брату Ася.

Мария строго сказала:

– Ты обещал объяснить, откуда у тебя миллионы взялись. А сам какую-то железку предъявляешь.

Взгляд Шадурина-старшего потеплел.

– Ах, дорогие мои... Вы, все трое, еще так молоды. Неразумны и горячи... – вздохнул он.

– А можно ближе к делу? – насупилась Маша.

Но дед лишь легонько плечом дернул.

– Я тоже, когда впервые увидел сей предмет, едва удержался, чтоб не пнуть его ногой. Как хорошо, что я этого тогда не сделал!..

– А что это вообще такое? – вежливо поинтересовалась Ася. – Вроде вазочка...

– Вазочка, да не совсем, – важно ответил дед. – Чаша эта, как гласит справочник антиквара за прошедший год, относится ни много ни мало к девятнадцатому столетию и сама по себе представляет немалую художественную ценность, вы только посмотрите на матовое

золочение, патинирование и изящные письма... Но уникальность ее совсем в другом.

– ...Потрешь ее, из бороды волосок выдернешь – и тут же джинн явится. И виллу тебе построит, – перебила Маша.

Дед внучкину реплику проигнорировал. Прокашлялся, откинулся, в стиле матерого рассказчика, на стуле и начал:

– Это случилось в начале марта. Стоял светлый, наполненный робким дыханием весны денек.

– Чем-чем наполненный? – фыркнула Мария.

Дед не ответил. Продолжил:

– Я шел по берегу моря, направляясь к причалу, где меня ожидала моя верная «Катти Сарк»...

– Это твоя шаланда так называется? – снова не удержалась Маша.

Про дедов катер все трое слышали неоднократно, правда, прокатиться на нем никому из них ни разу не довелось. «Старая посудина», как называл ее дед, вечно находилась то в ремонте, то в покраске.

– Видели бы вы ее *сейчас!* – не удержался от похвальбы старик. – Вся блестит, новый двигатель на сто пятьдесят пять лошадей, мореходность – пять баллов, скорость – до тринадцати узлов!.. Впрочем, мы отвлеклись. Мой причал, я вам когда-то рассказывал, расположен на территории дома отдыха «Газовик», потому как в поселке, в Абрикосовке, места на причале стоят неоправданно дорого, а здесь за постой берут деньги вполне разумные... Правда, до «Газовика» добираться далеко и неудобно – или на «уазике» по лесам, или кромкой моря, вдоль диких пляжей. Машины у меня до недавнего времени не было, поэтому мне только и оставалось проделывать пешие прогулки. Но ранней весной, хотя в моем возрасте и тяжело прыгать по камням, прогуляться по берегу моря очень полезно. А знаете, кстати, почему? – Он пытливо взглянул на собравшихся.

– Озон, цветение садов и все такое? – предположила Маша.

– Бегом от инфаркта? – подхватил Максим.

– Чушь, – резюмировал дед. – Я, конечно, романтик, но не до такой степени. Дело в том, что именно ранней весной на Черном море бывают самые сильные штормы. Понимаете?

– Нет, – покачала головой Ася.

– Ну как же! – начал раздражаться старик. – Штормы по шесть-семь баллов, волны размером с пятиэтажный дом, и со дна моря чего только не вздымается! Когда ветер стихает – весь берег завален. Отдыхающим, которые явятся летом, достанется лишь мусор – пластиковые бутылки, ветки, палки, тряпки, обувь, причем всегда разного размера и на разную ногу... Но прежде вдоль кромки моря проходим мы, местные. Разбиваем палками горы коряг, копаемся в водорослях. И, если ты терпелив, это занятие оказывается очень благодарным. Лично я в разные годы обнаруживал в грудах мусора и золотые цепочки, и кольца, и сережки, и кошельки – ясное дело, с содержимым, рубли в морской воде размокают, а долларам – хоть бы хны. Вот в одной такой куче, под слоем водорослей и обрывками целлофана я и обнаружил эту вещь. – Он сделал триумфальный жест в сторону своей чаши.

– Да что в ней такого особенного? Дай хоть поглядеть-то! – Макс потянулся к железке.

– Руки прочь, – строго приказал дед.

– Она золотая? – предположила Ася.

– Нет. Все гораздо сложнее.

– Да почему потрогать-то нельзя? – не сдавался Макс.

– Потому что я хочу, чтобы прежде вы поняли всю ценность этого предмета, – отрезал старик. – И начали относиться к нему с подобающим уважением... Но слушайте дальше. В то утро, когда я нашел чашу, я тоже не слишком обрадовался. Ведь с виду она, прямо скажем, не впечатляет, хотя это – бронза, и литье, посмотрите, какое изящное... Но тогда я решил: день неудачный, никакого сколько-нибудь значимого улова, ни единой золотой или хотя бы серебряной вещи. Я и чашу сначала не хотел брать – только потом вспомнил, что в моей «Катти Сарк» давно не хватает емкости под крючки и грузики, вот находка под них, подумал, и сгодится... Бросил ее в рюкзак – и забыл. Дошел до причала, поздоровался со своей красоткой...

– С шаландой? – уточнил Макс.

– Да. Несмотря на неудачное утро, денек намечался изумительный. Я стоял на причале и смотрел вдаль. Перед моими глазами расстилалось бирюзовое море. Небольшие валы волн ласково плескались о берег. Трудно себе представить это наслаждение именно одним морем, которое своим дыханием освежает организм человека...

Маша с Асей изумленно переглянулись.

– Как по писаному говорит! – шепнула младшая сестра старшей.

А дед с воодушевлением продолжал:

– Как-то легко дышится, легко думается, легко смотрится на нашу мятежную русскую жизнь... Тихое плескание волн вливает в организм какое-то сладостное ощущение, успокаивающее душу, примиряющее ее с действительностью...

Дед, как всегда, когда говорил о своем любимом море, разрозовелся, взор его подернулся мечтательной дымкой.

– А ты, дедуля, умеешь красиво излагать, – снисходительно похвалил старика Макс.

А у Маши вдруг вырвалось:

– Да это не он. Это – Моронин. «Поездка по Волге, Кавказу и морям Черному и Каспийскому».

– Чего? Моронин? О чем ты? – в изумлении обратилась к сестре Ася.

А дед слегка смутился, склонил голову, улыбнулся внучке:

– Совершенно верно, Машенька. Я действительно процитировал русского путешественника Моронина. У него изумительные по красоте путевые записки, посвященные Черному и Каспийскому морям.

– Ну вы даете! Оба! – хохотнул Макс.

– Впрочем, в сторону лирику, – вновь взял слово дед. – Итак, денек стоял замечательный, но барометр, коим, разумеется, оснащена моя «Катти Сарк», неумолимо свидетельствовал: давление стремительно падает, значит, ближе к вечеру ожидается шторм. Однако пока часы показывали только начало одиннадцатого дня. А ранний март – это месяц, когда в море полно ставриды, это такие изящные, изумительно вкусные рыбешки, обязательно как-нибудь сходим на рыбалку вместе...

– Который год только обещаешь, – обиженно буркнул Макс.

– В этом году – уж точно, – заверил дед. И продолжил: – Ставрида обычно гнездится на глубине, километрах в пяти от берега, но в тот день стайки серебристых в солнечных лучах рыбешек резвились даже на мелководье. И я решил: шторм не шторм, а в море надо выйти – хотя все наши, с причала, меня и отговаривали. «Успею вернуться», – заверил я их. И отчалил. Не люблю, знаете ли, подолгу вымачивать якоря.

– Чего? – переспросил Макс.

– Сидеть на берегу, – перевел дед. И продолжил: – Итак, я проверил снасти и вышел в море. Чуть отошел от берега – и сразу стало ясно, что я в своих расчетах не ошибся. Рыбы оказалось изумительно много. Можете себе представить: на единственный самодур – это, если не знаете, такая вырезанная из фольги рыбешка, вроде приманки – ловилось до десяти экземпляров! Небо ослепительно голубое, над моей головой возмущенно перекликались чайки, с берега доносился нежный аромат готовых к цветению яблонь... Я, увлеченный рыбалкой, совершенно забыл о времени. И не заметил, как безобидный легкий ветерок – мы называем его кошачьей лапкой – усилился и очень скоро перешел в норд-ост. А норд-ост, дамы мои и господа, – страшная штука. Этот ветер практически неощутим, но очень коварен. Опасен он тем, что дует с берега, с севера, и незаметно, но неумолимо относит тебя в море... А когда я наконец опомнился – ставридой к тому времени были наполнены оба имеющихся на «Катти Сарк» ведра и даже сумка, в которой прежде лежали снасти, – порывы ветра достигали уже пятнадцати-двадцати метров в секунду. Никому не посоветую оказаться в открытом море, на углу катерке, во время норд-оста! Я забеспокоился и немедленно стал заводить мотор. Но повернул ключ раз, другой, третий... Двигатель был мертв. А от берега меня уже отделяли как минимум четыре тысячи морских саженей.^[5] Я достал весла. Попытался встать круто к ветру. Но это было решительно невозможно. Можете себе представить мое отчаяние! Я всегда считал себя пусть не самым опытным, но по крайней мере грамотным мореходом. И вот сейчас беспощадный норд-ост относил меня в открытое море. А в моем катере было полно сырой рыбы и ни грамма пресной воды. И ветер усиливался все больше. И я понимал, что лишь несколько дюймов дерева отделяют меня от этой страшно таинственной бездонной бездны, которой ничего не стоит поглотить и мою «Катти Сарк», и ее единственного пассажира.

– Но почему ты не мог вызвать спасателей? – взволнованно воскликнула Ася.

А Маша безжалостно добавила:

– Ты, кстати, дед, опять цитатами шпаришь. По-моему, это из «Мрачного штурмана» Станюковича.

– Ох, Машка, с тобой просто говорить невозможно! – ворчливо обратился к внучке Шадуриин-старший. А Асе ответил: – Спасателей я не мог вызвать хотя бы потому, что никаких средств связи у меня не было. Рацией моя «Катти Сарк» не оснащена, а мобильный телефон в те времена был мне не по карману...

– Но есть же какие-то радары! Патрульные вертолеты! Пограничники с биноклями, наконец! – возмущенно воскликнул Макс.

– Все это есть, – согласился дед. – Но поисковые работы в любом случае начались бы только на следующий день, потому что время уже близилось к шести вечера и стало ощутимо темнеть. А за ночь норд-ост однозначно унес бы меня еще километров на пятьдесят от берега. И счастье, если бы мое утлое суденышко не перевернул...

– Однако ты жив. И прекрасно себя чувствуешь, – резюмировала Маша.

Она уже изрядно устала. И от тяжелой дороги, и от крахмальной салфетки на коленях, и от дедова, изобилующего красотами и цитатами, рассказа.

– Вот мы и подошли к сути, – успокоил ее Шадуриин-старший. – Когда к семи вечера меня накрыла абсолютная тьма, а судно начало уваливаться под ветер, то есть перестало слушаться руля, я понял, что весла можно бросать. Грести дальше бессмысленно, только зря потратишь силы. Мне оставалось лишь положиться на волю божию. Одна беда – я к своим семидесяти семи годам так и не выучил ни одной молитвы. Посему я просто, дрожа от ледяного, пронизывающего ветра, сидел на корме. Смотрел, как постепенно угасают, бьются все тише в своих ведрах пойманные ставридки... И понимал, что точно так же очень скоро угасну сам. На меня вдруг накатило очень странное состояние: мне стало до такой степени все равно – и даже весело! И я обратился сам к себе: разве это не прекрасно в мои-то годы?! Умереть не в какой-нибудь отвратительной, пропахшей старостью больнице, но в открытом море, на вольном воздухе, под шквалистым ветром!.. На глаза мне попала недавно – или давно, аж утром – найденная чаша. И я – мысли мои уже мутились – обратился к ней, словно к живому предмету: «Видишь, милая! Мы с тобой даже подружиться не успели, а уже погибаем. Вместе. Красиво, в шторм. Мне вроде бы и пора уже. А с другой стороны – не хочется...»

И вдруг мне показалось: бока чаши странным образом осветились, будто изнутри ее подсвечивали фонарем. Потом свет этот побагровел, после сменился синим... И очень быстро все кончилось. «Галлюцинация», – подумалось мне. И в ту же секунду я услышал усиленный громкоговорителем мужской голос: «Эй, на «Катти Сарк», вы живы? Берем вас за ноздрю!» Я вскинул глаза. Оказалось, что совсем рядом со мной движется спасательный катер и готовится брать меня на буксир...

Вот, собственно, и все. Меня очень быстро доставили на берег, и даже любимая «Катти Сарк», несмотря на жесткую буксировку, практически не пострадала.

Дед замолчал.

Молчали и слушатели. Первым не выдержал Макс. Он неуверенно, как на уроке по сложному предмету, спросил:

– Так я не понял... Откуда этот спасательный катер-то взялся?

– Проходил мимо. Случайным образом, – усмехнулся дед. – При том, что бортовое освещение на «Катти Сарк» не работало, а ночью в море что-либо увидеть можно только в пяти-семи метрах...

– И ты считаешь, что тебе этот катер... бог послал? – тихо произнесла Ася.

– Может, и бог, – задумчиво произнес дед. – Но скорее всего – она. – Он ласково, будто любимой женщины, коснулся своей чаши.

– Да ну, дедуль, – пожалала плечами Ася. – Ты ведь взрослый человек. Образованный, умный. Вон кого только ни цитируешь, даже Станюковича! Сам, что ли, не знаешь: чудес не бывает?

– Бывают, – упрямо, по-мальчишески, ответил старик.

– Опять двадцать пять... – пробормотала Маша.

Она сидела мрачнее тучи. Даже дед, который традиционно видел и слышал только себя, почувствовал ее настроение, ласково спросил:

– Ты, наверно, устала, внученька?

– Да ну! – Она сбросила с коленей дурацкую накрахмаленную салфетку и встала. – Я думала, ты нам *правду* расскажешь!

– ...И миллионами своими поделишься! – поддержал сестру Макс. – А тут какие-то сказочки!

– Ах, вот оно что! – нахмурился дед. – Вам, значит, чужое богатство покоя не дает?!

Под его гневным взглядом Макс смутился, заерзал, залепетал:

– Ну почему же чужое? Мы все-таки твои внуки...

– Вы – взрослые. Самостоятельные. Умные люди, – назидательно произнес старик. – И если мечтаете о миллионах, отчего б вам не заработать их самим?

– Да я не это имел в виду! – совсем уж потерялся Макс.

– Неужели? – саркастически переспросил дед. – А по-моему, так глазами и рыщете. Оцениваете. Прикидываете, за сколько дом удастся продать, когда никчемный старикан кони двинет...

– Ну, знаешь что! – вспыхнула Маша. – Жили мы без твоих миллионов – и дальше проживем!

– А тогда сядь, – неожиданно миролюбиво попросил ее дед. – Расскажу, что дальше случилось.

– Еще одну сказочку? Как дурацкая железка тебе чемодан с долларами ниспослала? – продолжала ерепениться Мария.

– Вроде того, – усмехнулся дед. – Я ведь тоже в ее чудесные силы не сразу поверил. Тоже сначала думал, как вы. Что просто повезло мне. Что катер спасательный рядом случайно оказался...

– Или всевышний тебе помог, – серьезно сказала Ася.

– Мне-то, старому атеисту? Это вряд ли, – с усмешкой отверг ее версию Шадурин-старший. – Но вы слушайте дальше.

Маше очень хотелось покинуть столовую – гордо, с прямой спиной. Что за сомнительное удовольствие, право, во втором часу ночи после тяжелой дороги не спать, а слушать бредни, коими их потчует старый болтун!.. Но она взглянула на брата... потом на сестру... И Макс, и Ася – оба выглядели усталыми. Но тем не менее смотрели на деда во все глаза и, похоже, с нетерпением предвкушали продолжение его истории. Ждут сказки. С нетерпением ждут.

«Сказала бы я вам, – устало подумала Маша, – что легенды про священные сосуды, способные исполнять желания, были очень популярны в эпоху пещерных людей. Красной нитью протянулись сквозь Античность и Средневековье. Их даже в восемнадцатом веке еще любили. Но сейчас-то на дворе двадцать первое столетие!»

Лично она в чудеса не верила. Категорически. И никогда бы не подумала, что брат с сестрой, родная кровь, окажутся такими падкими на глупые, сладкие сказочки... И дед тоже хорош. Нет бы просто пообещать, что свою виллу им отпишет, а то развел какую-то болтовню.

Старик Шадури́н между тем Машиных терзаний не замечал. Удобно раскинулся на своем хозяйском стуле и продолжал рассказ.

– И так, с той авантюрной рыбалки я вернулся живым. И, кстати, побил абсолютный рекорд поселка по улову. Прежний Кольке Раенко с улицы Удалова Щель принадлежал, он однажды двадцать килограммов ставриды притаранил, а мои-то рыбешки на все двадцать пять потянули!.. И жарил их, и уху варил, и на солнышке вялил... Надолго хватило, тем более что больше уж в том месяце я на рыбалку не выходил. Штормы были жуткие, порывы ветра до шестидесяти метров в секунду доходили. Да вы, наверно, по телевизору видели – наш Краснодарский край тогда чуть не каждый вечер в «Новостях» показывали... Как река Буран из берегов вышла... Как палаточный лагерь – придумали тоже, прямо на пляже располагаться, и когда – в марте! – к богу в рай снесло...

– Да что-то вроде было, – неуверенно пробормотал Макс.

Он явно ни о каких штормах, тем более полугодовой давности, не помнил.

А Маша ехидно произнесла:

– Папа тебя как раз тогда на переговорную вызывал. В марте. Беспокоился. Спрашивал, не нужна ли помощь. Не течет ли крыша, и мало ли еще что. Хотел денег тебе выслать. Но ты сказал, что у тебя дом – почище иной крепости. Девятый вал выдержит. И пенсии вполне хватает.

– Было такое, – кивнул дед. – Но только я вам тогда неправду сказал...

– Почему? – удивленно воскликнула Ася.

– А потому, что одалживаться не люблю. Тем более у вашего папеньки. Младшего своего, Митьку, я бы попросил, да, а Клима, батю вашего, не хотел, – отрезал старик. – Хотя дела у меня тогда были – дай боже. Вы ведь мой прежний дом помните? Практически без фундамента, доски – гнилые, я их с бешеной скидкой брал, и крыша из шифера, бэу, я его у сторожей заброшенной больницы покупал. В общем, спичечный коробок. Крыша течет, в стены дует, стекла повыбивало. Плюс скважину я только на двадцать метров, до песка, вырыл – на большее средств не хватило, – и мне ее быстро заилило, не то что попить – мыться и то противно... Но я не роптал. Едва ветер стихнет – тут же на крышу, подлатывать. Питьевую воду покупал в

поселке и таскал сюда на своем горбу. Представляете: проливной дождь, ветер, а я топаю с пятилитровыми баллонами по грязи.

– Так позвонил бы! Мы бы приехали! – воскликнула сердобольная Ася.

– Приехала бы ты, – по-доброму усмехнулся дед. – Ты ж тогда практически на сносях была!

– Ну, Машка бы приехала. Или Макс.

– У Маши – институт. У Макса – турниры, – пожал плечами дед. – Да и чем тут можно помочь? Строить нужно было капитально, на века. А я с экономией, чтоб подешевле, попроще... Вот и доэкономился. Двадцать шестого марта – я этот день как сейчас помню – с гор сель сошел. Мощнейший. В поселке и то не все дома устояли. Кому крышу сорвало, у кого фундамент подмыло. А здесь лес и горы – в двух шагах. Так что шансов у моего курятника не было. Сложился он, будто карточный домик. Эффектная картина была: груда досок, а под ними – весь мой скарб... Хорошо я сам в тот момент на улице был, меня только камнями слегка побило.

Тут уж и строгая Маша не удержалась. Выдохнула:

– Какой ужас!..

А Макс с упреком сказал:

– И ты нам не позвонил?!

– А что звонить? – по-мальчишески обиженно буркнул дед. – Что я, Клима не знаю? Вот был бы Митька – он бы меня понял, а ваш папенька только отчитывать бы взялся. Почему, мол, благоустроенную квартиру в поселке продал и в леса подался?! Сам, получается, и виноват. Потому что в поселке, в Абрикосовке, пострадали по мелочи, а я, как в сказке, остался у разбитого корыта. Мне ваш папаша вместо поддержки ровно такое и сказал бы.

Шадурины-младшие переглянулись. Дед был прав. Их отца хлебом не корми, дай поязвить на тему «причуд нашего южного бирюка». Папа у них правильный, у него вся жизнь идет по схеме и по раз и навсегда заданному алгоритму. И одинокое бытие в лесу в его *modus vivendi* не вписывается никак.

– Да что там, дело прошлое. – Дед невесело усмехнулся. – Знаете, что забавно случилось? Туалет – помните, будочка стояла в конце огорода? – устоял прекрасно. Вот и остался я с небольшим

барахлишком, что удалось вытащить из-под обломков. И при туалете. А еще грядка, где я редиску посадил, сохранилась.

– Нужно было лететь к нам, в Москву! – воскликнула Ася.

– А я, признаться, о том и подумывал, – вздохнул дед. – Не хотелось мне, но уж больно положение отчаянное... Но до Москвы ведь билет нужен. А у меня до пенсии – еще целая неделя.

– А нам позвонить – ты слишком гордый, – буркнул Макс.

– Хотел уже звонить, – признался дед. – Но не успел. Потому что, когда я чуть не в десятый раз обходил свое разоренное владение, в глаза мне вдруг бросился какой-то странный, подсвеченный синевой блеск. Что-то светилось в стороне, где у меня кусты малины были... Я бросился туда. И обнаружил: в грязи лежит эта самая чаша. – Он с любовью покосился на стол, где до сих пор красовался его любимый раритет.

Маша не удержалась – фыркнула. А дед продолжал:

– Я почему-то очень этой находке обрадовался, хотя, конечно, ни про какое *чудо* в тот момент не думал, а про историю со штормом уже успел позабыть. Мне было просто приятно обнаружить еще одну, выжившую, несмотря на стихию, дорогую мне вещь. Я поднял чашу, прижал ее к себе – и вдруг увидел, что в грязи, точно в том месте, где она находилась, валяется какая-то пестрая бумажка. Я поднял ее – то оказался лотерейный билет.

– Че-го? – изумленно протянула Ася.

– Лотерейный билет, – повторил старик. – Знаете, такая на всю страну идет дуриловка – называется «Золотой сундучок»? Пятьдесят рублей за штуку, тиражи по субботам, ведущий – такой противный лысый хлюст?

– Не знаю, – пожала плечами Маша. – Я с государством в азартные игры не играю.

– Да я тоже не играю! – горячо воскликнул дед. – За всю жизнь единственный раз билет купил. Этот. И то потому, что у кассирши сдачи не оказалось. Вот она и всучила мне его, а я положил билет в шкаф и напрочь о нем забыл. И вдруг, весьма неожиданно, билет снова попадаете мне на глаза... Вот я и подумал: а чем черт не шутит? Очки мои, к счастью, уцелели, и я смог увидеть, что розыгрыш уже состоялся – в минувшую субботу. И я подхватил свой жалкий скарб и отправился в поселок. Зайду, думаю, на всякий случай в сберкассу,

проверю. Вдруг какие полсотни рублишек выиграл? Будет хоть на какие деньги несколько дней перекантоваться... И что вы думаете? Прихожу в сберкасса, прошу таблицу выигрышей – и у меня едва сердце не останавливается. Там первая строчка, как сейчас помню, такая была: «*Джек-пот, который прирастал двадцать тиражей подряд, наконец-то разыгран!*» И дальше – идет номер как раз моего билета!..

– Мистика, – прошептала Ася.

– И сколько же ты выиграл? – требовательно спросил Макс.

– В пересчете на доллары – почти миллион! – гордо произнес дед. – Как раз хватило – и виллу построить, причем работяги у меня в три смены пахали, и машину купить, и шоферу с Аришей за год вперед зарплату выплатить!

– Такого не бывает, – покачала головой Маша. – Я читала: в этих лотереях все крупные выигрыши организаторы на подставных лиц выписывают. А потом между собой делят.

– И тем не менее, – усмехнулся дед. – Дом – сами видите. И джип. А к организаторам лотерей я, как вы понимаете, никакого отношения не имею.

– А нам ничего не сказал... – с укором произнесла Ася. И тут же поспешно добавила: – Я не в плане, чтобы деньгами делиться, просто такое событие! Вместе бы порадовались!

– Извини, Ася. – Дед прижал руки к груди. – Но посуди сама: своими бедами я с вами никогда не делился. Вот и богатством – тоже не захотел.

Ася попыталась что-то сказать, но Шадури-старший ее перебил:

– Нет-нет, я, конечно, не имею в виду, что вы бы *претендовали* на мои деньги. Но я ведь знаю вашего папеньку. Тут же бы началось: «Вкладывать деньги в роскошный дом – да в такой глуши?! Покупать дорогую машину?! Неразумно! Неэкономно! Нужно в сберкасса их положить – и безбедно существовать на проценты!» Так скучно... Я-то совсем по-другому мечтал: прожить остаток своих дней так, как хочется именно мне. И я, – он гордо обвел взглядом свой роскошный холл (свечи в старинных канделябрах уже почти догорели), – своей цели добился.

– Что ж, дед, мы рады, – слабо улыбнулась Маша.

Она по-прежнему не сомневалась: обе дедовы истории – и про несостоявшееся кораблекрушение, и про лотерейный билет – не более чем сказки. Но не спорить же со стариком! К тому же вон какое у него лицо волевое да упрямое. Человек еще при Сталине начал нелегальный бизнес вертеть, во времена застоя подпольными цехами владел, два срока отсидел – разве такой признается в истинном источнике своего богатства?..

А вот Ася с Максом деду если и не поверили, но находятся явно под впечатлением. И смотрят на чашу, которая по-прежнему красуется на столе, с неприкрытым интересом.

– Ладно, ребятаки, идите спать, – улыбнулся им дед. И обратился к внуку: – Если хочешь, Максим, можешь чашу потрогать. Теперь – разрешаю.

Макс осторожно, будто щеки Спящей красавицы, коснулся холодного металла. И изумленно выдохнул:

– Теплая...

На следующий день. Ася

Никитка проснулся с первыми лучами зимнего солнца – в половине девятого. Сел в своей кроватке, удивленно повертел головой: «Где это я?» Одеяло с мишками и настольная лампа в форме старинного канделябра заинтересовали его ровно на минуту, а потом он немедленно взялся пиццать, подняв Асю.

– Зайка, ну поспи еще, миленький, пожалуйста!.. – простонала она в полусне.

Но что ее уговоры семимесячному малышу? Орет все громче и громче, чтоб мама уж наверняка проснулась.

– Наказание ты мое... – выдохнула Ася.

Открыла глаза, вылезла из-под одеяла. Голова раскалывалась, в глазах щипало. Вдруг вспомнилось, как одна подружка – бездетная – говорила: «Если бог хочет наказать человека, он посылает ему ребенка». Пожалуй, подруга права...

Но стоило окончательно проснуться, взглянуть на малыша – такого свеженького, глаза сияют любопытством, – и настроение сразу стало улучшаться.

Ребенок ведь не виноват, что проснулся ранним утром, – детям так положено. Откуда ему знать, что мама только к четырем утра заснула? Ночью он почти не орал – и на том спасибо.

– Доброе утро, Никитка! – поприветствовала Ася сына.

– Бу-у-у! – радостно откликнулся тот. И протянул ручки – обниматься.

Она с удовольствием вынула его из кроватки, поцеловала и посадила к себе на постель. Сменила теплую со сна пижамку на свитер и ползунки. А теперь внимание! Аттракцион: удастся ли одеться самой и одновременно проследить, чтобы малыш не сверзился с кровати? Никитка в последнее время – ползучая катастрофа. Носится на четвереньках со страшной скоростью – кровать, даже двуспальную, пересекает за пару секунд.

Одеться удалось, потому как Никитка выбрал себе другую забаву: Ася с трудом оттащила сына от спинки кровати, которую он с аппетитом пробовал на свой первый зуб. Ася покачала головой – на светлом дереве остались видимые отметины, дед, наверно, рассердится – и предложила:

– Пойдем ползать?

– У-у-у! – с готовностью откликнулся сын.

Ася подхватила его под мышку и вышла из спальни.

Весь дом, похоже, еще спал – ни единого звука не доносилось, только море где-то вдалеке шумело. Что ж, имеют право. Дед – старенький, а брат с сестрой – свободные... И Ася, чтобы не будить счастливиц, решила унести малыша куда-нибудь подальше.

Дед вчера показывал, что на третьем этаже в его вилле расположен солярий – огромная светлая комната со стеклянными стенами и стеклянным же потолком. И на полу, отметила еще тогда практичная Ася, огромный и достаточно чистый ковер – будет малышу где поползать.

«А я, если получится, в кресле подремлю», – подумала она.

И отправилась на третий этаж. Никитка ехал на ее руках молча – только головой вертел, и Ася его прекрасно понимала. Столько, на его детский взгляд, кругом интересного! По стенам, вдоль лестницы, – картины с корабликами. Перила – по виду бронзовые и так смешно изогнуты. А как ступеньки интересно поскрипывают!..

До солярия добрались без приключений. Ася с облегчением опустила сына на пол – вот тяжеленный стал! – и Никитка с готовностью стартанул по пушистому, необъятных размеров ковру. А она цепким материнским взглядом осмотрела помещение – выискивала потенциальные опасности. Стеклянные стены Никитке, наверно, разбить не под силу. А вот огромные антикварные вазы, что расположены по четырем углам комнаты, он опрокинет запросто. И цветы, что стоят в своих горшках прямо на полу, здесь тоже явно лишние – на Никиткин, конечно, взгляд. И кофейный столик, сплошь из стекла, малыша, разумеется, заинтересует. А уж часы – небольшие, но по виду бронзовые – и вовсе суперпредмет. Особенно если стучать ими по стеклянному столу. Да уж, подремать в кресле ей, похоже, не удастся.

И Ася, то и дело поглядывая на сына (пока что он вполне безопасно ползал вокруг кожаного дивана), подошла к огромной стене-окну. Ух, ну и вид! Море будто бы совсем рядом полощется. В дедовом прежнем, бедненьком и самодельном поместье, чтобы море увидеть, нужно было лезть по крутой и опасной лестнице в некое подобие голубятни. А тут – просто встань у окна и наслаждайся бескрайней свинцовой гладью. И чайками, что тревожно кружат над кромкой побережья. И тем покоем, который невольно разливается по телу, когда смотришь на водную стихию...

«Эх, сейчас бы еще в кресло упасть, в плед из альпаки закутаться, да чтобы Арина чайку горяченького подала, да с пирожными! – размечталась Ася. – И с малышом пусть гувернантка возится, а я бы только издали наблюдала и пару раз в час подходила его поцеловать!»

Положительно, богатство – даже чужое – действует на человека разлагающе. В их-то скромной московской квартирке подобных мыслей сроду не возникало. Наоборот – Ася привыкла, что именно она всегда и *подает, и подносит, и возится*.

«Нет, дед – молодец, – думала Ася. – Откуда бы ни взялись на самом деле его миллионы – распорядился он ими правильно. Пусть все говорят, что строить в подобной глуши такой роскошный дом неразумно. Ну и ладно, что неразумно. Зато красиво».

Море хоть и зима, а все равно не просто серое, сверкает целой палитрой. Тут и черные краски, и пенная седина, и даже, в робких солнечных лучах, вполне летняя лазурь. Зря папа называет деда

чудаком. Даже ради одного этого вида стоило уехать из поселка сюда, в лес... Вот дядя Митя, будь он жив, наверняка бы такой дом оценил.

...А Никитка тем временем подполз к Асе, уперся одной ладошкой в стену-окно, а второй – в ее колено, закряхтел и поднялся на ноги. И тоже уставился на море. Стоит смиренно, глазает – вот уж нетипично для человека, который и минуты на одном месте не может усидеть! И только восхищенно повторяет:

– А-а! А-а!

Нравится, значит, ему.

– А вот вырастешь – дед тебя на катере покатает, – пообещала малышу мама.

От ладоней Никиты на стекле остались отпечатки, и Ася взялась было протирать их носовым платком, но быстро это занятие прекратила. Во-первых, Никитка воспринял ее уборку за игру – и тут же стал шлепать ладошками еще бойчее. А во-вторых, хоть богатство и дедово, но ведь можно им попользоваться хоть чуток? Пусть горничная Арина вытирает.

И Ася, оставив Никитку любоваться морем, прошла к дивану, забралась на него с ногами, с наслаждением раскинулась на мягких подушках, прикрыла глаза. В голове тут же приятно зашумело, по телу разлилось расслабляющее тепло. Дорогая мебель – она волшебная, что ли? В плацкартном, например, вагоне, если и нужно – не заснешь, а тут спать нельзя, но сон сам нападает. Ася с трудом разлепила веки, убедилась, что сын спокойно сидит возле окна и внимательно разглядывает узор на ковре, а потом, как в прорубь, рухнула в неподвластное ее контролю забытье.

Спала, наверно, какие-то мгновения и даже сон успела увидеть, как Никитка с важным видом стоит у штурвала дедова катера, а проснулась от страшного грохота. Вскочила, будто ее пружиной подбросили, взгляд заметался по солярию: где сын? Как она могла оставить его без присмотра?!

И одной картинкой, будто в кино, увидела: малыш ревет, сидя в углу комнаты. Вокруг – осколки антикварной вазы. А с порога к нему стремительно несется дед.

Но Ася, конечно, подбежала к сыну первой. Подхватила плачущего ребенка на руки, тревожно рассмотрела крошечное тельце: нет ли крови? Вдруг порезался? Быстро убедилась, что Никитка

вполне цел, и только тогда обратила взгляд на грудю осколков. И на встревоженное лицо деда. Пробормотала:

– Извини... Эта ваза, наверно, кучу денег стоит.

– Ох, да о чем ты говоришь, Асенька! – поморщился Шадурин-старший. И ласково обратился к правнуку: – Ну что, Никита? Ваза – бу-бух? Осколки – дзинь-дзинь?

Ребенок тут же прекратил рев, заулыбался, потянул к прадеду ручки.

Ася с удовольствием передала малыша старику, улыбнулась:

– А я думала, ты из-за вазы ругаться будешь.

– Ты с ума сошла. Главное, что ребенок цел, – пожал плечами дед.

Ася не преминула отметить: прежде Шадурин-старший *детьми* особенно не интересовался, если не сказать – плевал на них с высокой колокольни. Бабушка сколько раз жаловалась, что она с мальчишками одна и ночами, и днями, и еще подрабатывала, а муж на них ноль внимания. Максимум раз в месяц по машинке детям подарит. А Митяйку, младшего, иногда в цирк сводит. Да и когда они с Машкой и Максом маленькими были, дед ни их в гости не звал, ни сам не являлся. Говорил, что у него от «этой малолетней братвы» голова болит. Только когда внуки подросли, стали понемногу общаться... А тут поди ж ты: и антикварной вазы не жаль, и Никитке улыбается так широко, что малыш тянет к нему ручки.

На пороге тем временем появилась Арина. Дед строгим голосом обратился к ней:

– Подмети тут. И сегодня же закажи новую вазу. Каталоги у меня в кабинете, во втором ящике стола.

– Сейчас сделаю, – с готовностью кивнула Арина. И скрылась из комнаты – видно, за веником побежала.

А дед сказал Асе:

– Да спусти ты ребенка на пол, пусть дальше ползает!

– Еще три вазы осталось, – напомнила внучка. – Тоже может разбить.

– Ну и пес с ними, – широко улыбнулся Шадурин-старший.

– А тебе, дед, идет быть богатым, – задумчиво произнесла Ася.

– А это всем идет, – усмехнулся тот. – Только не каждому доводится.

– Я теперь тоже буду лотерейные билеты покупать, – пообещала внучка. – Вдруг и мне повезет?

В глазах Шадурина-старшего что-то мелькнуло, заметалось... «Пожалуй, права Машка, – подумалось Асе. – Врет он. Не было никакого выигрыша в лотерею. Откуда-то из иного источника его миллионы...»

Но мучить старика вопросами не стала. Во-первых, все равно правды не скажет. А во-вторых, вчера, когда дед потчевал их своими историями, у него так счастливо горели глаза! Он выглядел таким молодым! Ни дать ни взять – мальчишка, который собрал вокруг себя кружок ровесников и с упоением кормит их придуманным на ходу «приключенческим романом».

– Вот что, Асенька, – тем временем произнес дед – и голос его звучал назидательно, будто он – взрослый, а она – малый ребенок. – У тебя очень усталый вид.

– А что ты хочешь – во сколько мы вчера легли? – слабо улыбнулась внучка. – Да я еще никак уснуть не могла, все про твою чашу размышляла. Откуда она на самом деле взялась?..

Ася пытливо уставилась на деда: вдруг расколется? Рассмеется и скажет, что всю эту сказку он придумал?

Но ни в чем признаваться дед не стал. Произнес:

– Давай сделаем вот что. Ты сейчас пойдешь в свою спальню и еще пару часиков покемаришь. Договорились?

– А Никитка? – слабо улыбнулась она.

– А с Никитой у меня мужской разговор будет. Он ведь послушный мальчик. И понимает все. Пойдешь к деду, малыш?

И ребенок, к немалому удивлению Аси, послушно подполз к старику, уцепился за его штанину и встал – явно просится на руки.

– Ты его заколдовал! – усмехнулась она.

– Это я умею, – согласился дед. Подхватил малыша и похвастался: – Видишь, как хорошо у меня на руках сидит.

Малыш и правда сидел в дедовых объятиях молча. Но старательно, изо всех своих уже немалых силенок, тянул старика за бороду – как только тот терпит и беззаботно улыбается?

– А не справлюсь – мне Арина поможет, – заверил Асю дед. – В детях она разбирается, у нее своих трое. Иди, Асенька, отдохни.

– Останешься с дедом? – спросила Ася малыша. В ее голосе звучало сомнение – у Никитки сейчас такой возраст, что он от нее ни на шаг. Даже с папой оставаться не хочет. А если и сидит с ним, то неотрывно смотрит на дверь, за которой скрылась мама.

Но дед и правда ребенка будто заколдовал. Никита на маму – ноль внимания, продолжает трепать старика за бороду. А потом протянул ручонку к окну и темпераментно залепетал:

– У-у! Му-у!

– Чего-чего, Никитушка? – ласково поинтересовалась Ася.

– Я понял, чего, – кивнул дед. И отдельно произнес: – Не «му», а мо-ре. Оно очень красивое. – Он поднес малыша к окну и пообещал: – Очень скоро мы с тобой поедem кататься на моей «Катти Сарк», и я дам тебе подержаться за штурвал. Хочешь?

– Дя, – уверенно, будто и правда понял, заявил малыш.

«Как в моем сне!» – усмехнулась про себя Ася. Пробормотала: «Что ж, дед, держись!» И быстро, пока старик не передумал, выскользнула из солярия. Неужели ей в самом деле удастся поспать? Самозабвенно, в одиночестве, не прислушиваясь ежеминутно к дыханию малыша и его сонному бормотанию?..

Она добежала до спальни и, не раздеваясь, рухнула в постель. И через пару секунд уже крепко спала.

Ася проснулась от терпкого и уютного запаха кофе. Приоткрыла один глаз – в комнату уже вовсю ломится солнце. Приоткрыла второй – и увидела сестру. Мария с видом заправской горничной расставляла на прикроватной тумбочке кофейник, чашки, графин с соком, джем, булочки.

– Ой, Машка... – хриплым со сна голосом пролепетала Ася.

А потом ее взгляд уперся в пустую детскую кроватку – и сладкой дремы как не бывало. Ася пружиной подскочила на своей постели, отметила, что будильник показывает – о, ужас! – половину первого, и тревожно спросила:

– А где Никитка?

– Ну, ты паникерша! – недовольно покачала головой Маша. – Садись, пей кофе. Все в порядке с твоим Никиткой. Они с дедом на его шаланде в море ушли.

– Куда?! – в ужасе переспросила Ася.

– В море, – спокойно повторила сестра. – На рыбалку. Дед сказал, что есть вариант ставриды наловить.

– А Арина с ними?

– Нет, – пожала плечами Маша. – Она просилась, но дед не взял. Он считает, что женщина в море приносит несчастье. Но ты не волнуйся. Я им с собой два подгузника дала, теплый свитер и банку мясного пюре из твоей сумки.

– Боже мой... – простонала Ася. – А во что ты его одела? А коляску распаковала?

– Какая коляска – там идти по берегу надо! По булыжникам!

– Но как же тогда дед его понесет? И где будет Никитка, пока дед станет рыбу ловить?!

– Он сказал, что ему тоже удочку даст. Маленькую. И следить обещал, чтоб Никита крючки в рот не тянул. – Машины глаза улыбались.

– Да вы с ума посходили! Все!

Ася выскочила из кровати и начала лихорадочно натягивать свитер. Маша неодобрительно покачала головой.

– Успокойся ты, истеричка! Макс тоже с ними. Неужели два взрослых мужика с твоим Никитой не справятся? Да он у них шелковый будет! Не то что у тебя – вечно канючит.

– Ну, не ожидала я даже от деда! Семимесячного ребенка – тащить на рыбалку! Там такой ветрище! И потом, пюре – его ведь разогреть надо... А Никиткину бутылочку с водой ты им с собой дала? Нет? Чем же он пюре будет запивать?!

– Ну, Аська, ты даешь, – вздохнула Маша. – В кого только превратилась меньше чем за год? Натуральная клуша. Только бигуди не хватает. И засаленного халата.

– Вот посмотрю я, когда у тебя собственный ребенок родится... – пробурчала сестра.

– Ну, я уж с ним, как ты, носиться точно не буду. Дети должны расти, как сорная трава.

– Рассказывай! Еще почище меня клушей станешь.

Ася вернулась в постель, взялась за кофе и булочки, но на душе все равно было тревожно. Возьмем на веру, что Арина не подкачала и малыш тепло одет, но все равно, в море, да еще в ноябре, так холодно! А если мужики не усмотрят и ребенок в воду упадет?!

– И зачем только я его деду отдала?.. – простонала она. – Мало ли что мне спать захотелось...

– Ой, брось, – отрезала сестра. – Ничего не сделается с твоим Никитосом. Скажи лучше: что ты про дедовы байки думаешь?

– Какие байки? – рассеянно переспросила Ася.

– Да ты не только истеричка, еще и отупела со своим вечным домашним хозяйством... Я имею в виду байки, что дед вчера травил. Про волшебную чашу. Про шторм и про лотерейный билет. – Мария скептически улыбнулась.

– А что, очень красиво... – ответила Ася. – Может, когда у меня время будет, я для Никитки сказку напишу. На основе дедовых историй.

– Вот именно, – кивнула Маша. – А зачем, как ты думаешь, он все это нам рассказывал? Неужели нельзя было просто признаться: я внезапно разбогател. Каким образом – сказать не могу. И на наследство, плиз, не претендуйте.

– А так неинтересно, – усмехнулась Ася. – Неужели ты еще нашего деда не раскусила? Он же до сих пор мальчишка. И романтик. И от этих своих выдумок сам больше всех и балдеет. Не помнишь, что ли, как он нас клад водил искать, когда я была в первом, а ты в пятом классе? И как ликовал, когда мы нашли этот дурацкий сундучок, который дед сам и зарыл?

– Помню, конечно, – кивнула Маша. – Но то детские игрушки. И мы тогда были маленькие. А сейчас-то мы взрослые. И развлекать нас не надо.

– Да пойми ты: он не нас – он себя развлекал! И заодно, как бы это сказать по красивее... пытался уверить в *мистическом происхождении* его богатства.

– Можно подумать, мы на его деньги претендуем, – насупилась Мария.

– Да нет, конечно. Хотя дом, – Ася восхищенно оглядела свою роскошную спальню, – у него классный. И кофе вкусный.

– Дед, кстати, стал вполне барин, – перехватила взгляд сестры Маша. – Не только обстановка роскошная – поведение его тоже под стать. Велел тебе передать, что обед подадут ровно в три, чтобы ты не опаздывала. И одеться на него надо *формально*, так и сказал.

Ася прыснула.

- И еще заявил, что должен огласить нам нечто важное.
- Огласить?
- Ну да. Может, все-таки завещание в нашу пользу составил... – мечтательно улыбнулась Мария.
- Ты же только что говорила, будто на его деньги не претендуешь! – подколола ее Ася.
- Не претендую, конечно... Но мне в его особняке, врать не буду, тоже понравилось!

Никакой *формальной* одежды у сестер, конечно, не было. У Аси, *женицины-матери*, хотя бы юбка в багаже нашлась, а Маше и вовсе пришлось спускаться к обеду в джинсах, хорошо хоть чистая футболка в сумке обнаружилась.

Но делать замечаний дед им не стал.

Старик явился с рыбалки помолодевший, счастливый. Протянул нетерпеливо ждавшей Асе ее Никитку, восхищенно сказал:

– Замечательный у тебя парень! Настоящий мужик!..

А «мужик», хотя и расставался с мамой почти на шесть часов, расстроенным не выглядел и слез с дедовых рук очень неохотно.

– Ну как прошла рыбалка? – поинтересовалась Ася. – Канючил Никита?

– С чего ты взяла? – удивился дед.

– А у него глазки заплаканные.

– Да ни секунды он не ревел. Это не слезы – это нас в море обветрило. Там такой «морячок» – до костей пробирает.

«Ох, простудили, наверно, ребенка!» – мелькнуло у Аси. Ей очень хотелось высказать деду претензии, что, мол, за самоуправство – тащить малыша на рыбалку, но она промолчала. Сама виновата. Нечего было дрыхнуть – вот и проспала все на свете.

Но дед будто прочел ее мысли. Сказал:

– Да ты, Асенька, не волнуйся. Мы с собой чашу брали, на удачу. И я ее *попросил*, чтоб с Никиточкой твоим все было в порядке. Вот все и прошло шикарно. Правнучек и за штурвалом постоял, и за удочку подержался, и даже одно новое слово выучил.

– Слово? – фыркнула внучка. – В семь месяцев-то?

– Не веришь? – горячо, как пойманный на вранье мальчишка, возмутился дед. – Ну-ка, Никитушка, скажи: как будет по-английски

«рыбка»?

Тут уж и Маша не удержалась – начала хохотать.

А Никитка радостно заулыбался – нравится ему, когда взрослые веселые, – и вполне отчетливо произнес:

– Фи-ис!

– Ну, вот видите! – возликовал дед. – Он говорит: «фиш»! Скажи, Никиточка, правильно: «фиш»!

– Фи-ис! – восторженно повторил мальчик.

– Да ладно, не мучай его. Для семи месяцев – и так неплохо! – великодушно похвалила Мария.

А Ася с недоумением произнесла:

– Но я читала, что в таком возрасте дети еще не умеют произносить шипящие звуки! Они «ф» начинают только с полутора лет говорить! Как ты сказал, Никита?

– Фи-ис! – с удовольствием повторил ребенок.

– Чудеса... – развела руками Ася.

– Ой, подумаешь, чудо! – хохотнул Макс. – Мало ли что ребенок бормочет!

– Я ведь говорю тебе: чаша – волшебная, ей и не такие чудеса под силу, – важно произнес дед.

– Ты это серьезно? – широко распахнула глаза внучка.

– Более чем, – кивнул он. И, вновь примеряя на себя роль барина, закричал: – Арина! Подавай обед!

– Мне нужно сначала Никитку покормить, – запротестовала Ася.

– Ни в коем случае, – покачал головой дед. – Арина покормит. Ты только скажи ей чем.

– А то я не знаю, что ребенку давать! – вступила в разговор горничная. – Я ему уже и пюре сделала из свежих овощей с парной телятинкой. Вы не волнуйтесь, Асенька. Я с детишками обращаться умею.

– Да он плюется, если его посторонние кормят... – Ася колебалась.

– У Арины плевать не будет, – заверил дед. – И потом: у меня к вам серьезный разговор. Взрослый. И ты, Ася, на нем тоже должна присутствовать. А малыш пока сам поиграет. Правда, Никитушка?

Ася хотела сказать, что сам Никитка играть не умеет, его постоянно развлекать надо, но увидела, что дед сурово сдвинул брови,

и спорить не стала. Попробуй поперечь такому. И едва Арина внесла в столовую аппетитно пахнущую кастрюлю – судя по запаху, в ней булькала свежесваренная уха, – послушно отдала малыша горничной. А Никитка – то ли настроение после рыбалки у него хорошее, то ли и правда под влиянием волшебной дедовой чаши – возражать не стал. Послушно «уехал» на Ариных руках на кухню.

А дед приказал:

– Ну, все за стол. Сегодня – рыбный день. Сейчас – уха из семужки, а на ужин Арина ставридки пожарит. Той, что Никита наловил.

...И едва закончили трапезу, а со вкуснющей, ароматной ухой даже малоежки Маша с Асей справились быстро, важно, с видом профессора-лектора, постучал ножом по кромке бокала:

– Прошу внимания, внуки мои... Я хотел бы наконец поговорить о том, для чего, собственно, вас и пригласил.

Он внимательно посмотрел на Макса. Потом перевел взгляд на Асю с Машей. И чопорно, с пафосом истинного *главы семейства*, произнес:

– За эти сутки, что мы с вами провели, как говорится, в одной упряжке, я убедился: вы, все трое, – замечательные ребята. Умные, добрые, порядочные, честолюбивые. И мне очень жаль, что вам по жизни пока не везет.

– Не везет? – подняла брови Маша.

– Да. Потому что с вашими способностями вы все могли бы добиться куда большего. Стать куда более успешными. Знаменитыми. Богатыми, наконец.

Шадурины-младшие удивленно переглянулись.

– А по-моему, все у нас в порядке, – возразила Ася. – Маша – кандидат наук и почти доцент, Макс – мастер спорта, а у меня сын замечательный растет...

– Это, конечно, прекрасно, – в тоне деда засквозила еле уловимая снисходительность, – но только мне показалось: вы, трое, не очень-то счастливы. И живете скучно. Работа, тренировки, дом, ну, может быть, иногда дискотеки...

– Сейчас уже нет *дискотек*, – пробурчал Макс.

– Тем хуже, – отрезал дед. И продолжил свой спич: – А ведь в вашем возрасте нужно жить ярко. Влюбляться в красивых людей.

Путешествовать. Бороться. Может быть, влипнуть в авантюры. Постоянная смена лиц, картинок, событий... Я в ваши годы, хотите верьте, хотите нет, пробовал себе датский паспорт выправить. А когда не получилось, пытался пробраться на иностранный корабль. А в стране-то тогда была советская власть, представляете, как я рисковал! Зато – кровь кипит, адреналин выделяется... Вот было время! А вы сидите сычами в своих квартирах.

Маша нахмурилась:

– Слушай, а можно без лирики?

Сестру поддержал Макс:

– Короче, дед. Что ты предлагаешь?

И только Ася промолчала. Жаль, что Шадурина-старшего перебили. Пока он произносил свою вдохновенную речь, у него было такое счастливое, совсем юное лицо...

Дед осекся. Погрустнел. Помолчал. Тихо спросил:

– Я понимаю, чего вы ждете. Наверно, надеетесь, что я вас своими наследниками объявлю? Виллу вам завещаю? И джип?

– Не откажемся, – не стала церемониться Мария.

– Вот, Машенька. В этом и заключается твоя беда, – назидательно произнес старик. – Ты гонишься за малым, а большого, которое совсем рядом, – не видишь.

– Ничего себе *малое!* – Маша обвела глазами огромный холл.

– А у тебя еще какое-то сокровище есть? – заинтересовался Макс.

– Да, – тихо и с достоинством произнес дед. – И я вам о нем уже говорил.

Он, как и минувшей ночью, поднялся со своего стула. Сдвинул в сторону картину неизвестного художника Д. Гагина (потерпевший кораблекрушение мужик). Отпер сейф и торжественно водрузил на стол давешнюю чашу.

– Я хочу подарить вам моего верного друга. Моего спасителя. Моего хранителя. Лучшее, чем я владел в этой жизни. И, я уверен, ваши жизни с появлением этой вещи тоже изменятся. К лучшему. Ко многому лучшему!

И дед театральным жестом сдернул со своего подарка упаковку из целлофана.

Чаша со вчерашней ночи совсем не изменилась. Все та же вытертая от времени бронза с пятнышками патины. Полустертые

картинки и письма. И никакого, конечно, таинственного свечения.

Маша, Максим и Ася снова переглянулись.

Дед, кажется, ждал от них восхищенных слов. Или по меньшей мере благодарности. Но все трое молчали. И только Мария буркнула себе под нос:

– Опять ты об этом...

– Вы мне не верите, – грустно констатировал дед.

– Штучка, конечно, прикольная, – пожал плечами Макс. – И смотрится красиво... Но в то, что она чудеса творит, извини, верится слабо. Выросли мы уже из сказок.

А дед, бедный, – мальчишка, истинный мальчишка! – совсем поник. «Что ж они его обижают?!» – мелькнуло у Аси. И она горячо воскликнула:

– Да ну тебя, Макс! Тоже мне, скептик нашелся! Конечно, чаша волшебная! Никитка вон с ее помощью научился «фиш» говорить!

– Но лично я и без чаши английским владею, – безжалостно отрезала Маша.

– А мы давай другое чудо у чаши попросим, можно, дед? Прямо сейчас! Чаша ведь его сделает, и тогда ты, Маша, убедишься...

– Спасибо, конечно, Асенька, за поддержку. – Голос старика потеплел. – Только с чашей моей не все так просто. Это ведь не лампа Аладдина и не волшебная палочка. С ней так не получится, чтоб заказал желание, и оно тут же исполнилось.

– А как можно?

– Я ведь рассказывал вам вчера. Пытался донести... Она помогает только тогда, когда это *действительно* нужно. Я бы в том шторме погиб, а чаша меня спасла. Я остался без крова – и она дала мне новую обитель...

– А, скажем... на хорошую квартиру в центре Москвы ее возможности не распространяются? – насмешливо поинтересовалась Маша.

– Тебе так уж плохо там, где ты живешь сейчас? – строго спросил дед. – Тебе там холодно, некомфортно, неудобно?

– Да нет, наверно... – слегка стушевалась Мария.

– Значит, твоя чаша даст нам другую квартиру, – включился в игру Макс, – только, скажем, если наш нынешний дом сгорит или взорвется?..

– Если ты будешь *мечтать*, – серьезно произнес дед, – что твой дом сгорит, и при этом, конечно, пострадают другие люди, моя чаша никогда не сотворит для тебя чуда.

– Она, что ли, с мозгами? – усмехнулся молодой человек. – Внутри – процессор? Индикатор добра и зла?

– Можно сказать и так, – кивнул дед. – Чашу, конечно, можно о чем-то *просить*. Горячо, от чистого сердца. И если ваши желания добрые, или, как сейчас говорят, позитивные, то, возможно, она их исполнит.

– А вдруг не исполнит? – поинтересовалась Ася.

– А она и не обязана, – кивнул дед. – Раз не исполнила – значит, вам это и нужно не было. Максим правильно сказал: она *сама решает*, помогать в каждом конкретном случае или нет.

– Да ну, ерунда какая-то... – буркнула Маша.

– Ты хочешь отказаться от моего подарка? – взглянул на нее дед.

В его глазах светилось искреннее огорчение, а Ася под столом ощутило пнула вредную сестрицу под коленку.

– Нет, ну что ты, дедуля! – вежливо улыбнулась Мария. – Спасибо тебе огромное.

Но голос ее звучал разочарованно.

– Конечно, спасибо, дедушка! – подхватила Ася. – Мы с удовольствием ее возьмем.

– Поставим на почетное место, будем ежедневно вытирать с нее пыль... – насмешливо подхватил Макс.

И этот туда же. Что за бессердечные люди, неужели не понимают? Деду, в конце концов, семьдесят семь лет, и он имеет право на какие-то причуды!

Ася наградила брата неодобрительным взглядом и ласково обратилась к Шадуруину-старшему:

– Дедушка, мы все поняли. Твоя чаша нам, как говорится, ничем не обязана. Но если мы будем хорошими людьми, возможно, она нас отблагодарит. Правильно?

– Правильно, Асенька, – просиял дед.

– Значит, это воспитательный процесс был... – еле слышно прошептала Маша. – Не поздно ли ты за наше воспитание взялся?..

Но старик ее реплики не расслышал. Еще раз обвел глазами всех троих и торжественно произнес:

– Я ведь вижу: вы всё на мой дом поглядываете. Роскошью любуетесь. Сами наверняка так жить хотите...

Он взмахом руки прервал начавшую было возражать Асю и заявил:

– Но я уверяю вас: мое богатство – это такая мелочь. Калиф на час, пыль на ветру. Что деньги? Сегодня они есть, завтра – нет. Я в своей жизни, в иные ее времена, и с большими деньгами дело имел, а к старости все равно всё растрывкал... А вот чаша, если вы ее беречь будете, она вечная. И принесет вам такое счастье, о котором вы даже и не мечтали.

Дедовы глаза во время этой речи горели ярким, почти лихорадочным огнем.

Мария взялась было что-то сказать, но Ася под столом ухватила ее за руку. И тихонько прошептала сестре:

– Не спорь! Не возражай! Пусть он верит.

В Москву улетали назавтра, рейсом в одиннадцать сорок утра.

Дед напоследок шиканул, с ночи отправил водителя в Краснодар с наказом обменять их билеты на первый класс. Шофер привез только бизнес, и старик долго и темпераментно ворчал из-за того, что первого в самолете «Як-42» не предусмотрено.

В аэропорт тоже ехали, как крутые, – на черном, чисто вымытом джипе.

Но оказалось, что не в бизнес-классе счастье.

Никитка с самого утра проснулся тихенький. Ни завтракать не хотел, ни ползать, ни играть. Возится, как примерный ребенок, с машинкой и молчит. «Акклиматизация, наверно, началась, – решила Ася. – У детей она вроде через сутки начинается».

А когда уже выехали в аэропорт, малыш вдруг начал чихать. Едва миновали Абрикосовку – закашлял. И на подъезде к Краснодару сопли уже текли рекой, а лоб стал горячим.

– Этого я и боялась. Простудили вы его на рыбалке, – упрекнула Ася Макса.

– Да там жара была! – возмутился брат. И тоже кашлянул.

– Как там дед говорил? – ехидно припомнила Мария. – Он попросил свою чашу, чтоб с Никиткой было все хорошо?!

Ася только вздохнула.

Шофер свернул с шоссе М-4 на дорожку, ведущую к аэропорту.

– Смотри, Никитка: самолетики! – показала Ася.

Но малыш лишь равнодушно взглянул на огромных белокрылых птиц и отвернулся. А раньше одного слова «самолет» было достаточно, чтобы он головой начал вертеть.

Ася еще раз коснулась губами его лба – по ощущениям, температура уже тридцать восемь, не меньше. Как жаль малыша! И страшно, что ей муж скажет. Ведь не зря Мишка не хотел ее отпускать. И получается, он оказался прав. Не стоило ребенка в такую поездку тащить...

– Может быть, нам остаться? – встревоженно спросила Мария. – Куда с таким больным лететь?

– У тебя же студенты! Сама говорила – завтра две пары!

– Плевать на студентов! – отрезала сестра.

– Остаться, конечно, можно. А смысл? – пожала плечами Ася. – Возвращаться в Абrikосовку? Это поселок, там наверняка и нормальных врачей нет. А здесь, в Краснодаре, тоже непонятно, где поликлинику искать. Тем более хорошую. Да еще без местной прописки...

– Подумаешь, проблема! – возмутилась Маша. И обратилась к шоферу: – Вы знаете, где в Краснодаре самая лучшая детская поликлиника?

– Не знаю. Но если нужно, найдем. – Энтузиазма в голосе водителя не было. Он затормозил, обернулся назад, к пассажирам, спросил: – Так вы не полетите? Мне разворачиваться?

Макс недовольно скривился. Видно было: ему и сестер не хочется оставлять, но задерживаться в Краснодаре не хочется еще больше.

– Подожди, Машка, не части, – задумчиво произнесла Ася. – Ну, останемся мы тут. Покажем Никиту врачу. А дальше-то что? Искать гостиницу? Менять билеты? Или возвращаться в Абrikосовку?.. Может, проще долететь до Москвы? Подумаешь, всего два часа.

– Если с регистрацией, посадкой – все четыре. В лучшем случае. А Никитос твой мне совсем не нравится... – встревоженно произнесла Маша.

Никитка и правда вел себя удивительно. Не ерзал, не хныкал, ладонями по окну не стучал. Сидит и равнодушно глазеет в одну точку. Будто не мальчик, а старичок.

– Вдруг у него что-то серьезное? – понизила голос Мария. – И его в больницу надо?

– Ни в какую больницу я его не отдам, – отрезала Ася. – Тем более здесь.

– Тогда действительно: лучше полетели! – встрял Макс. – Как-нибудь доведем, тем более – бизнес-классом. А дома и стены помогают.

– Ну и чудненько, – с видимым облегчением сказал шофер.

Ему тоже явно не хотелось колесить по Краснодару, пытаясь куда-то пристроить гостей и больного ребенка.

Джип въехал на территорию аэропорта, важно притормозил у VIP-зоны.

– Одну секунду, я узнаю, идет ли посадка, – услужливо предложил шофер.

Сбегал, вернулся, радостно доложил:

– Все в порядке, вылет по расписанию.

Шустро выхватил из багажника чемоданы и потрусил ко входу – явно спешил избавиться от своих пассажиров.

– Если завещает нам дед свои богатства – уволим этого парня тут же, – шепнула сестре Мария.

Ася слабо улыбнулась. Никитка беспокоил ее все больше – голова как кипяток, ручки безвольно свесились вдоль тела... А простуда ли это? Вдруг Машка права, и он подхватил в ледяном море какую-нибудь ужасную болезнь типа пневмонии или менингита?!

«Может, дедову чашу о помощи попросить?!» – мелькнула безумная мысль. Впрочем, Ася тут же себя охлонила: «Чушь собачья. Просили уже, чтоб Никита не заболел, дед сам говорил... А толку?!»

Они подошли к стойке контроля, распрощались с шофером, как и положено VIP-персонам, без очереди прошли регистрацию. Проследовали в VIP-зал и, едва расположились в мягких креслах, услышали в громкоговорителе равнодушный женский голос:

– Вылет рейса 1140 до Москвы откладывается до пятнадцати ноль-ноль.

– Как?! – вырвалось у Аси. – Говорили же, что по расписанию!

– Я сейчас все узнаю, – с готовностью подскочил Макс. Помчался к окошку информации, вернулся не скоро и мрачный, сказал: – Там у них, то есть у нас в Москве, погода изменилась. Говорят, жуткая метель и туман, какой-то очень сильный циклон с юга. С утра по фактической погоде работали, а сейчас и вовсе не принимают.

– Ё-моё! – Маша явно на время забыла, что является ярой противницей жаргона.

– И шофер уже уехал... – растерянно произнесла Ася.

А бедный Никита прижался к маме и горестно, тонким голоском, захныкал.

– Может быть, у них здесь, в аэропорту, врач есть? – предположил Макс.

...Но в медпункте, который и правда имелся, была только медсестра. Она добросовестно измерила Никите температуру – оказалось, что уже 39 с половиной, – и посоветовала дать малышу парацетомол.

– У меня есть, я дам... – закивала Ася. – Но как вы думаете, с ним точно ничего серьезного?!

– Откуда я могу знать, девушка, я ведь не доктор... – развела руками медсестра.

– Скорее бы улететь! – заломила руки Ася. – А врача я из страховой компании вызову. Попрошу, чтобы они в Москве прямо к трапу подъехали, кажется, по нашей страховке так можно...

В Никитку впихнули парацетомол, микстуру от кашля, закапали в нос... Ребенок покорно вынес экзекуцию, хотя обычно даже из-за витаминки Д царапался и кусался. Но лечение помогло плохо – Никитка все равно сидел вялый, только тоскливо, как брошенный котенок, подвывал. Есть или спать тоже отказывался, поэтому они едва дотерпели, пока наконец объявили посадку.

А в самолете, едва взлетели, малыш наконец уснул. Маша, устало откинувшись в кресле, призналась сестре:

– Знаешь, Аська... А ведь я, пока мы в аэропорту болтались, как дура, к дедовой чаше обращалась. Просила ее, чтоб вылет объявили как можно скорее... – И, вновь нарушив свое правило не употреблять бранных слов, гневно выдохнула: – Так хрена лысого! Проторчали тут почти до четырех!

– Маш, но мы ведь с тобой уже решили, – слабо улынулась Ася. – Никаких чудес на свете нет. И чаша – это просто забавный сувенир. Не больше.

– А зачем дед тогда нас позвал? – встрял в разговор Макс. – Сколько времени потеряли, и Никитка вон заболел...

– Наверно, дед просто повидаться решил. Старики – они сентиментальные, – предположила Ася.

– И новеньким домом похвастаться, – закончила Мария. – Он ведь неделю назад только отделку закончил...

– Ну и нормально съездили, – подытожил Макс. – Прикольно.

– Да уж, прикольное не бывает. – Ася встревоженно коснулась Никиткиного лба, сказала: – Горячий...

– Да все нормально с ним будет! – беспечно заверил брат. – Через час уже прилетим, а врачей ты прямо к трапу вызвала!..

И будто в ответ на его слова раздался усиленный громкоговорителем голос стюардессы:

– Уважаемые пассажиры! Ввиду усилившейся непогоды аэропорты Москвы не принимают. Мы совершим посадку в Санкт-Петербурге. Приносим вам свои извинения.

– Нет!.. – вырвалось у Аси.

Маша успокаивающе коснулась ее руки, а Макс, не говоря ни слова, полез под сиденье, достал свой рюкзак, вынул из него заботливо упакованную дедом чашу – и горячо забормотал:

– Милая! Ну пожалуйста! Сделай так, чтобы мы сели в Москве! Нам это очень нужно, правда! Ты же видишь: малыш совсем разболелся, его уже врачи ждут! Как мы с ним будем, если окажемся в Питере?! Мы там не знаем никого! И где больница, не знаем!

– Пожалуйста... – тихо проговорила и Маша.

– Я очень тебя прошу! – дрожащим голосом произнесла и Ася.

Все трое с нетерпением глядели на чашу. Вдруг чудо все же произойдет? Вдруг появится то самое, о котором рассказывал дед, таинственное свечение?

Но ничего, решительно ничего не произошло, только малыш проснулся и начал плакать.

А стюардесса – она явно сочувствовала больному ребенку – мягко сказала:

– Будьте добры, пристегнитесь. Мы идем на посадку.

И громкоговоритель бесстрастно подхватил ее просьбу:

– Уважаемые пассажиры, пожалуйста, займите свои места, приведите спинки кресел в вертикальное положение и пристегните ремни. Наш самолет снижается, через десять минут мы совершим посадку в Санкт-Петербурге, аэропорт Пулково.

– Не помогло, – безнадежно произнесла Ася.

– Вот, блин, старый болтун! – раздраженно сказала Маша.

А Макс равнодушно, не утруждаясь упаковкой, вернул дедову чашу в рюкзак.

Прошло полтора месяца.

Середина января. Маша

Ноябрьскую поездку к деду в нашей семье еще долго вспоминали как страшный сон.

Племянник Никитка после рыбалки и долгой дороги хворал больше месяца, Аська, бедняга, вся извелась. И даже больше не за малыша беспокоилась, а себя корила, дуру, как она говорила, набитую. Все страдала, что согласилась на путешествие в Абрикосовку. Что выпустила ребенка на рыбалку в ледяное море. Что приняла решение лететь в Москву, а не поехала в поликлинику в Краснодаре, тем более что у Никитки оказался какой-то очень хитрый грипп, который не брали никакие антибиотики...

У бедной сестрицы настоящий комплекс вины развился, а ее горемуженек Мишка умело этот комплекс подогревал. И Аську называл безответственной матерью, а нас с Максом – махровыми эгоистами. Даже родителям, которые здесь и вовсе ни при чем, досталось – за то, что *попустительствовали*. Ну и выбрала же сестричка себе пару!.. Не зря я говорю: «Лучше быть одной, чем вместе с кем попало».

Весь остаток ноября и декабрь мы с сестрой почти не виделись. Ася, во-первых, была вся в больном малыше: врачи, процедуры, анализы, бессонные ночи. А во – вторых, человек слаб. Особенно если на него все время давят, как это Асин муженек делает. Вот она и старалась семью сохранить. И, очень смущаясь, попросила меня бывать у них пореже, чтобы «гусей не дразнить».

Я пыталась ей объяснить, что с этим ее Мишей чем больше компромиссов, тем крепче он на шею сядет, но младшая сестричка оказалась упрямее мула. «Понимаешь, Маша, ему так одиноко в Москве. И он очень переживает, что у меня здесь и сестра, и брат, и родители, а он – один-одинешенек».

Ничего себе, один! И жена его со всех сторон обхаживает, и сын – лапочка, и, как я упорно подозреваю, еще и на работе роман с какой-нибудь смазливенькой секретаршей.

Но не буду ж я свое общество им насильно навязывать! Тем более что у меня на этого Мишу, даже когда его дома нет, жесточайшая аллергия. Его тапки в коридоре увижу – и уже начинаю закипать...

Братец Макс остаток года жил своей собственной жизнью. И тоже, на мой взгляд, неправильно. У всех профессиональных теннисистов в это время каникулы, народ разбрелся, разлетелся, куда средства позволяли, а этот фанатик все тренируется. Потому что, видите ли, сейчас теннисные корты дешевет. И как ни пыталась я наставить на путь истинный и его – мол, отдохни, развейся, а потом результаты сами пойдут, – брат меня и слушать не пожелал. Он, видите ли, уже взрослый и сам решает, как ему поступать. В итоге после своих бесконечных тренировок он возвращался домой сердитый, бледный – усталость-то за год немалая накопилась! – а на утреннюю пробежку и вовсе выходил с таким видом, будто не бегать, а на похороны идет.

Ну, не хотите добрых советов – навязываться не стану.

И я тоже, говоря красиво, дистанцировалась от всех и с головой прыгнула в работу, в английский и в хорошие американские книги.

...Дедова чаша, после того как она *отказалась* нам помочь с больным Никиткой, скучала в коридоре, в платяном шкафу. В ее способность творить чудеса мы больше не верили. А уж родители, которым я, разумеется, поведала все дедовские байки, и вовсе хохотали как безумные, папа аж слезы вытирал: «Ну, батя дает! Наворовал денег, особняк себе отгрохал, а теперь нас байками про волшебную палочку кормит!» А мама с легкой завистью расспрашивала, сколько на дедовой вилле комнат и вкусно ли готовит его домработница...

Я попыталась возразить отцу, что воровать деду в его-то годы вроде и возможностей нет, и жил он до недавнего времени очень скромно, но папа только отмахнулся: «Он пройдоха еще тот. Что он, что брат мой Митька. Всегда находили, где стырить».

Может, я, конечно, и испорченная, но не отказалась бы, чтоб и мой отец тоже что-нибудь *стырил*. Очень уж хочется наконец в Америку выбраться, а бесплатно, через гранты на учебу, пока никак не выходит... Но только от нашего *последнего романтика* дождешься – максимум, на что он способен: укатить в очередную командировку на новогодних каникулах, чтобы по двойной ставке заплатили. Хотя папа у меня все равно замечательный, я его и таким люблю.

А вот насчет дедовой чаши после всех этих разговоров возникла у меня интересная мысль. Чаша-то с виду старинная – то ли медь, то ли, помнится, дед говорил, даже бронза. И письмена на ней, похоже, золотом выбиты. Вдруг она художественную ценность представляет? Хранить дедов подарок у нас никакого резона нет. На него только взглянешь – сразу настроение портится, потому и держим ее в глухом шкафу, за закрытой дверью. Даже я, едва на эту железку взгляну, сразу вспоминаю, как бедный больной Никитка в самолете рыдал, Аська и вовсе едва чашу в окно не вышвырнула, когда как-то в гости к нам заехала.

А окажись, что горе-чаша стоит более-менее приличных денег, – продадим ее без вопросов. Лишние финансы очень бы пришлись кстати.

И я, для разминки, отправилась с чашей в ломбард.

Ломбард в нашем районе – заведение весьма криминальное. Внутри и около него полно сомнительных личностей, все, как под копирку, с перегарным амбре и трехдневной щетиной. И приемщик, сразу видно, пройдоха – глазки бегают, пальцами хрустит. Явно врун. Будь при мне какое-то серьезное богатство, хотя бы микроскопический фамильный бриллиант, сроду бы в такое место не пошла, но с чашей, я решила, можно. Ничем не рискую.

И я не ошиблась. Потому что приемщик оценил ее в двадцать долларов. А личности, что подбежали, когда я с расстроенным лицом вышла наружу, и того меньше: в пятнадцать. И ни у кого, я внимательно рассматривала их физиономии, не загорелось в глазах при виде моего сокровища ни радости, ни предвкушения богатства.

«Забавная железка», – вот и весь вердикт.

«Дед и тут обманул», – резюмировала Ася, когда я рассказала ей о своем походе в ломбард.

Но я не сдалась. Ломбард в нашем Орехово-Горохове – отнюдь не высшая инстанция, и вторым дублем я отправилась в центр, в антикварный магазин.

Там и приемщик оказался попримичнее, седобородый, в серебряных очках, и подозрительных *жучков* не крутилось, но чаша моя все равно вызвала интереса лишь на крупницу больше.

– Вещица забавная, но это не Бергенфельдт, – едва взглянув, огорошил меня приемщик.

Хотя мой принцип никогда не признаваться, что чего-то не знаешь, а пытаться выкрутиться, я глупо переспросила:

– Чего?

– Фридрих Бергенфельдт, бронзовщик. Работал в Петербурге в конце восемнадцатого – начале девятнадцатого века, – снисходительно просветил меня приемщик. И назидательно добавил: – Но к вашей чаше он никакого отношения не имеет. Сей предмет, полагаю, датирован гораздо более поздним временным отрезком. Конец девятнадцатого, а то и начало двадцатого. Впрочем, можете оставить на экспертизу...

– А сколько это стоит? – осторожно осведомилась я.

– Если будете продавать через нас, то бесплатно. Если нет – тогда пара сотен.

Он взглянул в мои растерянные глаза и внушительно добавил:

– Ясное дело, не рублей.

– Ну а сколько всего?.. – В присутствии этого назидательного дяденьки я почему-то чувствовала – и вела! – себя последней студенткой – невежественной и косноязычной.

– Прикидываете, насколько обогатитесь?.. – не без сарказма уточнил он. И вдруг спросил: – А откуда она у вас?

– Отец привез. С каких-то раскопок, – непонятно зачем соврала я.

– Не Трои? – пошутил приемщик. Единолично поулыбался, гордый собственным остроумием, и пожал плечами: – Три тысячи. Максимум.

– Не рублей? – на всякий случай уточнила я.

Приемщик покачал головой, а я порадовалась: что ж, уже не двадцать долларов.

– Будем оформлять? – Мой собеседник занес перо над каким-то квиточком.

Я покачала головой:

– Нет.

– Даже на экспертизу не хотите?

– Нет, – повторила я.

И, к немалому его удивлению, гордо покинула ломбард. Хоть я и не бизнесвумен, а понимаю, что такая экспертиза, как предлагает оценщик, – это типично кабальная сделка. Или обязательно на комиссию сдавай, или двести баксов плати... Наверняка экспертизу можно и подешевле найти. И без всяких условий.

И я оказалась права – экспертизу в Музее прикладного и народного искусства мне сделали почти бесплатно. Ничего, правда, хорошего в заключении не написали. Приемщик антикварного магазина оказался прав – знаменитый бронзовщик Фридрих Бергенфельдт к дедовой чаше своей руки не прилагал... *«Декоративная ваза, антиквизированной формы, с двумя ручками, на ножке. С одной стороны на тулове в резерве полихромная роспись с полустертым изображением. На одной из ручек незначительная косметическая реставрация. Материал – двухцветная бронза, литье, золочение матовое и полированное. Ориентировочное время изготовления – восьмидесятые годы девятнадцатого века... Достаточной художественной ценности не представляет».*

С таким приговором на «Сотбис» явно не сунешься.

И даже тот самый оценщик из антикварного магазина, к которому я зашла еще раз, решил наказать меня за несговорчивость и предложил за вазу уже не три тысячи, а всего лишь две семьсот.

Но я опять ушла – и еще раз обещала подумать. А дома, невзирая на ворчню Макса, что дедова ваза-чаша пробуждает-де в нем дурные воспоминания, не вернула сокровище в заточение в платяном шкафу, а водрузила его на более почетное место: в большой комнате, в серванте, на средней полке.

Хотя она и не представляет достаточной художественной ценности, все равно, пусть красуется. Все-таки три тысячи долларов. Самый дорогой предмет во всей нашей скромной квартире.

Середина января. Макс

«Имеет смысл дальше играть для себя».

Для профессионального теннисиста это самая ужасная фраза. *Играть для себя*, просто на интерес, какой в этом смысл? После всего, что было. После всех побед на детских турнирах. После арий тренеров на темы, что ты – могуч и талантлив. После сладких снов, как ты, лидер команды, пьешь шампанское прямо из Кубка Дэвиса. После робкого мамино: «Может, хоть ты из нашей семьи выбьешься в люди?..»

А как забыть травмы? Дикую боль в ногах после турниров на харде? Постоянный дискомфорт в предплечье – плату за сильную подачу?!

И вместо награды за все получить отставку. Выйти на пенсию в шестнадцать лет, безо всяких, разумеется, выплат со стороны государства. А что делать дальше – бог весть. Все одноклассники уже давно «работают на вузы» – ходят на курсы, занимаются с репетиторами, и только он, как сказала добрая завуч, Максимушка-дурачок. Ни в какой институт, кроме физкультурного, не поступишь – учиться в школе было некогда, вступительные экзамены даже на платное и то завалишь...

Многие из таких отставников, Макс знал, спиваются или подседают на наркоту. Иные – их называют счастливыми – берутся тренировать богатых тупых детишек. Некоторые, самые удачливые, уезжают в Штаты. Для спортсмена его уровня это совсем нетрудно. В тамошних университетах теннисистов из России любят. Учат бесплатно и общагу предоставляют – только играй. Но какая это тоска – выступать не за страну и не за себя лично, но за какой-то Монтанский государственный университет...

Сестра Машка, правда, утверждает, что Макс не понимает своего счастья.

– Да если бы мне кто бесплатную учебу в Америке предложил!!! – кипятится она.

– Не бесплатную, – терпеливо поправляет брат. – В семестр до десяти турниров надо играть.

– Ну и подумай! – отмахивается сестра. – Одно удовольствие – по корту побегать!

Вот они, махровые любители. Для них теннис – просто удовольствие. Даже спорить смешно.

Как объяснишь Машке, что для него, Макса, теннис – это, говоря красиво, жизнь. Не сможет он уже без ежедневных тренировок – и без мечты, что когда-нибудь, очень скоро, в его руках окажется Большой шлем и чек на огромную сумму.

Но сегодня тренер Михалыч – а ведь он верил в своего ученика до последнего! – произнес роковую фразу: «Наверно, тебе имеет смысл дальше играть для себя...»

И Макс еле удержался, чтобы не разреветься.

Впрочем, профессиональный спорт научил его хладнокровию. Макс быстро удалось взять себя в руки и с невозмутимостью игрока в покер произнести:

– Нашли время шутить! Нам же с вами на фьючерс в Староивановск еще ехать!

Фьючерс в Староивановске – первый турнир сезона. Теннисисты-везунчики в это время загорать на Australian Open^[6] сматываются, а неудачники и молодежь тащатся за пятьсот километров от Москвы в сонный, скучно провинциальный городок.

Турнир проходит на единственном городском стадионе, корты – деревянные, с щербинками, гостиница – без горячей воды... Но очков можно заработать изрядно, если, конечно, добредешь хотя бы до четвертьфинала.

А Макс в этом году даже в основную сетку не попал, придется сквозь квалификацию продираться.

И Михалыч гундит о том же:

– Макс, только не расстраивайся... Но ты уверен, что тебе стоит туда ехать? Состав участников сильный... Шансов у тебя против них никаких, только родителей в очередной раз разоришь. Все ведь за свои деньги – и дорога, и гостиница, и вступительный взнос... Думаешь, легко твоим папе с мамой такие деньги выкладывать?

– Предлагаете сняться с турнира? – прищурился Макс.

– Ну, я не имел в виду, что именно с этого сниматься... – забормотал тренер. – Я о другом говорю. Может, тебе и правда сменить, так сказать, поле деятельности...

Сестра Машка сейчас бы сказала: *«По обилию вводных слов понятно, что положение серьезное»*. Но Макс решил не выпендриваться и просто спросил:

– Хотите сдать?

– Сдаться?! – психанул тренер. – Да я с тобой уже пятый год вожусь! Без выходных, без каникул! А где отдача?! Ни разу ведь дальше второго круга не прошел! В прошлом году в Староивановске первый же матч проиграл! Это, что ли, результат?!

– Но, Виктор Михалыч... Вы же со мной вчера в полную силу рублились! И слили 6:2, 6:3, не помните, что ли? А ведь сами на уровне МСМК^[7] играете!..

– Да хоть бы и Агасси тебе слил, толку-то что?! Мы с тобой играли вдвоем. Понимаешь, ВДВОЕМ! Без свидетелей, без протокола! А на соревнованиях... Ну-ка напомни, как тебя называют?!

Макс Первый Круг. В смысле, что в первом же круге он всегда вылетает. Такая вот позорная кличка.

– Я выиграю, Виктор Михайлович. Выиграю этот турнир.

– Не смей ты мои шнурки. На него Лялин заявился. И Чепиков. И братья Лугачевы. Напомнить, какой у тебя с ними счет личных встреч?

А что тут вспоминать. С Лугачевыми он пока не играл, но Лялину, восходящей звезде, пять раз сливал. И Чепикову, разгильдяю и балаболу, – три.

– Будь у тебя хотя бы спонсор!.. – продолжал давить тренер. – А то горбатишься с тобой за копейки...

И тоже правда. Спонсор – он ведь не только ракетки или форму предоставляет, но и денег дает, в том числе тренеру. А так – Михалыч добросовестно тренирует, ездит на все турниры, но получает лишь символическую зарплату. И живут они с Максом, из экономии, в одном двухместном номере, причем выбирают самую дешевую гостиницу. И обедают в самых гадких столовых.

– Да все у меня еще будет! И спонсоры, и победы.

– Опять двадцать пять... Когда? Когда будет-то?! Тебе шестнадцать, а ты до сих пор в неудачниках ходишь. Роддик в твои годы уже в первую сотню входил!

– Я тоже войду! Даже в десятку. Только чуть позже.

Но Михалыч лишь рукой махнул. И произнес:

– Мне ж не себя – тебя жаль. Бьешься как рыба об лед, травм полно, а толку никакого...

У Макса на языке так и вертелось: «А может, дело не во мне? Вдруг это вы – тренер плохой?!»

Но, разумеется, он промолчал. Не та сейчас ситуация, чтобы Михалыча посылать. Потому что другого тренера все равно не найти. Никак. Кому захочется работать с человеком по прозвищу Макс Первый Круг? Тем более за смешную зарплату?

– В общем, договариваемся так, – подытожил Михалыч. – В Староивановск я с тобой, так и быть, поеду. Обещал все-таки... Но этот турнир последний. Продуешь – до свидания. Усёк?

– Усёк, – вздохнул Макс.

И, утопая в накатившем отчаянии, подумал: «Ведь проиграю. Как всегда. И может быть, даже в квалификации...»

А когда вернулся домой, настроение вообще до полного минуса скатилось. В квартире, как назло, никого: папенька в командировке, мама на работе, Машка своих студентов в институте гоняет... Обстановочка, прямо скажем, абсолютно депрессивная. Батареи чуть греют, лампочка в коридоре перегорела. И в глаза, как назло, все время какая-то дрянь лезет. То взгляд вдруг упрется в кубок – его первый и единственный, стыдно сказать, в доме отдыха выиграл в двенадцатилетнем возрасте. То в свете уличных фонарей высветится фотография, что висит на стене родительской спальни. На ней маленький мальчик Макс с огромной ракеткой в руках, вот оно, ха-ха, большое и блестящее будущее... И, как еще одна насмешка, – дедовское сокровище. В серванте, на почетном месте, вторая снизу полка по центру. Стоит, собирает пыль, гордо блестит боками... Волшебная, блин, палочка. Чаша, блин, Грааля.

Как там старый хрен говорил? Эта железяка может исполнять желания? Но не все, а исключительно добрые и позитивные? Тоже мне, развел пропаганду праведного образа жизни! Интересно, а победить в турнире – это позитивно или?..

Макс досадливо отвернулся от дурацкой чаши. Прошлепал в кухню. Тяжело, а что, он ведь теперь почти пенсионер, имеет право! – рухнул на угловой диванчик. Неужели все? Неужели жизнь кончена? И придется, как красиво выражаются теннисные комментаторы, зачехлить ракетку? Но зачехлить не триумфально, не в стиле Пита Сампраса, который напоследок выиграл Открытый чемпионат США, а позорно, в шестнадцать лет, не имея в активе ни одной значимой победы?!

От такой перспективы хотелось выть. Или как минимум напиться. Вот у них семейка неудачников. Сестра Машка об Америке днями и ночами грезит, а ее туда не берут. А он к Штатам равнодушен, но ему теперь путь только за океан. Поступит незадачливый теннисист Макс в какой-нибудь заштатный институтишко где-нибудь в забытой богом Айове, будет в нем необременительно учиться и выступать на мелких турнирчиках... А другие, всякие удачливые Лялины, Чепиковы и близнецы Лугачевы, будут ездить по настоящим турнирам, получать призовые – чеки со многими нулями – и выгодные контракты от спонсоров... Тоска.

В кухне совсем тихо, только ходики клацают, и кажется, что их ржавый, тертый годами маятник не просто время отсчитывает, а навязчиво, ежесекундно повторяет: «Не-у-дач-ник! Не-у-дач-ник!..»

«Ладно. Пока еще ничего не кончилось, – вяло думает Макс. – Завтра в Староивановск выезжать. Нужно форму пойти погладить. Носки в стиралку забросить. И струны у ракетки подтянуть...»

Гладить форму своими руками – это примета. *Приглаживаешь* вроде как удачу. Только много ли ему эта примета удачи принесла?! Да и если подумать, разве везунчики вроде Надаля или Налбандяна этим утруждаются? Наверняка им горничные гладят – взволнованные, трепетные красотки, польщенные тем, что служат у таких звезд... А у него, Макса, горничных не будет уже никогда. Какая прислуга у автослесаря, или инженера, или кем там из обычных людей ему удастся стать?!

– Нет!!! Не хочу!!! Я не сдамся, не сдамся! – Макс и сам не замечает, что в стиле пенсионера разговаривает сам с собой.

Он бросается обратно в комнату. Достает дедов талисман. Ставит его на пол. И совсем уж как сумасшедший, падает перед ним на колени.

– Чашенька моя! Красоточка! Миленькая! Ну пожалуйста! Сделай чудо, прошу тебя! Помоги мне выиграть турнир в Староивановске! Любой ценой! Только помоги!!!

А когда он закончил свою пламенную речь, ему вдруг показалось: чаша ответила мягким, понимающим светом. Не то ли это свечение, о котором с таким придыханием рассказывал дед?

– А, бред это все, – пробурчал Макс. – Глюки.

Вернул чашу на место и отправился паковать сумку. Завтра он уезжает на последний теннисный турнир в своей жизни.

Матчи квалификации – на них разыгрывались четыре путевки в основную сетку – прошли гладко. Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Первым соперником Макса оказался абсолютный мальчишка. Да, подача у него неплохая, ноги быстрые и задора хоть отбавляй, но в четырнадцать лет лезть на фьючерс – это, конечно, наглость.

– Все у тебя еще впереди! – благородно потрепал пацана по плечу Макс по окончании игры.

А второй матч и вовсе оказался веселым – свои силы в турнире решил попробовать любитель, дядька лет сорока! Такие феномены встречаются: бацают, бацают деды по мячику на своих платных кортах, а потом вдруг решают, что уже до профессионального тенниса доросли. И на голубом глазу прутся на настоящий турнир. А участвовать в квалификации всех пускают, только вступительные пятьдесят баксов заплати. Вот смех! Какая в сорок лет может быть дыхалка? Да и скорости, против Максовых шестнадцатилетних ног, никакой нет.

Макс разделал обоих своих соперников под ноль и даже сорвал аплодисменты от группки экзальтированных местных школьниц, но тренер Михалыч только рот скривил:

– Не обольщайся, братишка. Квалификация – это не уровень. Ты жеребьевку основной сетки смотрел?

– Нет, – пожал плечами Макс.

Еще одна теннисная примета: пока квалификацию не пройдешь, о матчах основной сетки лучше не думать.

– В первом круге у тебя Чепиков, – сочувственно улыбнулся тренер.

– О господи! – простонал Макс.

Чепиков – это, конечно, не юный Сафин. Не звезда. Но соперник исключительно неудобный. И даже не своим теннисом – играет он, в общем-то, заурядно, но характером. Тот еще спец – по подлым улыбкам, неспортивному поведению да злым словечкам. Ему бы на факультете психологии учиться по специальности «искусство довести соперника до белого каления».

На больших турнирах таких сволочей, как Чепиков, штрафуют и даже лишают очков. А на фьючерсах и сателлитах на его выходы смотрят сквозь пальцы. Когда менялись сторонами, наступил сопернику на ногу? Случайно. Пять раз подбрасывал для подачи мяч (а противник-то каждый раз на прием настраивается)? Ну, тоже не проступок. Может, ему ветер мешает...

Иные толстокожие и морально крепкие игроки на выходы Чепикова не обращают внимания. Но Макс каждый раз, когда они встречаются, весь кипит. И нет бы от злости разделать негодяя под орех – наоборот. Как посмотрит на ухмыляющуюся физиономию, так сразу посылает мяч в аут. Или в сетку. А Чепиков, чувствуя слабость соперника, глумится над ним еще пуще. К тому же именно он придумал обидную кличку Макс Первый Круг. И вот, по иронии судьбы, в этом самом первом круге они опять и играют.

«*Первый круг ада*», – сказала бы начитанная сестра Машка. И, несомненно, была бы права.

Как бы этот первый круг ада проскочить?!

«...Я – в стакане. Я – в стеклянном стакане, – внушал себе Макс вечером накануне матча. – Меня не волнует этот урод. Я не слышу, что он говорит. Не замечаю его ухмылок. Я настроен на игру... На победу...»

Но настраиваться тяжело. Тем более что час назад они с Чепиковым пересеклись у рецепшен. И тот широко улыбнулся толстой регистраторше, показал на Макса и объявил:

– Этот зайчик завтра уезжает.

– Хорошо, – кивнула тетка. И объявила Максиму: – Расчетный час в полдень.

– Еще посмотрим, кто из нас уедет, – прошипел Макс.

– А что тут смотреть? – фыркнул соперник. – Три раза прос...ал – и завтра прос...шь.

– Но-но, мальчики. Тут мне не материться, – посуровела регистраторша.

– Я не матерюсь, – кротко произнес Чепиков. И добавил: – Я просто говорю, что этот парень завтра уе...вает.

И с хохотом пошагал прочь от рецепции, а толстая тетка кинула на оплеванного Макса сочувственный взгляд. Дожили. Тебя уже регистраторши из Староивановска жалеют.

...И матч начался, как и предсказывал злыдень Чепиков, абсолютно провально. У Макса, несмотря на все тренировки и аутотренинг, все валялось из рук. Первая подача стабильно не проходила, мячи, как заколдованные, улетали в аут или упирались в сетку, Михалыч сидел на трибуне с каменным лицом, а Чепиков торжествовал.

– Ноль – шесть – симпатичный счет. Мне нравится, – ухмыльнулся он после первого сета. – Во втором, так и быть, разрешу тебе его размочить. Один – шесть. Тебя устроит?

– Коз-зел, – в бессильной ярости выдохнул Макс.

– Сам козел, – спокойно парировал Чепиков. – Старый. Тебе только за дом престарелых и играть...

И без того малочисленная публика на трибунах разошлась. От силы человек пять остались, совсем позор. Да и те шуршали программками, болтали по мобильникам, а какой-то мужик в темных очках и вовсе на корт смотреть перестал, уткнулся в газету.

– Время, – лениво произнес с вышки судья.

Он откровенно скучал. Матч, где один из игроков подчистую сливает, не только смотреть – судить тоже неинтересно.

– Макс, соберись! – крикнул со своей трибуны Михалыч.

Но кричал без азарта, видно, чувствовал: сколько ни ори, подопечный все равно продует.

«Да что же я за чмошник такой! – в отчаянии подумал Макс. – Ведь этот Чепиков – никто!!! И подача у него слабая, и все комбинации элементарные, и выходы к сетке предсказуемые! Да моя подача – сильнее раза в два».

И он от души, со скоростью под двести, подал очередной мяч.

– Аут, – равнодушно констатировал судья.

Макс и сам видел: аут, небольшой, сантиметра на три за квадратом... Ну, сейчас, со второй, такой же сильной, надо забивать!

Только Чепиков его подачи почему-то совсем не боится. Стоит в своем углу корта с таким видом, будто прогуляться по парку вышел. И всей своей рожой показывает, что второго аута ждет.

Эх, как бы его разочаровать!

Макс подбросил мяч – высоко, как положено для сильной подачи, но вдруг остановился, подавать не стал. Чепиков, уже настроившийся на прием, сердито опустил ракетку. А Макс подкинул мячик по новой,

притворился, что планирует опять подать сильно, но ударил на этот раз еле-еле. И попал в квадрат далеко от соперника, почти у сетки. Чепиков такого он не ожидал, даже не дернулся.

– Пятнадцать – ноль, – объявил судья.

– Урод, – буркнул со своей стороны корта Чепиков.

Макс ответил ему широкой улыбкой и на следующий розыгрыш комбинацию провел уже другую. Подал мяч опять несильно, соперник отбил... Макс сделал вид, что отбегает назад и будет забивать с отскока, а сам заколотил с лету, смэшем.

А на следующем очке ему Чепиков помог – залупил с приема в сетку. Счет стал сорок – ноль. При таком можно и рискнуть – подать первую со всей дури. «Прямым ходом в аут», как говорит Михалыч. Только подача вдруг взяла и прошла со страшной скоростью, почти как у Грега Руседски. Чепиков такую и взять не попытался, не его уровень.

– Шадурин ведет один – ноль, – с некоторым даже удивлением произнес судья.

А Макс с наслаждением прошипел подбежавшему к сетке Чепикову:

– Сливай масло, придурок.

– Да кто бы квакал! – хмыкнул оппонент.

Но в его взгляде, как с удивлением заметил Макс, заплескался страх. А в теннисе, если занервничал, сольешь без вариантов.

Чепиков сделал двойную^[8] на первой подаче. Следующую подал со второй попытки и еле-еле, только и оставалось с приема залупить ему прямо в ноги. А когда разыгрывали следующее очко, борьба хоть и завязалась, да Макс быстро развел соперника по углам и снова выиграл...

Настроение улучшалось с каждым удачным мячом, лицо Михалыча все больше разглаживалось, и вдохновленный успехом Макс повторял себе: «Неужели так просто? Неужели я выиграю?!»

Но поживать на лаврах, конечно, было нельзя. Макс и дальше играл предсказуемо, осторожно, как по учебнику. Подачи подевчоночьи чахленькие, но точные, только при явном преимуществе в гейме лупил от души. Выходы к сетке – подготовленные. Игра на задней линии – без изысков, без риска, с расчетом на ошибку противника.

Чепиков к такому повороту событий оказался совсем не готов. Продолжал, правда, шипеть, но Макс, упоенный намечающейся победой, его злых словечек просто не слышал. Он словно в эйфорию впал. Чуть ли не впервые за годы занятий теннисом ощущал полную гармонию, когда ракетка продолжение руки, а корт – продолжение его ног...

Редкие, оставшиеся на трибуне зрители даже кричать начали: «Мо-ло-дец!», а мужик в темных очках отложил свою газету.

И матч, начавшийся с позорного проигрыша сета, закончился, как в сказке: с общим счетом: 0:6, 6:0, 6:0.

Даже ко всему привычного пожилого, явно уставшего от тенниса судью проняло. И, пожимая Максу руку, он тепло улыбнулся:

– Не ожидал. Поздравляю.

А на скрип Чепикова: «Вы этого говнюка на допинг проверьте» – даже головы не повернул.

В «настоящем», взрослом, теннисе допинг не распространен, проверки проводят редко, а уж на каком-то заштатном фьючерсе о них и вовсе не задумываются.

Хотя Михалыч, поощрительно хлопая воспитанника по плечу, и хмыкнул:

– Озверина, что ли, объелся? Со второго сета тебя как подменили.

– Типа того, – улыбнулся Макс. – Есть не ел, но разозлился на этого придурка ужасно...

– Что ж, злись почаще, – напутствовал тренер. – Правда, в следующем круге это вряд ли поможет.

– Почему? – удивился Макс.

– А у тебя там Худяков. Знаешь такого?

Худяков. Лоб под двадцать лет. Входил во взрослый рейтинг, много выигрывал, в том числе и в серьезных турнирах, а сейчас из-за травмы скатился до фьючерсов. Подача – сумасшедшая по силе, почти как у Доминика Хрбаты. И на задней линии силен. То есть те же самые козыри, что и у Макса, только куда более отточенные.

– А я и его разделаю! – заверил тренера опьяненный победой Макс.

– Ну, это вряд ли, – скептически улыбнулся Михалыч.

Макс и сам понимал: с жеребьевкой ему не повезло, против Худякова, который, по слухам, уже успел набрать сумасшедшую

форму, у него шансов нет. Это ведь то же самое, что детсадовца против пятиклассника выпустить. Как бы ни был талантлив малыш, но у старшего и сил больше, и опыта, и уверенности в себе. Так что задачу на следующую игру нужно ставить скромную: чтоб просто не слить под ноль. Хотя бы пару своих подач взять в упорной борьбе. И Худякову не позволить, чтоб забивал одни сплошные эйсы.^[9]

– Что ж. В первом круге не вылетел – уже хорошо, – снисходительно подытожил тренер. – Но с Худяковым можешь даже не напрягаться.

– Я все равно попробую выиграть, – упрямо повторил Макс.

– Пробуй, конечно, – грустно усмехнулся тренер. – Но билеты до Москвы я на завтрашний вечер уже купил.

Вот Михалыч язва! Нет бы поддержать ученика перед трудной игрой, а он гадости говорит. И вообще надоел. Ведет себя, будто благодетель какой, подумаешь, на турнир вместе с подопечным приехал, великую милость оказал! А на уме у него ясно что. Слить хочет к кому побогаче и поперспективнее. Макс, слава богу, не слепой, прекрасно видит, какими глазами его тренер обшаривает соперников по турниру. Явно ищет, к кому бы переметнуться.

– А я вот возьму и вам назло завтра выиграю! Тогда билеты сдавать придется.

– Не выиграешь. И колено опять травмируешь, – холодно пожал плечами тренер.

М-да. От Михалыча поддержки никакой. И на завтрашнюю игру не будет напутствия, и даже не предложил вечером встретиться, на видеоигры с участием Худякова посмотреть – обычная практика, когда тренер раскрывает секреты соперника... Ну и пусть катится.

И Макс, забросив в гостиницу сумку с ракетками и пропотевшей формой, на весь остаток дня отправился бродить по Староивановску. Глазел на скудные, в пару красок, витрины, украшающие главную улицу – она благополучно пережила все перестройки с дефолтами и до сих пор носила имя Ленина. Месил грязь в узких, вверх-вниз, переулках. Съел отвратительных пельменей в рабочей столовке близ вокзала. Заглянул в церковь, отыскал среди икон Николая Угодника, страшно смущаясь, поставил ему свечку и попросил о завтрашней победе...

Хорошо, что он не остался в гостинице, где сейчас, во время турнира, все пропитано теннисом – игроки ходят друг к другу в гости, телевизор в баре настроен на спортивный канал, сплетни, зависть, подколки... А здесь, в сонном и скучном городке, будто другой мир. Простой, без интриг, ясный, как небо безветренным июнем. Все правильно, по одному и тому же заведенному годами плану. Спокойный вечер, люди культурно отдыхают перед завтрашним, таким же как этот, днем. Молодняк спешит по киношкам и на свидания, мужики – за пивом, тетки – за детьми в детский садик, бабки – друг к дружке в гости, посплетничать. И никакого тенниса, покажи местной публике ракетку, даже не поймет, для чего она...

«Может, и мне уехать в какой-нибудь Староивановск? – думает, шагая по темным улицам, Макс. – Пойти на завод, завести себе ладненькую, без изысков, вон какие тут бегают, цыпочку?»

«Ага. А Лялин с Чепиковым в это время будут ездить по заграничным турнирам. Жировать в «Шератоне». Давать автографы. Принимать вальяжные позы на фотосессиях. Целовать красивых – а возле теннисистов экстра-класса выются только такие – девчонок...»

Нет уж. Фигу. Кому нужна такая жизнь? Днем – бесконечно точить детали на душном заводе, а вечером – сначала скандалить с быстро расплывшейся и ставшей ворчливой цыпочкой, а потом без сил брести за пивом?!

«Я разделаю Худякова, – клянется себе Макс. И признается: – Только пока еще не знаю как...»

Игру Макса и Худякова назначили первой, в девять утра. Жутко неудобное время – чтобы как следует проснуться, размяться и настроиться на матч, придется вставать самое позднее в шесть тридцать. К тому же играть будешь в совершенно пустом, без единого болельщика, зале. В такую рань даже самые преданные поклонники тенниса на стадион не попрутся.

Плюс, раз тебя назначили на девять утра, сразу становится понятно: организаторы в исходе матча не сомневаются. Зачем ставить на более удачное время игру, в которой не будет никакой интриги? Лидер здесь без вопросов Худяков, а он, Макс, однозначно аутсайдер. Даже судья, Макс подслушал, кому-то в телефонную трубку сказал, что ему «сейчас избиение младенцев предстоит».

Младенец – ясное дело, он, Макс. А корифей, птица большого полета, лишь случайно приземлившаяся на убогом турнире в Староивановске, его противник. Худяков.

Настолько уверенный в победе, что даже к половине девятого, когда судья уже скучал на вышке, а Макс разминал руку на подачах, он на корте не появился. И к восьми сорока пяти, когда пришло время разминки, тоже не подошел – совсем уже наглость. Пришлось Максусу с позволения судьи перекидываться мячиком с Михалычем. Не по правилам это, конечно, и на любом другом турнире игру с тренером в преддверии матча мигом бы пресекли, но на фьючерсах порядки либеральные. К тому же что оставалось делать? Матч при любом раскладе должен начаться в девять ноль-ноль, но не выходить же на игру совсем без разминки?

«А может, Худяков вообще не придет?» – мелькнула спасительная мысль у Макса. Вот было бы здорово! Тогда победа ему присуждается автоматически, а в следующем круге, он знал, соперник планируется самый заурядный.

Но тут – часы уже показывали без пяти девять – Худяков и появился. Равнодушно выслушал замечание судьи, – почему, мол, на разминку опаздываешь? – но оправдываться не стал, лишь плечом дернул. Всем своим видом показывал, что с таким противником ему не то что разминка – ракетка не нужна.

«Подумаешь, звезда! – пытался убедить себя Макс. – Номер девятьсот девяностый в мировом рейтинге! Плевать я хотел на его выходки!»

Однако, когда он подходил к сетке здороваться с соперником и бросать монетку, чувствовал, что ноги дрожат, а в животе трепыхается противная невесомость. Да, блин. Нервишки ни к черту. С таким настроением не то что у Худякова, у сестры Машки не выиграешь. Только бы еще голос не дрожал!

– Привет, – обратился он к Худякову.

– Привет, молекула! – презрительно ответил соперник.

То, что рядом стоит судья, его нимало не смутило.

Макс удивленно заметил: руки Худякова подрагивают. С чего бы? Неужели тоже волнуется? Да нет, не может быть.

Судья бросил монетку, она шлепнулась на сторону Худякова. Тот наклонился поднимать – и вдруг не удержал равновесие, покачнулся...

«Да что это с ним?» – совсем уж растерялся Макс.

И вдруг почувствовал: от соперника ощутимо потягивает спиртным! Не свежачком, конечно, но несет будь здоров. Классический утренний запах перегара, какой остается наутро после ну о-очень бурной ночи.

«Он с ума сошел!» – мелькнула быстрая мысль. А потом накатила неумемная радость.

Потому что сам Макс – единственный, правда, раз – пробовал играть в теннис с жестокого похмелья и помнил свое тогдашнее состояние. То, что прихватывает сердце и стучит в ушах, – ерунда. Главное, что у игрока, если он накануне крепко выпил, не получается решительно ничего. Поддачи – в сетку, удары – в аут. И даже Худякову, со всем его опытом, спяну ловить будет нечего.

«Ай да повезло! – возликовал Макс. – Неужели Николай Угодник мне помог? Или дедовский вазончик?! Впрочем, главное – не расслабляться. Биться как с трезвым, как в последний раз!..»

И Макс – право подавать первым Худяков предоставил ему – сосредоточенно отправился в угол корта. Рискнем первую сильненько? Не попаду – так хоть напугаю?

Он от души, в прыжке, пробил по мячу.

– Аут, – провозгласил судья.

Аут явно был крошечным, спорным – то ли есть, то ли нет. Сопернику в такой ситуации надеяться на удачу нельзя, мяч в любом случае надо отбивать. Но Худяков – ура! – даже не дернулся.

Тогда Макс рискнул и вторую подать так же сильно. И снова, хотя в этот раз мяч попал, Худяков даже не шевельнулся. Не успел с бодуна-то сориентироваться, в какую точку квадрата шарик попадет. А что вы хотели? Это ведь не игра любителей, когда мячик по воздуху еле ползет, – в профессиональном теннисе скорости куда круче. Когда подача сильная, в лучшем случае размытое пятно вместо шарика разглядишь. Или вовсе очнешься, только когда он о землю ударится, а это слишком поздно, в этом случае отбить не успеешь никак...

– Пятнадцать – ноль, – объявил судья.

– Щас я вам устрою... избиение младенцев, – пробормотал Макс, переходя в левый угол корта.

Спасибо тебе, судьба!

– Ну, Макс, не ожидал!

Михалыч удивленно заглядывает в глаза, хлопает по плечу, трясет руку.

– Самого Худякова разделал! Под ноль!

– А я вам что говорил... – слабо улыбается уставший Макс. – Рано вы билеты до Москвы взяли!

– Ничего! Сдам! – счастливо улыбается в ответ тренер. – Нет, ну мы молодцы, а?!

«Ты-то здесь при чем?» – мелькает у спортсмена. Впрочем, он так выдохся, так перенервничал, что вступать сейчас в дискуссию нет никакого желания.

– Вышел в четвертьфинал! Уже неплохо! – продолжает ликовать Михалыч. – А там тебя всего-навсего Кязимов ждет, подумаешь, фигура!

Макс и без Михалыча знает: Кязимов – игрок самый заурядный. Всего понемногу: средненькая подача, серенькие удары, правда, у сетки неплох, но в мужском теннисе это достоинство сомнительное.

– Главное, Макс, не сломайся! – напутствует тренер. – И не вздумай сегодняшний успех отмечать! Чтоб ни грамма, понял?!

– Да что я, дурак? – бурчит Макс.

Не то чтобы он такой правильной, но Худяков сегодня наглядно продемонстрировал, каково это – играть на турнире с похмелья.

– А вечером, к восемнадцати, в спорткомплекс приходи, – продолжает вещать тренер. – Покидаемся часок. Разомнемся.

Ага, зашевелился Михалыч. Вчера-то, накануне встречи с явным фаворитом, он и в голове не имел помочь ученику, подсказать, посоветовать... А сейчас, после неожиданной победы, ишь как возбуждился!

– Да куда еще разминаться, я вообще без сил... – слабо возражает Макс. – Я лучше на массаж...

– Какой тебе массаж, ты не на Уимблдоне, – суровеев тренер. – Чтобы к шести был тут, с формой, как штык!

Что ж, до шести еще есть время. И поваляться в номере, и прогуляться по городу, и даже напрячь Николая Угодника еще одной просьбой. И пусть святой не тратит силы на какого-то Кязимова – нужно попросить, чтобы он сразу Максудачу в финале послал!

«Эх, надо было еще с собой для полной гарантии дедовскую железяку взять!» – весело думает Макс.

Настроение у него просто шикарное. Макс уверен: он самый великий, самый удачливый, самый талантливый! И все получится – зашибись!

...Но только и хорошее настроение, и удача небезграничны. И когда в шесть вечера они с Михалычем встречаются на корте, на Макса будто ступор нападает. Теперь он, хотя и не пил, играет хуже поддатого Худякова. Мячи, как заколдованные, кучно ложатся за пределами корта. Михалыч злится, собравшаяся посмотреть на тренировку *мастера* ребятня из местной теннисной школы подленько хихикает... Солидный мужчина на трибуне, по виду похожий на теннисного агента, смотрит разочарованно.

Наконец тренер досадливо бросает ракетку и выносит вердикт:

– М-да. С такой игрой тебе не то что против Кязимова, против любителя ничего не светит.

«Вот это поддержал! Вот это помог накануне четвертьфинала!» – бесится Макс.

Но бесится про себя, не хватало еще ему сейчас с тренером поссориться.

– Завтра все будет нормалек, – заверяет он Михалыча.

И понуро под насмешливыми взглядами юных теннисистов бредет прочь.

Теннис – штука изменчивая, тут важен только последний результат. И неважно, что утром ты разделал под орех именитого соперника, это уже забыто. Сейчас главное, что вечером ничего не удавалось. А если и завтра игра в таком же стиле пойдет?! Что, судьба над ним издевается, что ли?! Продуть Кязимову – это же будет верх несправедливости!

Макс вернулся в гостиницу, бросил в номере сумку, включил телевизор. Как назло, наткнулся на передачу, где ведущий, психолог, похожий на юного козлика, пользовал полную даму, измученную комплексами неполноценности.

– Вам и дальше будет не везти, если вы не полюбите себя! – звучало с экрана.

«А ведь я тоже совсем себя не люблю, – понимает Макс. – Подумаешь, тренировка не задалась – с кем не бывает? Забить.

Сегодняшний матч я выиграл. И завтра тоже должен выиграть. Только почему я в это совсем не верю?!»

Да уж, *настраиваться* в одиночку – Михалыч опять где-то шляется, – в пустом, казенном, пропахшем чужим потом номере у него не получается никак. И хотя на часах уже десять вечера, Макс решает пройтись. Может, сонный и скучный покой Староивановска, как и вчера, поможет ему поймать нужное настроение?

Тренер, конечно, если увидит, что подопечный в такую поздноту где-то шляется, поднимет жуткий скрип, но плевать.

Макс шустро спустился на первый этаж, воровато, бочком, проскользнул мимо рецепшен... и тут же нос к носу столкнулся с солидным, смутно знакомым мужиком.

– Добрый вечер, Максим, – вежливо поздоровался тот.

Тут молодой человек его узнал и дико смутился. Потому что именно этот хрен околачивался вечером на его тренировке. И стал свидетелем его полного позора. А тут, в гостинице, он что делает?!

– Мы с вами уже заочно знакомы, я сегодня смотрел на вашу игру... – подлил масла в огонь тип.

Макс не удержался, скривился. А мужик приветливо протянул руку и представился:

– Андрей Леонидович.

– Вы, наверно, агент, – тоскливо предположил Шадурин.

– Нет, – покачал головой мужик. – Я – теннисный психолог.

– Кто-кто? – изумился Макс.

Про то, что в теннисе существуют свои психологи, дорогостоящие и важные, он, конечно, знал, только никогда не думал, что эти небожители снисходят до какого-то фьючерса в Староивановске.

– Теннисный психолог, – повторил его новый знакомый. И проницательно заглянул ему в глаза: – Мне кажется, что сейчас вам просто необходима моя помощь.

Да что этот дядька, смеется, что ли? Всем же известно, что один сеанс психоподдержки – это минимум двести баксов. Может, Жюстинка Энин-Арденн и может себе мозгоправа позволить, только не он, не Макс.

– Вы зря волнуетесь, – тем временем бормочет Андрей Леонидович. – Я вовсе не собираюсь требовать с вас денег...

Еще хлеще.

– Хотите, чтоб я рассчитался натурой? – хмыкает Макс.

А что – мужик с виду холеный, вполне может педиком оказаться.

– Опять не угадали, – усмехается собеседник. – Не верите, что помогать можно без всякой задней мысли?

Да откуда он взялся, этот незванный благодетель? И кто дал ему право вот так, нимало не смущаясь, лезть в чужие дела?!

– Дайте мне пройти.

Макс, пытаясь расчистить дорогу, слегка двинул собеседника плечом. Но тот – вполне в духе классного теннисиста – сделал шаг в сторону, и снова оказалось, что они стоят лицом к лицу. И глаза мужика – проникновенные, вдумчивые – так и буравят Максое лицо, расслабляют, успокаивают... Гипнотизер, что ли, какой-то?

– Максим, я прошу всего лишь двадцать минут вашего времени, – не сдастся Андрей Леонидович. – Выпьем вместе по чашке чаю, а потом, как и собирались, вы пойдете один бродить по городу.

«Откуда он, интересно, знает, куда я собирался?!»

– Да что вы ко мне привязались?!

Достал уже.

Но мужик на грубость не обиделся. Пожал плечами:

– Просто я хочу, чтоб ты этот турнир выиграл. Именно ты. Такой ответ устраивает?

– Нет. Какое вам до меня дело?

– Ответить честно? Именно до тебя – никакого, – ухмыльнулся мужик. – Мне совершенно все равно: Чепиков, Худяков, Лялин, ты... Я ходил на тренировки ко всем. Но только в тебе почувствовал потенциал. Большой. Настоящий.

Приятно, конечно, только не очень верится.

– Так выпьем вместе по чашке чаю? – настаивает Андрей Леонидович.

Наверно, будет проще согласиться, чем спорить дальше.

– Выпьем, – устало кивнул Макс. – Буфет, по-моему, еще открыт.

Кязимов явился на матч с сумасшедшим настроением. Еще только на корт входил, снимал ветровку, доставал из сумки ракетку, а Макс уже почувствовал: противник хотя и середнячок, а спуску ему не даст. Сразу видно: человек и тренировался накануне в меру, и чувствует

себя прекрасно, и законные восемь часов проспал... Понял это и Михалыч. Крикнул со своей трибуны:

– Очень аккуратно, Макс!

Кязимов со своей половины корта только усмехнулся: я, мол, настроен на отчаянную борьбу... И уж с Шадуриным-то, по прозвищу *Первый Круг*, обязательно справлюсь.

Что ж. Попробуем вспомнить. Что там говорил этот вчерашний психолог?..

Никакого аутотренинга. Ни в чем себя не убеждай. Просто представь: лето. Морское побережье. Санаторий. Пахнет водорослями и сахарной ватой. Ты – обычный отдыхающий, и вышел на корт просто размяться и провести время. Твой противник – такой же курортник, как и ты. Ваша встреча не соревнование, не матч, а просто игра. Что-то типа карточного «дурачка» или домино. Выиграть, конечно, приятно, но не более того.

...А судья тем временем уже бросил монетку. Подавать первым будет Кязимов. Значит, ему, Макс, можно выбирать сторону.

– Где будете играть? – обращается к нему судья.

– Все равно, – коротко бросает Макс.

И расслабленной, как на курорте, походкой отправляется на скамейку – выпить последний перед началом игры глоток воды.

Ему, кажется, удалось. Он *действительно* ощущает, что где-то совсем рядом терпко пахнет морем, слышит, как вокруг корта шумят магнолии, и видит, что начала их игры с нетерпением ожидает стайка симпатичных, в коротюсеньких шортах, загорелых девчонок...

Если он сольет, ничего страшного не случится. Не корову проигрываем! Но насколько будет приятнее добежать до моря и окунуться в теплую, расслабляющую волну с осознанием только что одержанной победы! А на берегу его будут ждать восхищенные и на все готовые, ошалевшие от южного солнца малышки...

Кязимов подает. Хорошо. Не очень сильно, но крученую. И точно. Крепкий орешек. А Макс, позабыв и о травмированном плече, и о проблемном голеностопе, отбивает в мощном, красивом прыжке. Мяч проносится в миллиметре от линии, но все же ее задевает.

– Ноль – пятнадцать, – объявляет судья.

«Вот я и в полуфинале».

Макс целует ракетку и нежно – ах ты, моя кормилица! – возвращает ее в сумку.

С ума сойти, сенсация местного значения: Макс по прозвищу *Первый Круг* вдруг добрался аж до полуфинала!

Михалыч уже про обратные билеты и не заикается. Смотрит на подопечного чуть не с благоговением, удивленно спрашивает:

– Да что за муха тебя укусила?! Все выигрываешь и выигрываешь. Это, типа, комплимент.

– А я вам что говорил... – усмехается Макс.

Непонятно только, кого за подобный фарт благодарить. Дедову чашу? Николая Угодника? Или так кстати подвернувшегося теннисного психолога Андрея Леонидовича, который сумел дать ему нужный настрой?

– В полуфинале у тебя, правда, Лялин... – вздыхает тренер. И с надеждой взглядывает на ученика: – Но, может, ты и его? А? Вряд ли, конечно...

Да уж, Лялин – это не безликий Кязимов, и одолеть его будет непросто, тут никакой психолог не поможет. Лялин – звезда, его прочат в сменщики Сафину, Давиденко и Южному. Всего семнадцать лет, а уже в шестой сотне взрослого рейтинга. У него целых три спонсора, форму ему шьют на заказ, а по турнирам он ездит в компании целого штата. Это только у Макса в сопровождающих одинокий Михалыч, а у Лялина, плюс к тренеру, еще и личный массажист, администратор, а также инструктор по ОФП. И живет он в отдельном номере, и даже болтал вчера, что к следующему турниру личного повара себе наймет, «а то в местном кабаке икру такую подали, что отравиться можно». В общем, звезда. Все как у больших, куда до него Макс с его линиялыми футболками. Если бы вокруг фьючерса в Староивановске крутились спортивные букмекеры, однозначно бы принимали ставки сто к одному. Ясно, в чью пользу.

И какую против Лялина избирать стратегию – абсолютно неясно. Он как хамелеон – потому, наверно, и вырос в звезду. Если противник силен в подаче – Лялин офигительно действует на приеме. Если сражается с тем, кто успешен в игре на задней линии, вдруг сам прибавляет и начинает разводиться по углам так, что сдыхаешь на розыгрыше первого же очка. Когда играешь с ним импульсивно, быстро – он спокоен, как Федерер. А стараешься успокоиться сам –

Лялин вдруг превращается в пылкого Надаля и давит своей энергетикой со страшной силой... Никакая волшебная чаша против такого не поможет.

Только и остается малодушно мечтать, чтобы непобедимый Лялин, скажем, подхватил грипп и снялся с турнира. А что, погода сейчас гнилая, слякотная, и Макс, когда гулял по Староивановску, видел: полгорода чихает, вполне можно заразиться. Хотя о чем это он? Лялин наверняка сидит на всяких разрешенных, специально для него разработанных, БАДах,^[10] и иммунитет имеет, как у слона...

«Ну и ладно. Полуфинал – это тоже неплохо», – успокоил себя Макс. Постарался выбросить теннис из головы. И больше не решаясь тревожить Николая Угодника своими навязчивыми просьбами, просто весь день бродил по городу. Наблюдал, как суетится кругом народ, прислушивался к чужим разговорам и наслаждался, что уже завтра он отсюда, скорее всего, уедет... Как все вокруг скучно, как мелко! Вот один мужичок, в терханой курточке, хвалится другому, такому же обтрепанному: «Я у своей «пятеры» вчера колодки сменил». Менять тормозные колодки на стареньких «Жигулях» – ну и тоска! Нет, у него, Макса, если когда и будет *пятера*, то только БМВ, которая благополучно бегаёт без всякой смены колодок минимум до ста тысяч километров!

Сейчас, когда Макс в ранге полуфиналиста, у него и мысли больше не возникает бросить теннис, переехать в какой-нибудь Староивановск, пойти на завод и стать как все. И не в деньгах, ясный пень, дело, просто с таким бытием от скуки, как динозавр, вымрешь. Кому нужна жизнь, если за ней не наблюдает судья на вышке?.. И если череда отчаяний и эйфории, неизбежных в профессиональном теннисе, вдруг сменится для него одинаковыми, как листки отрывного календаря советских времен днями, это будет хуже смерти.

...А когда Макс, уже за полночь, вернулся в гостиницу, неожиданно оказалось, что его ждут.

Возле номера крутился вертлявый, с длинными патлами, парень, который радостно кинулся ему навстречу:

– Это вы Максим Шадурин?

Еще один, что ли, доброхот-психолог? Хотя нет, на психолога он не тянет. Слишком молодой – лет восемнадцать, не больше.

– Ну я, – буркнул Макс. – Чё надо?

– Я из газеты «Вестник Староивановска»! – бодро, будто на часах не двенадцать ночи, а рабочий полдень, отрапортовал визитер. – Хочу взять у вас интервью. Как вам нравится наш город? Довольны ли вы организацией турнира? И как вы себя чувствуете в преддверии вашего первого финала?

– Слушай, хорош прикалываться, – поморщился Макс. – Какое, на хрен, интервью в такое время?

О том, что *финал* ему явно не светит, правда, промолчал.

– Прикалываюсь? Я? – обиделся парень и сунул ему в нос хлипкое, отпечатанное на тонкой картонке удостоверение. – Вот, читай. Отдел спорта, специальный корреспондент. Сам, между прочим, в теннис играю. И с журналом «Теннис-плюс» сотрудничаю внештатно. А поздно потому, что хочу в завтрашний номер успеть, у нас он в десять утра подписывается.

Интервью у Макса еще не брали ни разу, и потому он слегка растерялся. А парень, нимало не смущаясь, продолжал болтать:

– Слушай, с Лялиным-то как получилось!.. Офигеть! Это, часом, не ты его, а?!

– А что с ним? – обалдело выдохнул Макс.

– Ты не знаешь?! – округлил глаза парень.

– Нет.

– Он же с турнира снялся! Сегодня вечером.

– Почему?!

– Да вроде чем-то траванулся... СЭС обещала завтра гостиничный ресторан проверить.

– Ты гонишь... – растерянно выдохнул Макс и почувствовал, что бледнеет.

– Святой истинный крест! – заверил парень и выудил из кармана куртки блокнот – обложка изображала Зайца и Волка из бессмертных «Ну, погоди!». – Что, повезло тебе, молодая звезда?.. Давай, рассказывай: откуда ты такой взялся?..

Финал даже такого скромного турнира, как фьючерс в Староивановске, совсем не сравнить с матчами первого круга. Тут тебе и корты, освещенные во всю мощь запыленных лампочек, и лом публики на трибунах, и местное телевидение, и судьи на линии, и даже болл-бои, а также парочка очень даже симпатичных болл-герлз в

коротких шортиках. И сердце куда жарче трепещет, чем когда выступаешь в присутствии одного лишь судьи на вышке да Михалыча на гостевой трибуне. А уж когда взглянешь на стайку девчушек в одинаковых платьицах, которые специально для тебя пускают «волну» огромными опахалами, – душа и вовсе поет. Почти Большой шлем.

А главное, на финал из Москвы прилетела Машка. Его сестрица, которая прежде о теннисе и слышать не хотела, называла Максону к нему страсть «примитивом и дурью». Но дурь не дурь, а на финал отвлеклась от всех своих важных дел, передоверила студентов коллеге и даже потратилась на самолет.

Машка – умница, на время оставила весь свой научный зудеж, сменила скучные очки на нахально голубые контактные линзы и вообще выглядит, как картинка: узкие джинсы, водолазка в обтяжку, и не скажешь, что уже старушка, весь народ ее за Максону девушку принимает и явно ему завидует. Разве можно в ее присутствии оскандалиться?

И уже не думается, что еще пару дней назад он даже о том, чтоб просто дойти до финала, и не мечтал. Сегодня Максону хочется побеждать, побеждать и еще раз побеждать, особенно на глазах пусть немноготысячной, но все-таки публики. А то, что противник – один из близнецов Лугачевых, так и пусть. Соперник, конечно, сильный, и битва с ним выйдет жаркой, но Максону сейчас, после того как дезертировал сам Лялин, сам черт не брат. Ух, может, он и правда в везучую полосу попал?! Как все вовремя происходит! И Худяков накирлялся, и психолог очень кстати подвернулся, а уж Лялин – до чего к месту откушал тухлятины!.. Теперь уж точно на турниры будет с личным поваром ездить.

Да и Михалыч наконец заработал: вчера накануне матча они весь вечер смотрели видеозаписи с играми будущего противника, разбирали по полочкам, анализировали. Тактику выбрали такую: давить. Нападать любой ценой. Забивать сильными подачами. Выманить к сетке, а потом добивать.

– У тебя все получится. Я знаю, – заглядывает ему в глаза Михалыч.

И Максону кажется, что и в его взгляде проглядывает не только восхищение успехами подопечного, но и почему-то страх. Боится, что ли, перспективного игрока потерять?

И еще очень важно: позорная кличка *Макс Первый Круг*, почил в бозе, как сказала бы начитанная Машка. И теперь на него не только смотрят с уважением, но и боятся. Даже сам Лугачев, наглый, как и все успешные теннисисты, тоже боится. Когда здоровались перед матчем – взглянул затравленно, будто против него сам Борис Беккер вышел.

В общем, все сложилось один к одному, а когда теннисист на подъеме – это страшная сила.

...И Макс, купаясь в подобострастии болл-боев и наслаждаясь радостными криками сестрицы Машки, матч против Лугачева не без труда, но выиграл.

А потом, давая интервью местной телестанции и подписывая изрядное количество теннисных мячиков, которые протягивали ему жаждущие получить автограф малыши, радостно думал: «Неужели дед со своей дурацкой чашей не наврал?!»

Маша

«Великолепен и дерзок» – это о моем брате.

«Великолепен и дерзок» – слова, разумеется, не мои, у меня на каждый случай из жизни в голове острой молнией вспыхивает цитата. Эта – из «Трех мушкетеров», если напрягусь, то даже вспомню страницу. Так Дюма описывал Портоса, когда тому везло выиграть в кости.

Макс после победы на своем фьючерсе (что за дурацкое слово – впрочем, разве могли теннисисты, профессиональные спортсмены, придумать что-нибудь покруче?!) откровенно воспрянул и обнаглел. Я и не думала, что мой скромный, хорошо воспитанный братец способен на надменные взгляды, снисходительность в тоне, напускную усталость... Будто Уимблдон отхватил, право слово! Командует направо и налево, словно Бьёрн Борг какой. Сегодня утром вообще выдал:

– Давай, Машутка, чайку мне сооруди!

Так и подмывало ответить, что никаких Машуток у нас на кухне нет, только Мария Климентовна.

Но «опускать» брата я, конечно, не стала. Родная кровь, и мальчик еще, на целых двенадцать лет младше. Пусть уж немного

попетушится, порадуется. Ему так долго не везло!..

Я покорно, словно заправская подруга успешного теннисиста, заварила ему чай, достала из холодильника низкокалорийную творожную пасту, намазала на хлебец...

– Не буду я эту дрянь! – скривился вошедший в раж Макс. – Лучше тортик достань!

Вот она, молодежь. Чуть крошечный успех – и уже наглеют.

– Торт тебе нельзя, – отрезала я. – И, пожалуйста, не командуй.

– Злая ты, – поморщился брат. – А я-то тебе такую *жесть* хотел предложить!

Со словом *жесть* я, несмотря на свои преклонные годы, знакома: мои студенты его употребляют без разбору. Пятерка по предмету – жесть, и лысина у декана – жесть, и суши с икрой летучей рыбы – тоже. Переводя на наш старческий язык – что-то клевое.

– Да что ты мне можешь предложить... – буркнула я.

За окном-то январь, темень, бесконечный мокрый снег, солнца сегодня, как и всю прошедшую неделю, опять не дождешься. На работу не хочется... И вообще: надоело все до смерти.

– Попроси ЕЁ, чтобы перца тебе послала! – вдруг бухнул брат.

И триумфально, будто какую сентенцию выдал, уставился на меня.

– Что ты несешь! – напустилась я на Макса. – Кого «её»? И какого еще «перца»?!

– Тупая ты, хотя и кандидат наук, – совсем потерял стыд братишка. – Она – в смысле дедовский подарочек. Чаша наша дурацкая. А перец – это хрен, ну, то есть мужик. Половой, типа, партнер. Чему, интересно, ты своих студентов учишь, если таких элементарных вещей не знаешь?!

Дожили. Теперь и младший брат будет пенять, что у меня полового партнера нет. Что у нас за страна такая! Только в России, если старше двадцати пяти и еще не замужем, сразу в неудачницы записывают.

– Иди ты, Макс, лесом со своими советами! – Я мигом забыла, и что на жаргоне принципиально не выражаюсь, и что орать на младшего брата – это по меньшей мере непедagogично. – Нет бы ракеткой стучать, раз ни на что больше не способен, а он взрослым людям советовать взялся. Задолбали вы меня все!

Выпустила пар – и тихо закончила:

– Извини.

– Это ты меня извини, – великодушно отвечивал Макс. И жалобно добавил: – Я ведь как лучше хотел...

Совсем еще ребенок.

И я – надо же радовать *малышей!* – все-таки отрезала ему крошечный кусочек торта.

А потом проводила братишку на очередную тренировку, захлопнула за ним дверь, вернулась в кухню и глубоко задумалась.

Может, Макс прав? И мне действительно попросить дедовское сокровище об одолжении?! Мистика, конечно, но Макс-то он реально помог. Брат ведь турниров тридцать за свою жизнь уже играл и каждый раз возвращался с них убитый, с опущенными плечами. А тут бросился перед чашей на колени – и мигом выиграл, да и еще, как он с придыханием восклицал, у именитых соперников – разных Кязимовых и Лугачевых...

Но, конечно, никаких мужиков я у *волшебной палочки* спрашивать не буду. Много чести для этих козлов – перцев – хренов. А вот попросить, чтобы чаша помогла мне в другом...

Дело в том, что у меня сейчас очередной виток американской эпопеи. Никак не потеряю я надежды уехать в Штаты. И быть там не женой, не горничной и не эмигранткой, а тем, кто я есть. Литературоведом.

...Еще в прошлом году добрые штатовцы объявили для нас, россиян, общенациональный конкурс – победители едут на учебу в их высокотехнологичную страну. Зачем американцам это надо – бог весть. Сами они декларируют, что таким образом помогают неразвитым странам. Я считаю, что они хотят оттянуть из России наиболее талантливую молодежь. А мой злой на язык папа и вовсе утверждает, что всех победителей завербует ЦРУ. Но, как бы то ни было, условия американцы предлагают райские: два года в университете, причем выбрать его предлагают самому, возможность получить степень магистра, бесплатные учебники, общага, да еще и стипендия... В общем, настоящий рай.

Только за немислимые блага еще нужно повоевать. Во-первых, требуется собрать целую гору бумажек – от медицинской справки и копий дипломов до характеристик с места учебы и работы. Во-вторых,

сдать два очень сложных экзамена – оба на английском. И в-третьих, пройти собеседование с целой комиссией из вьедливых американских преподавателей.

В прошлом году я все эти круги прошла. Первый тур, конкурс документов, успешно миновала. Второй, экзамены, сдала – не на высший, конечно, балл, но более-менее. А в третьем, на собеседовании, меня зарубили. Председателем комиссии оказалась отвратительная, с обгрызенными ногтями, дама лет сорока. Она засыпала меня странными, совсем не из области литературоведения, вопросами: «Почему вы не любите Россию? Чем вас не устраивает учеба и работа в своей стране?» И даже: «Когда вы приедете в США, собираетесь ли вы вступать в близкие отношения с американскими мужчинами?»

А я, нет бы молчать в тряпочку и поливать грязью родные березки, не придумала ничего лучшего, как вступить за честь страны. Как вспоминаю сейчас, несла я редкостный бред – целый монолог прочла на тему наших успехов в балете и достижениях в освоении космоса... И апофеозом: «Мы вашу Америку еще обгоним и перегоним!»

Ну не дура? По крайней мере, члены комиссии во главе с противной председательшей смотрели на меня, как на блаженную. И, как я подглядела, в отзыве на меня написали: *«Вспыльчива, легко поддается на провокации»*.

Я только потом поняла: тетка меня, наверно, специально дразнила. Что-то вроде теста на стрессоустойчивость устраивала. А я его успешно провалила... Как еще, дура, осмеливалась мечтать, чтоб агентом 007 работать?!

Поэтому все оказалось зря – и то, что я характеристики у преподавателей вымаливала, и то, что ночами зубрила забытую со школы математику... (Кроме шуток: без алгебры с геометрией экзамен GRE не сдашь. В Америке математикой поверяют общий уровень образования и умение логически мыслить.)

Но просто признавать свое поражение и отказываться от «американской мечты» я не стала – не тот характер. (Брат Макс, который монотонно пытал удачу в турнире за турниром, – в меня.)

И в этом году я снова прошла полный круг бумажной волокиты... опять получила приглашение на экзамены – и их сдала еще лучше, чем

в прошлом. А теперь дико волнуюсь перед собеседованием, которое назначено на послезавтра.

Что меня ждет на этот раз? Давешняя провокация: «Почему вы не любите свою страну?» Если так – хорошо, теперь они меня не разозлят, отвечу им сдержанно и корректно. Но американцы – они ведь иезуиты и наверняка придумают для меня новую пытку. Например, попросят перечислить всех подряд американских президентов. Или придерутся, что у меня зрение минус пять. Или к тому, что водительских прав нет...

Сестра Ася – в последние годы она стала скептиком – вообще уверяет, что итоговый отбор победителей происходит по благу: «Поэтому как ни готовься, Маш, а все равно завалят».

Но мне довольно сложно представить, что надменные американцы, воровато оглядываясь по сторонам, принимают взятки у соискателей из России, поэтому я все-таки мечтаю, что уж теперь я собеседование пройду. Чем я не кандидат для бесплатной учебы в Штатах? Красавица, умница, красный диплом, кандидат наук, девять публикаций в научных журналах. К тому же после прошлогодней неудачи я стала сдержанная и корректная, словно снулая рыба. Что еще америкашкам надо? Но для страховки, может, и правда попросить помощи у дедовского сокровища?

«Эх, видели бы меня сейчас мои студенты».

Я прошла в гостиную. Осторожно щелкнула дверцей серванта, извлекла чашу, водрузила на пол. Опустилась рядом. И в стиле последней двоечницы начала:

– Это, ну...

В горле отчего-то пересохло, слова попрыгались. Я-то думала дурака повалить, но вдруг разволновалась не на шутку. Может, это чаша так влияет? Раз она волшебная, значит, у нее какая-то особая энергетика?

«Ну и чушь в голову лезет. Какое, на самом деле, может быть волшебство?! После того, как она тогда нас с Никиткиной болезнью подставила?! А у Макса с его турниром все случайно вышло».

И я сухо произнесла:

– Хочу послезавтра на собеседовании с американцами произвести на них хорошее впечатление. Чтобы они, вся комиссия, в меня просто влюбились. И пригласили учиться в Штаты. О'кей?

С легкой тревогой оглянулась: не разверзнутся ли сейчас стены? Не вылезет ли из какой-нибудь щелки огромный джинн?! Или хотя бы не озарится ли дедов подарок пресловутым свечением?!

Но абсолютно ничего фантастического не произошло – ни в квартире, ни, что обиднее, в душе. Ни единого озарения – ни о чем меня послезавтра будут спрашивать, ни как себя вести.

Что я, в самом деле, дурака валяю?

– Железка ты, а не волшебная чаша, – вырвалось у меня.

Неужели я всерьез могла поверить, что старая вещица способна влиять на события? И тем более – управлять ими?!

Я пожала плечами. Встала с пола, подняла дедов подарок, вернула его в сервант. В голове промелькнуло: «А ведь я неправильно с ним беседовала. Дед, помнится, говорил, что его просить надо, а не требовать... А Макс перед ним вообще на коленях стоял...»

Но не падать, в самом деле, ниц перед неодушевленным предметом!

Нет в жизни никаких чудес. А собеседование – пройдет как пройдет.

Ася

Никитка опять не спал всю ночь, и уже не хватало никакой материнской любви, чтобы это вынести. Девять часов вечера, десять, полночь, час ночи, два, а малыш все плачет и плачет. Сучит ножками, запрокидывает головку, яростно, будто защищаясь, царапается крохотными ноготками...

«Я не выдержу. Я просто сойду с ума», – устало думала Ася.

А отец, Мишка, и вовсе взбеленился: часов в пять утра ворвался в детскую, где она бесконечно, из угла в угол, таскала малыша, в тысячный раз напевая «придет серенький волчок». И закричал, что ему, Мишке, через два часа вставать на работу, а ребенок орет, не переставая, и где это видано, что мать никак не может его успокоить.

– А что я могу сделать? – пролепетала Ася. – У него зубки, наверно, режутся...

– У тебя *всегда* что-то происходит, – пригвоздил ее муж. – То зубки, то колики, то понос, то золотуха.

– Почему у меня? – вступила в бессмысленный спор Ася. – У него. У Никитки.

– Нет, именно у тебя, – саркастически произнес Миша. – Потому что я разговаривал на работе... У всех есть дети. И все матери с ними как-то справляются или справлялись. Только у нас дурдом. Никак не можешь ребенка угомонить.

– Угомони сам.

Ася протянула ему зареванного Никиту.

Отец принял сына, посадил на колени, строго сказал:

– Значит, так, парень. Время позднее, пора спать. Ну-ка быстро прекратил плакать.

Никитка и правда перестал реветь, заворожено уставился на папу, но спустя минуту разразился еще более горькими слезами.

– Я говорю тебе: у него болит что-то, – расстроено сказала мужу Ася. – Его лечить надо.

Мишка раздраженно снял сына с колен, переместил его в кроватку, вызвав новую порцию рыданий, и рявкнул:

– Тогда выясни, что у него болит! И вылечи! Чем ты вообще занимаешься?! Зачем постоянно на врачей деньги клянчишь, все аптеки скупаешь, если толку все равно никакого нет?!

Никитка испуганно посмотрел на разъяренного папу и положил ладошки на глаза: спрятался.

А Ася выхватила малыша из кроватки, прижала к себе и напустилась на мужа:

– Не смей кричать при ребенке!

Ей было жаль и Никитку, но – она ничего не могла поделать – и себя тоже. Когда почти год спишь урывками, в редких паузах между детским плачем, да еще готовишь еду, убираешь в квартире, стираешь, гладишь, ходишь по магазинам, а тебя еще и обвиняют, что ты мать никуда не годная!.. Права сестра Машка: все мужики козлы.

– Раз все равно не помогаешь – иди и спи! И нечего тут командовать, не на работе! – цыкнула на Мишку Ася.

Муж закатил глаза:

– Как я могу спать, если он беспрерывно орет?!

Она устало опустила вместе с хныкающим Никиткой в кресло.

Обычно Ася старалась не нервировать мужа – у него ответственный пост, плюс на работе не все ладится, но сегодня не

выдержала. Прошипела:

– Тоже мне, отец, блин! Хоть бы одну ночь с ребенком посидел!

– А кто тогда работать будет? Вас с Никитой кормить?! – возмутился муж.

Да уж, ей крыть нечем. Мишка действительно платит за все, а Никитке сейчас нужно многое: лекарства, подгузники, соки, специальное детское печенье, и одежды на нем словно горят...

– Извини, Миш, – пошла на попятный Ася. – Иди поспи. Никитка уже сам устал плакать, он сейчас перестанет, правда, маленький?..

Муж, буркнув на прощание что-то неласковое, ушел в спальню. А Ася еще долго сидела в детской, прижимала к себе наконец уснувшего Никитку. Малыш спал тревожно – постанывал, вздрагивал, сжимал и разжимал кулачки.

Можно было, конечно, попробовать лечь на диван, не выпуская из рук сонного малыша. Но Никитка тогда наверняка проснется, и плач пойдет по новой. Да и все равно ей самой сейчас, после ссоры с мужем, не уснуть.

Ася сидела, смотрела в окно, машинально поглаживала Никитку по теплой головке, осторожно перебирала чуть вспотевшие волосики... За окном – кромешная тьма, зима, новый день разгорится еще не скоро и – к гадалке не ходи – опять будет наполнен детским плачем и бесконечной готовкой, уборкой, стиркой... Ну и жизнь!

«Хорошо, что хоть Макс у повезло с этим турниром!» – вдруг мелькнуло у нее.

Младшего брата Ася любила горячо и искренне.

И неожиданно в голове пронеслось: «А вдруг эта ерунда, что он рассказывал про дедов подарок, – вовсе и не ерунда? Вдруг чаша и правда желания исполняет, а тогда, с Никиткиной болезнью в Краснодаре, у нее просто не получилось? Может, мне тоже у нее что-нибудь попросить?»

Маша

Волшебство не волшебство, а сон сегодня мне приснился пророческий. Привиделось, ясное дело, завтрашнее собеседование. Комиссия – во главе ее та же, что и в прошлом году, вредная тетка,

нервная толпа соискателей под дверью... Народ волнуется жутко, смолит одну за одной сигареты, будто не знают, что озабоченных здоровым образом жизни американцев от запаха табака воротит. А одна особо истеричная особь дрожащими пальцами перелистывает англо-русский словарь – самое, конечно, время и место расширять словарный запас.

И только я – во сне – совершенно не паникую. Подхожу к заветной двери, вся такая самодостаточная, в строгом костюме, с дорогим портфелем и сосредоточенным взглядом, в руках оправленный в натуральную кожу еженедельник... И слышу за спиной завистливое: «Ну, эту точно возьмут».

А потом просыпаюсь с ощущением счастья. Неужели все же удалось завоевать эту крепость?!

Впрочем, я себя тут же охолодила: никакая крепость пока не взята. И вообще, нет хуже накануне важных событий видеть столь жизнеутверждающие сны. У меня в жизни все наоборот: если снится провал, то наяву будет победа. А если что-то счастливое – проиграешь. Сколько раз так уже было.

Но сегодня, может быть, через сны дедов артефакт начал работать?! И дает мне подсказку, как завтра выглядеть и как себя вести?! Я-то как раз собиралась одеться на собеседование очень демократично, в американском стиле – джинсы, свитер, старенькие ботиночки. И держаться скромно, глазки долу. А мне-то совет совсем другой дают... Или не дают? Или я все придумала?.. Да уж – только свяжись с волшебством, голову сломать можно.

Я задумчиво выбралась из постели – до чего же мерзко просыпаться, когда за окном чернильная тьма, – и поплелась на кухню. Макс был уже там, прихлебывал чай, готовился к утренней пробежке. Ну чем не герой?

Брат увидел меня, и его лицо тут же озарилось лукавой улыбкой.

– Ну?! – вместо «доброе утра» выпалил он.

– Что «ну»? – не поняла я.

– Попросила?

– О чем ты? – нахмурилась я.

– Да ладно, не копти! Я видел: чашу трогали!

– Не копти?! Макс, сколько раз я тебе говорила... – машинально начала я.

Брат нахально перебил:

– ...И еще попроси ее, чтоб от занудства тебя избавила!

Взвисься, что ли? Отчитать, чтоб только пух с перьями летели? Можно, конечно, только у Макса и без того вид ленивый, слепому понятно: изо всех сил ищет предлог, чтобы утренней пробежкой манкировать. И если я возьмусь его воспитывать, он точно заявит, что я сбила ему весь настрой, и отправится обратно в постель. Поэтому не будем связываться.

Я молча налила себе кофе, взяла из холодильника сыр, села за стол.

– Ты чего это такая тихенькая? – подозрительно поинтересовался брат.

И у меня вдруг вырвалось:

– А скажи, Макс... Тебе перед тем турниром, который ты выиграл, вещих снов не было?

– Значит, точно чашу просила! – с видом победителя изрек он. – Кого заказала? Блондина, брюнета?..

Вот хамло.

– Отвечай на вопрос! – отрезала я. – А комментировать не надо.

– Ох, училка!.. Ох, злыдня!..

– Макс!

– Ладно, ладно. Скажу. Снилось. Как я турнир выигрываю и потом, прямо на корте, из кубка шампанское пью. Мне даже вкус запомнился – кисленькое такое, типа «Вдовы Клико».

Я не стала спрашивать, когда и где брат успел попробовать «Вдову Клико». Пробормотала:

– Вот оно как...

– Впрочем, про шампанское не сбылось, – продолжал болтать брат. – Не тот уровень, на фьючерсах победителям не наливают. К тому же этот их кубок сплошной отстой. Дешевка. Щелей немерено, какое уж тут шампанское... Маш, ну скажи: а что ты у него попросила? Мужика, да?!

Нет, Макс все-таки несносен.

– Слушай, шел бы ты... бегать, – строго сказала я.

– А на фиг? – фыркнул брат. – Я лучше еще разок на колени встану. Попрошу у дедовой чаши, чтоб я теперь всегда выигрывал. На всех турнирах. И без всякой беготни.

– Думаешь, все так просто? Дед же говорил, не помнишь, что ли?!

– Ох, да пошутил я!

Макс неохотно встал. Медленно, словно на заклятие, поплелся в коридор. Печально зашнуровал кроссовки. Еще тоскливее, еле шевеля руками, нацепил куртку. Пожаловался:

– Скользко там. И холодно.

Да уж. Я бы ни за какие коврижки сейчас кросс не побежала. Впрочем, каждому свое. Макс – бегать и выигрывать турниры. А мне – заниматься наукой и готовиться к поездке в Америку.

Надо только, коль скоро дедовский подарок вещицы сны посылает, все подсказки с точностью выполнить.

Деловой костюм у меня есть, кожаный портфель возьму у кого-нибудь напрокат, ежедневник куплю. Ну а процветающий вид – потренирую.

Ася

Ася никогда не задумывалась над тем, кто в их семье главный. Мишка – он, конечно, зарабатывает, и вообще с мужчиной дома спокойнее. Но, скромно говоря, она и сама не чушка. Внешность в порядке, образование есть, сын хоть и канючка, а ребенок замечательный... Но в последнее время Мишка взялся упрекать ее: ты, мол, постоянно делаешь глупости. Не умеешь копить деньги, не можешь сладить с Никиткой и даже постоянно пересаливаешь пищу. К тому же многие женщины, уверял муж, в декретном отпуске подрабатывают: берут перепечатку на компьютере или шьют на продажу. И сколько Ася ни объясняла, что после постоянных бессонных ночей она и с хозяйством-то еле справляется, Мишка все за свое: у других мам и дом чистотой сияет, и разносолы каждый день, и на карманные расходы они себе сами зарабатывают.

А где он таких мам видел, если все время на работе?

И потом: когда тебя постоянно шпыняют, как-то совсем не хочется *исправляться*. Наоборот, тянет на еще большие глупости. Например: взять Никитку в охапку и уехать с бывшими однокурсниками на Селигер, туда многие даже совсем грудных детей берут. И пусть Мишка себе сам готовит.

На столь явный бунт Ася, конечно, не решилась. Но вот смотаться на родительскую квартиру – всего-то пять остановок на метро! – это запросто. Тем более что накануне муж строго-настрого велел:

– Дома сиди неотлучно, а то в Москве страшный грипп, его даже антибиотики четвертого поколения не берут.

И ни слова о том, кто тогда пойдет за продуктами, в аптеку и в сберкассу. И вообще: это ведь совсем с ума сойдешь, если сутками в квартире сидеть!

К тому же Ася – ей даже самой себе стыдно было признаться – окончательно впала в детство. Никак не могла выкинуть из головы дедовский подарок. Вступило в голову: вдруг он и правда ей поможет?..

«Тебе уже двадцать четыре года! – разубеждала она себя. – Какие в этом возрасте могут быть сказки? Волшебная палочка, чудо-чаша – да сейчас даже дети в подобную ерунду не верят! А то, что брату на турнире повезло, – обычное совпадение. Или, что скорее, самовнушение. Макс думал, что ему чаша помогает, а на самом деле просто его время пришло, не зря же он столько лет тренируется как сумасшедший...»

Но все-таки, когда ты в декрете и постоянно поешь ребенку глупейшие детские песенки, слегка тупеешь и сама. И начинаешь почти искренне верить в сказки и волшебные палочки.

«В конце концов, что я теряю? Ну, потрачу три часа времени. Выпью чашечку кофе в родной квартире, поваляюсь на своей бывшей кровати. И Никитку развлеку, а то он в своем манеже совсем зачах, даже обои уже не обдирает – видно, надоело...»

– Мы идем гу-лять, – сообщила она сыну.

Распихала по карманам дубленки соски, бутылочку с водой и, какие поместились, игрушки. Утеплела Никитку. Помазала ему под носом оксолиновой мазью – вряд ли, конечно, это поможет, но все-таки... Посадила малыша в сумку-кенгуру. И отправилась в путешествие.

Пока шла к метро, думала: как изменилась ее жизнь! Ведь раньше, до замужества и декрета, она постоянно куда-то ездила. В дома отдыха, на дачи к друзьям, на море, на экскурсии. И еще переживала, что никак не удастся на заграничную поездку накопить. А что сейчас? Выйти в ближайшую аптеку – событие. Сходить в продуктовый

магазин – развлечение. А выбраться в родительскую квартиру – и вовсе праздник. Тем более что Никитка в своей кенгуриной сумке ведет себя идеально: не вопит, ногами не дрыгает, только головой из стороны в сторону вертит, и в глазах столько любопытства! Какая-то проходящая мимо бабка остановилась, начала с ним сюсюкать – какой, мол, замечательный мальчик! – а Никитка ее за нос схватил, пришлось отцеплять и долго извиняться. Прав, видно, Мишка: плохо она сына воспитывает. Можно только догадываться, какой разгром он в родительской квартире устроит! А никого, кто мог бы помочь, ни родителей, ни Маши с Максом, дома нет, Ася специально такое время выбрала, когда никого не будет, а то стыдно при народе в хороводе волшебной палочке желания загадывать...

Но Никитка, на удивление, громить родительскую квартиру не стал – удалось откупиться папиным глобусом и маминым набором фломастеров. Пока сын, высунув кончик языка, упоенно украшал территорию Китая красными зигзагами, Ася заварила себе кофе и вытащила из серванта дедову чашу.

Ничего, если присмотреться, в ней волшебного нет – обычная железка, довольно пыльная, но с чьими-то отпечатками пальцев, Макса, наверно. Только умирающая от монотонности жизни молодая мама и может на полном серьезе верить, что подобная вещица способна исполнять желания. Тем более столь невыполнимые.

Но раз уж она приехала...

– Милая чаша, – серьезно сказала Ася. – Сделай, пожалуйста, так, чтобы Никитка перестал постоянно плакать ночами. Я понимаю, конечно, что все маленькие дети капризные, но у меня просто сил больше нет. Ведь ему уже девять месяцев, а я еще ни разу дольше двух часов подряд не спала. За что такое наказание?! Меня уже ничто не радует: ни муж, ни солнце за окном, ничего...

Она с удивлением почувствовала, как в ее голосе зазвенели слезы. Никитка, чуткий мальчик, тут же бросил глобус и, громко стуча ладонями и коленками по паркету, стремглав пополз к маме. Ткнулся, как щеночек, носом в ногу, заскулил...

Ася подхватила сына на руки, прижала к себе, поцеловала в макушку. От Никитки пахло молоком и морозцем, и такой он был трогательный, перемазанный фломастерами, лупоглазенький...

– Наказание ты мое! – расхохоталась Ася, прижимая к себе сына еще крепче.

Равнодушно, одной рукой, подняла с пола дедов подарок и засунула его в сервант. Хватит, развлеклась. Невозможно же думать всерьез, что чаша ей поможет.

Маша

На собеседование я приехала одной из последних, к пяти вечера. Перед дверью, ведущей в *американскую мечту*, все оказалось точно как в моем сне. Прохаживались запуганные, пропахшие табаком от бесконечных перекуров соискатели. И даже девица с англо-русским словарем имела, перелистывала страницы, лихорадочно бормотала себе под нос: «Консолидация, консолидация... как это будет?...»

– Consolidation, – ехидно подсказала я.

И грешным делом подумала: «Эх, если б все мои конкуренты оказались такими простушками!»

Весь день накануне и половину дня сегодняшнего я старательно создавала себе имидж преуспевающей дамы и отрабатывала уверенный вид. Позвонила парочке однокурсниц из числа новоявленных бизнес-леди и арендовала у них дорогую, с золотым пером, ручку и даже еженедельник с изысканной монограммой – только странички в него свои вставила. Накрахмалила блузку, нагладила костюм, отполировала туфли – не в сапожищах же, они у меня из серии «Прощай, молодость!» – на собеседование являться!

Посетила дорогуший салон и с дрожью в сердце выложила изрядную сумму на прическу и маникюр (от педикюра, который мне навязывала администраторша, решительно отказалась: его американцы не увидят). Ну, а уверенный вид особо и тренировать не пришлось: я все-таки преподаватель. Умею, если нужно, прикинуться настоящей стервой.

И теперь с удовольствием ловила на себе завистливые взгляды. Что приятно, ими меня одаривали не только прочие соискатели, но и секретарша, из американок, которая то и дело выскакивала из аудитории и, ужасно коверкая фамилии, вызывала на ковер очередную жертву.

...Моя очередь подошла только к шести. Самоуверенности к этому времени у меня слегка поубавилось, потому как несколько девчонок после собеседования вышли в слезах, да и панические настроения коллег по очереди достигли своего пика.

Но когда я услышала свою фамилию, спину не ссутулила. И в аудиторию вплыла королевой: походка от бедра, кожаный портфель нежно ласкает юбку из чистой шерсти, десятисантиметровые каблуки лихо цокают по паркету...

С удовольствием увидела: во главе комиссии восседает не противная тетка, как в прошлом году, а вполне элегантный – совсем не по-американски! – мужчина. Лет сорок пять, ухоженная бородка, и даже, кажется, ногти покрыты бесцветным лаком. Мы бы шикарно, абсолютно в одном стиле, смотрелись рядом. Известный профессор и талантливая ассистентка. Ура, со своим имиджем я, кажется, угадала!

И вопрос мужчина – он представился Николасом Бейли – тоже задал абсолютно человеческий, совсем не чета тем помоям, что выливали на меня прошлогодняя комиссия:

– Скажите, Masha, каковы ваши научные интересы?

Сказка. Когда вчера я тренировалась перед зеркалом «в уверенном виде» – именно на этот вопрос и отвечала. Следила за мимикой, подбирала наиболее емкие и выигрышные фразы...

Сегодня оставалось только повторить.

Я рассказала про свою диссертацию, про спецсеминары, что веду на нашей кафедре, прорисовала пунктиром, чем собираюсь заниматься в Америке...

Мой вдохновенный, минут на десять, монолог американцев явно впечатлил. Профессор – или кто он там – Бейли ласково кивал головой, прочие члены комиссии тоже слушали с интересом. Только секретарша, особа моих лет, облаченная в бесформенные джинсы и вся в мелких прыщиках, поглядывала сердито. До чего же приятно, когда тебе жители преуспевающих стран завидуют!

– Что ж, исчерпывающе, – похвалил господин Бейли, когда я наконец выдохлась. – Ваши научные изыскания, безусловно, будут очень интересны самому широкому кругу людей.

Его подчиненные верноподданнически закивали головами, а профессор задал новый вопрос:

– Напомните, с какими результатами вы сдали экзамены...

– GRE – 710,^[11] TOEFL – 270,^[12] – отбарабанила я. И тонко улыбнулась: – Не максимальный, конечно, балл, но...

– В прошлом году ваши результаты были гораздо хуже, – вдруг подквакнула вредная секретарша.

И попала точно в молоко. Потому что профессор Бейли широко улыбнулся и похвалил:

– Большой прогресс, Маша. Прodelали за этот год огромную работу. Вы молодец.

Я еле удержалась, чтоб не показать секретутке язык, и смущенно пролепетала, обращаясь к профессору:

– Спасибо.

– У меня все, – просиял ответной улыбкой он. И приказал подчиненным: – Спрашивайте вы.

В нашем институте на кафедре, если заведующий доволен, то и подчиненные молчат. Но американцы – не из таковских. Тут же зашевелились, зашуршали бумагами... И вопросы посыпались градом, особенно тетки старались:

– Вы живете в Москве?

– Да.

– С кем?

– С родителями и братом.

– Вы снимаете квартиру или это собственное жилье вашей семьи?

– Собственное.

– Сколько вам лет, Маша?

– Двадцать восемь.

– Скажите, вы собираетесь замуж?

– Собираюсь. Только не сейчас.

– А когда же?

– Лет в тридцать пять. Этот возраст мне кажется самым оптимальным.

– В таком случае вы вряд ли успеете родить детей. Вы их не хотите?

– Хочу. Но современная медицина позволяет рожать как минимум лет до пятидесяти.

– В Америке – да. Но не в России.

Ага. Пошли подколки.

Защищать Россию нельзя – я уже в прошлом году на этом погорела. А скажешь, что в Америке буду рожать, еще хуже. Подумают, что я к ним собираюсь не на учебу, а эмигрировать, они этого как огня боятся. Придется выкручиваться...

– Я не жалею о здоровье и надеюсь родить без помощи врачей даже в сорок! В крайнем случае в Израиль поеду, там, говорят, медицина чудеса творит.

– Похвальная уверенность, однако... – кинулась в бой моя оппонентка. Но профессор Бейли ее остановил:

– Все, хватит, Синтия...

И обратился ко мне:

– Masha, спасибо за чрезвычайно приятную беседу. Разговор с вами заряжает оптимизмом и оставляет чрезвычайно благоприятное впечатление...

– Увидимся в Америке? – осмелилась пошутить я.

Члены комиссии шутку оценили, заулыбались. Улыбнулся и профессор – только не весело, а скорее виновато. И произнес:

– Боюсь, что нет, Masha.

– Нет?! – искренне опешила я.

Да как же так?! Я ведь вижу: я им очень понравилась! Всем!

– Нет, – твердо повторил он.

– Но почему? – Я, кажется, начала стремительно терять лицо.

– Я не обязан вам объяснять, но все-таки объясню, – произнес профессор. – Дело в том, что задача нашего фонда – помогать именно тем, для кого мы – последняя надежда. Кому сложно себя проявить в России. Кому в Москве негде жить и работать. А у вас, как мы поняли, все хорошо. Вы – кандидат наук, успешно преподаете, у вас собственное жилье, и вообще – вы красивая и уверенная в себе девушка...

– С дорогим маникюром, – злорадно вставила свои пять копеек злобная секретарша.

Сказать, что я будто рухнула в пропасть, – не сказать ничего.

– Но вы же сами говорили, что тема моих научных исследований очень интересна! Самому широкому кругу людей!

– Да, – кивнул господин Бейли. – Однако вы вполне можете продолжить свои изыскания и здесь, в России. Вы великолепно владеете английским языком и в состоянии получать нужную вам

информацию как в сети Интернет, так и в библиотеке иностранной литературы... Желаю вам, Маша, большой удачи.

Он встал, протянул мне руку, и я с трудом подавила желание впитаться в его ухоженную кожу своими свежееотточенными ногтями.

Больше ловить было нечего.

И, уже не заботясь ни о какой королевской походке, я покинула аудиторию.

– Ну как? – ринулись ко мне прочие соискатели.

В скромных джинсах, без всяких дорогих еженедельников и портфелей. Неуверенные в себе, дрожащие, неухоженные... Именно таким, как оказалось, американцы и помогают. А уверенным в себе и состоявшимся – шиш.

– Завернули, – коротко ответила я.

– Как?.. – общим хором выдохнула толпа.

– Раз уж *такую* – и то не взяли... – услышала я потерянный девчачий голос.

Я еле удержалась, чтоб не ответить:

– А тебя, селедка драная, как раз и возьмут.

Что ж. Не зря я сомневалась в волшебных качествах дедовой чаши.

Мне она решительно не помогла.

Ася

«Засранцы». «Тупые осьминоги». «Высокоумные ублюдки». «Двуногие гамадрилы». И даже – «американские твари».

Ася прежде никогда не слышала, чтобы ее сестра, кандидат филологических наук и поборница чистоты русского языка, употребляла подобные выражения. Зато Никитка – он, разумеется, присутствовал вместе с ними в кухне, за компанию мусолил печенье – вслушивался в тетин монолог с неприкрытым интересом. И, похоже, мотал незнакомые словечки на ус. Еще выдаст через пару месяцев в адрес папы: «Высокоумный ты гамадрил!» Вот будет шоу!

– Остановись, Машка, – попросила Ася сестру. – Чему ты Никитку учишь?!

– Но меня эти уроды недоделанные просто вывели из себя, понимаешь! – продолжала кипятиться Мария.

– У-ло!.. – с удовольствием повторил Никитка.

Ася только руками всплеснула. А Маша погладила племянника по голове:

– Молодец, парень. Понимаешь, что к чему. – И снова обратилась к сестре: – И чего я, дура, перед этой железякой прыгала?!

– Какой еще железякой? – не поняла Ася.

– Да перед чашей дедовской, – грустно вздохнула Маша. – Я ведь ей желание загадала.

– Да ты что?! – ахнула Ася.

– Ну да. Попросила, чтоб она помогла собеседование пройти... И мне казалось, что и правда помогает! Сон накануне приснился: как одеться, как себя вести... Представляешь, какая я идиотка?! Выбросить эту вазу – и дело с концом.

Маша выжидательно уставилась на сестру. Но Ася клясть чашу не стала. Вместо этого почувствовала, что неудержимо краснеет.

– Ты чего это? – не поняла Мария.

Ася вздохнула и призналась:

– Так я ведь тоже... у нее помощи просила... Специально к вам в квартиру приезжала вместе с Никиткой.

– Да ладно! – не поверила Маша.

– Честное слово. Если не веришь – на папин глобус посмотри. Пока я шаманила, Никитка его весь фломастерами исчеркал.

– Вот семья идиотов! – всплеснула руками сестра. – А о чем ты просила? Чтобы твой муженек в проруби утонул?

– Маша!

– Да ладно, ладно... Не видишь, что ли, я вся на нервах? А твоего Мишку и в спокойном состоянии не выношу. Так ты чего пожелала-то?

Ася смущенно пролепетала:

– Желание, наверно, нужно втайне хранить, а иначе не исполнится...

– Ерунда, – отмахнулась Маша. И авторитетно добавила: – Вон я, ни единой живой душе ни слова – и что в результате?!

– Да, правда... Тогда скажу. Я попросила, чтоб чаша Никитке помогла. Чтоб он наконец ночами спать начал...

– О, йес! Вот это желание! – саркастически хмыкнула Мария.

– Я так и знала, что ты будешь смеяться, – опустила голову Ася.

– Я не смеюсь. Просто интересуюсь: и что? Исполнилось желание? Стал Никитка спать?

– Нет, – вздохнула Ася. – Сегодня опять каждые полчаса просыпался.

– Я ж говорю: металлолом, – припечатала сестра. – На свалку эту чашу, и весь разговор.

– Но Макс у ведь помогло, – слабо возразила Ася. – В скольких он турнирах участвовал? В тридцати? В сорока? А выиграл, только когда у чаши помощи попросил.

– Совпадение, – отмахнулась Мария. – Просто время его пришло, он же сколько лет как проклятый тренируется. Вот увидишь: он следующий турнир безо всякой чаши выиграет. Или как минимум в финал выйдет.

– Наверно, ты права, Машка. Ты всегда права.

– Да уж, всегда, – саркастически выдохнула сестра. – Особенно когда на это собеседование этакой павой вырядилась. И впечатление из всех сил производила. Ведь слышала же сто раз, что американцы – они только убогеньким помогают...

Ася не удержалась:

– А я тебе давно говорю: угомонись ты с этой Америкой. Не твое это. И вообще, в России сейчас жить куда интереснее.

– Ой, а можно без пропаганды? – поморщилась старшая сестра. – На себя посмотри: живешь в своей России – интереснее некуда, уже почернела вся, без сна да с вечным хозяйством. Не надоело тебе?

– Надоело, – кивнула Ася. – А что делать?

– Да ничего! Я имею в виду: собой заниматься, а не на кухне прыгать. Вот на фига ты опять заварных пирожных напекла?

– Тебя угостить. Разве не нравятся?

– Да ладно меня! Все Мишку, куркуля своего, обхаживаешь. А он только покрикивает.

У Аси на языке так и вертелось: «А у тебя и такого мужа нет». Но она от злых слов удержалась. Спокойно произнесла:

– Подлить тебе чайку? И заварное еще одно бери...

Но угомонить сестру оказалось не так просто.

– А вот ты знаешь, что в Америке, – продолжала кипятиться Маша, – муж и жена составляют график? Одну ночь она к ребенку

встает, другую – он. И готовят по очереди. И посуду моют через день.

– Но Мишка ведь работает!

– А ты тоже работаешь! Сына ему растишь!

– Ох, Машка, хватит, – поморщилась Ася.

Она уже знала: спорить бесполезно. Все равно муж и сестра друг друга не переваривают органически. Но если Маша просто произносит в адрес Мишки гневные монологи, то он вообще запретил пускать ее на порог. И Ася принимает сестру только в Мишкино отсутствие.

– Ладно. Проехали, – неохотно согласилась Мария. И предложила: – Так вот, насчет чаши. Помнишь, я рассказывала: нам тот антиквар за нее две семьсот предлагал? Может, продадим? А деньги поделим? По девятьсот баксов на брата получится, сумма неплохая...

– Ты разве сможешь на эти деньги перебраться в свою Америку? – усмехнулась Ася.

– Я – нет, – пожала плечами сестра. – А вот Максу этого, пожалуй, хватит, чтобы на какой-нибудь зарубежный турнир съездить. А ты на них хорошего врача найдешь. Чтоб разобрался, почему Никитка ночами орет.

Ася задумалась – может, и правда? Девятьсот личных, неподотчетных Мишке долларов ей сейчас совсем не помешают...

Но ответить сестре она не успела – зазвонил телефон.

– Твой беркут небось, – хмыкнула Маша. – Очередные ценные указания будет раздавать...

Но звонил, как оказалось, совсем не Мишка.

– Анастасия Климентовна? – строго спросили в трубке. – Это из детской районной поликлиники. Вы можете сейчас разговаривать?

У Аси аж лицо вытянулось. Когда это в районке кого волновало, удобно тебе сейчас говорить или нет? Да и вообще, прежде из поликлиники ей звонили только однажды. И рывкнули, чтобы она немедленно привела ребенка на очередную прививку.

– Да, мне удобно... – пролепетала она.

– Ваш сын – Никита Михайлович, возраст девять месяцев?

– Да.

– Запишите адрес. Улица Тверской Заставы, дом сорок. Клиника профессора Соловьева. Вам с ребенком нужно будет туда подъехать в любое удобное для вас время.

– Но зачем?

– Мамочка! – В голосе ее абонента засквозило раздражение. – Вы что, не знаете?! Профессор Соловьев – это ведущий детский невролог Москвы! Вы должны за счастье почитать, что он вас на прием приглашает!

– Я... я знаю, кто такой Соловьев. Но в его клинике даже платный прием на год вперед расписан!

– Дама! Вот я читаю карту: «Ребенок беспокойный, ночной сон прерывистый...» – это с ваших слов записано? И вы что, отказываетесь, чтобы вас сам Соловьев проконсультировал?!

– Нет, не отказываюсь, но... Скажите, а сколько будет стоить первичный прием?

– О господи, как с вами сложно! – Голос в трубке становился все более недовольным. – Я вам что, платить предлагаю? У профессора Соловьева есть квоты для сложных случаев. И для малообеспеченных семей. Вы как раз подпадаете. Так что примет он вас бесплатно. В любой день. Нужно только предварительно позвонить. Записывайте телефон...

Ася послушно записала семь цифр. Положила трубку, недоуменно уставилась на сестру и тихо произнесла:

– Я к нему уже год попасть пытаюсь, а тут сами позвали...

Макс

Сестры хотя и старшие, а все равно девчонки. Овцы. Как, интересно, женщин в разведчицы работать берут, если у них все на лицах написано?! Ежу ведь понятно: и Машка, и Аська всю грузят дедовский подарок своими желаниями. Но нет бы признаться. Рассказать, чего попросили. Совета, в конце концов, спросить. Фигушки. Полная секретность. Еще и лица делают такие по-взрослому снисходительные: что, мол, Макс, ты за вопросы задаешь? Разве мы, взрослые люди, можем верить в какую-то волшебную палочку?!

Хотя у обеих явно что-то происходит. Машка зачем-то подстриглась, наточила и накарсила лаком ногти и куда-то шлялась, это зимой-то, в туфлях с высоченными каблуками.

Аська – тоже вся загадочная. И счастливая. Макс заскочил к ней между тренировками на кофеек и вообще ее не узнал. Ляпнул прямо с

порога:

– Ты где загорела? В солярий, что ли, ходишь?

– В солярий? Я? – расхохоталась сестра. – Как я туда пойду, с Никиткой, что ли?!

И объяснила:

– Я просто выспалась сегодня. Семь часов подряд проспала, можешь себе представить?!

Подумаешь, рекорд. Макс сам после соревнований по двенадцать беспробудно спит.

– Но ты ж вроде жаловалась, что тебя Никита каждые полчаса будит! – вспомнил он.

– В том-то и дело! А вчера ночью он как уснул в одиннадцать, так и спал до шести! И проснулся веселый, покакал и сразу стал свой паровозик катать. А обычно по утрам плакал...

И *этому* — нужно радоваться? Воистину, мамыши малолетних детей – все с причудами.

– Ты ему с вечера водяры, что ли, плеснула? – пошутил Макс.

– Что ты такое говоришь, Макс! – не оценила юмора сестра.

– А чего? Я читал, в деревнях детям и водку, и мак дают. Чтоб крепче спали.

– Нет. Я ему дала гомеопатию, – триумфально провозгласила сестра. И со значением добавила: – Сам профессор Соловьев прописал!

– А это еще что за хрен?

– Очень хороший доктор. Ведущий невропатолог Москвы. У него своя крутая клиника на Тверской. Мы с Никиткой вчера туда на прием ездили!

– Неужели твой Мишка проспонсировал? – не поверил Макс.

Аськин муж – жлоб еще тот, у него и ста рублей в счет будущих призовых не стрельнешь.

– Нет, – слегка смутилась Ася. – Я в квоту попала. Для малообеспеченных семей.

Сестрица, конечно, не жирует, но на шибко малообеспеченную тоже не похожа. И во всякие квоты мало верится – третий год Макс тщетно ждет, чтоб хоть какой-нибудь фонд ему теннисную стипендию дал...

Но с женщинами, тем более с сестрой, лучше не спорить. Макс только хмыкнул:

– Пойдем, малообеспеченная, на кухню. Кофию мне сваришь. Или у тебя, как у бедной, только кофейный напиток? С цикорием?

– Я понимаю, это звучит странно, – зачем-то начала оправдываться сестра, – но мне в районной поликлинике так сказали. Что у профессора Соловьева зарезервированы специальные дни для бесплатного приема, вот нас с Никитой и пригласили...

– Крутяк! – не без ехидства прокомментировал Макс. И вспомнил: – Ты ведь прописана в родительской квартире, значит, у нас с тобой поликлиника одна. Пусть они и меня тоже куда-нибудь пригласят! Скажем, на курс бесплатного эротического массажа...

– Ну ладно, ладно! – сдалась сестра. – Так и быть, скажу. Я попросила у дедовской чаши. Пожаловалась ей, что Никитка не спит. Не верила, конечно, что поможет... А на следующий день меня на консультацию к Соловьеву позвали. И представляешь?! С одного приема помогло! Всего-то и нужно оказалось: гомеопатические шарики купить!

В ее голосе Макс слышалась, как сказала бы заумная Машка, *экстатическая тональность*. Ох, до чего же малые дети портят нормальных теток! Какими они под влиянием мелкоты становятся клушами! Сплошные кашки, какашки, слюняшки...

Давно ли они с Аськой, безмужней и бесшабашной, таскались по «Макдоналдсам» и с огромными мерами предосторожности протаскивали в ресторанный зал запрещенное пиво? Давно ли они гоняли на выходные в Питер – на электричках, потому что нормальных билетов в кассе не оказывалось? А теперь с ней только про младенца и поговоришь. Совсем из жизни выпала. Даже, похоже, новый фильм про Джеймса Бонда не смотрела.

Просить у дедовского сокровища, чтоб оно послало ребенку спокойный ночной сон, – как это пошло! До чего примитивно!.. Даже жаль, что волшебная сила растрачивается по пустякам...

...Все последние дни Макс напряженно думал: о чем бы еще попросить чашу – и не прогадать?

Хотя дед и не ограничивал их тремя желаниями, было ясно: возможности его подарка не беспредельны. И растрачивать их на

всякие мелочи, типа ящика пива или крутой, как у Федерера, ракетки, негоже. Но что придумать такое глобальное?..

Был у Макса соблазн: пасть перед чашей ниц и попросить: чтобы он выигрывал *всегда*. Все турниры, на какие приедет. И на соревнованиях РТТ,^[13] и сателлиты, и фьючерсы, и челленджеры, и мастера, и даже Большие шлемы. Вот было бы круто! Газеты пестрят заголовками о восхождении новой теннисной звезды. Журналисты дежурят под окнами, фотокорреспонденты караулят каждое его движение, а соседи по подъезду ругаются, что телевизионные фургоны мешают им парковаться... Спонсоры – как он их, гадов, ждет, как надеется, что кто-нибудь вложит в его раскрутку хоть несчастную штуку баксов! – теперь выстраиваются за Максом в очередь, рекламные контракты сыплются, только выбирай. У него появляется свой сайт в Интернете, свой фан-клуб, его победы обсуждают на всех теннисных форумах... И конечно, Макс каждую неделю получает очередной чек – призовые за победу в очередном турнире.

Картинка, спору нет, сладкая. И чаше, Макс теперь в нее верит, вполне под силу вознести его на пьедестал. Может, не так сразу, как он фантазирует, но через годик-другой. Только... Макс понимает, что чудес не бывает. И без усилий, без тренировок ему даже с помощью дедовского подарка всегда побеждать не удастся.

Тренироваться в любом случае придется до седьмых потов. Даже у миллионерши Шараповой в день по две трехчасовые тренировки. А Макс как представит, что и завтра, и послезавтра, и через месяц – каждое утро, в любую погоду его будет ждать неизменная пробежка... Потом – два или три часа утренних скачков по корту, коленки болят, в правое плечо от постоянных усилий при подаче стреляет... Обедать можно только всякой низкокалорийной дрянью, о, как он ненавидит все эти заправленные оливковым маслом салатки! А после обеда – скромный час отдыха, и снова тренироваться. И вечером, когда весь нормальный пипл чешет клубиться или по киношкам, сидеть перед видеком. Смотреть под бдительным оком тренера, как играют другие. И слушать его бесконечный гундеж о стратегии, тактике и игре у сетки...

Поневоле начинаешь сомневаться: а нужен ли тебе такой перспективф?

Но какого тогда чуда попросить у чаши? Миллион долларов? Богатую невесту? Или чтобы в крутой институт помогла ему поступить?..

Эффектные, конечно, желания, только чаша за такие и обидеться может. Потому что наглости в них хватает, а благородства ни на грош. Это ведь не скромненькое Асино, чтоб ребенок спать начал...

Нет, надо еще подумать. Как следует. И только потом просить.

Маша

Кандидаты наук иногда тоже способны на непредсказуемые поступки. Или, если проще, дурят дай боже.

Почему все им? Им удалось, а мне – нет?!

Мелочная, недостойная старшей сестры зависть. Но почему Максово желание чаша исполнила? И Аськино тоже, причем мгновенно? А мне-то почему с ней не повезло?!

Я ничего с собой поделывать не могла. Вроде бы, как говорят мои студенты, забей и забудь. Тем более что на работе полно дел: нужно готовить учебный план к спецсеминару по литературной критике, и сессия в разгаре, и научную статью для «Вестника вузов» давно пора сдать... А у меня в голове один ветер. Даже, я бы сказала, шторм. Сильный, опасный, неконтролируемый, типа того, в который наш дед попал.

Сажусь за письменный стол с самыми благими намерениями – и все талмуды под рукой, и свежий чай заварен, и ноги пледом укрыты, а в голове ни одной мысли *по теме*. А только – про дурацкую чашу. Что же я сделала не так? Дед, помнится, разглагольствовал, что его подарок исполняет желания не всякие, а лишь благородные, добрые и нужные. И в случае с Асей я согласна: излечить маленького Никитку от бессонницы – добрее не придумаешь. Но чем уж так благородно желание Макса? Чем оно лучше моего?! Однако брат, как и просил, свой турнир с блеском выиграл. А я собеседование с американцами не прошла...

Может, Максова воля исполнилась из-за того, что он чашу со слезами на глазах умолял? На колени перед ней падал?! А я попросила без рыданий, сухо и сдержанно?

Причина, конечно, но чересчур уж примитивное получается объяснение. Слишком на поверхности. Чаша, выходит, что-то вроде нашей институтской медсестры. Которая обожает, когда ее *умоляют*. И освобождает от физкультуры лишь тех студентов, кто у нее едва в ногах не валяется.

И если это действительно так, почему чаша не подействовала, когда мы ее все хором просили, чтобы она тогда, в Краснодаре, помогла Никитке поправиться?! Или хотя бы чтоб самолет сел в Москве, а не в Санкт – Петербурге?!

Может, успехи Аси и Макса – всего лишь счастливая случайность? Везение? А на мою долю удачи не хватило? Не может же фортуна всем помогать. Кто-то обязательно остается на обочине...

Или чаша правда волшебная? А я просто к ней подхода не нашла?

Я даже решила по этому поводу семейный совет созвать – в усеченном составе, только мы с Аськой, Никитка и Макс. Засунула гордость в самый дальний карман. Умолила брата, и мы вместе поехали к сестре. А там я смиренно попросила у младших совета: что, по их мнению, я не так делаю?

Макс к моей беде отнесся легкомысленно.

– А, фигня! Попроси еще раз. Наверно, в тот раз не сработало что-то в железке...

А вот Ася задумалась. Так глубоко, что даже не заметила, с каким упоением Никитка обои отдирает – пришлось мне малыша от стены оттаскивать, несмотря на его бурные протесты.

– Ну, что надумала? – поторопила я.

Ишь, в какой прострации, а Никитос тем временем в моих руках ужом извивается, обратно к стене рвется, обои дорвать.

Ася, все такая же задумчивая, перехватила Никитку. Мягко укорила сына:

– Опять ты, зайнышка, за свое? На вот лучше салфетки рви...

И пока ребенок остервенело издирал и расшвыривал содержимое салфетницы по кухонному полу, тихо сказала:

– Знаешь что, Маш... Я вот верю, что чаша – добрая. И действительно хочет нам помочь. Всем троим.

– Но почему мне-то не помогла?

– Потому что не фиг у нее всякую фигню требовать! – хохотнул Макс. – Говорил тебе: попроси хорошего мужика! А ты все:

американцы, американцы...

– Макс, ты достал уже! – рассердилась я.

– Правда, Макс, прекрати, – поддержала меня Ася. И задумчиво добавила: – Не знаю я, Маш, что и посоветовать. Может, тебе к деду съездить? Рассказать ему все, как есть. И он наверняка объяснит, что ты не так делаешь...

– К деду?! – изумилась я. – Аж в Абрикосовку?! Да ну, ерунда какая-то...

– А по-моему, совсем не ерунда! – горячо воскликнул Макс. – Дед свою чашу куда лучше нас знает. Все, как говорится, к ней подходит.

– То есть вы оба считаете, что чаша и правда волшебная? – тихо уточнила я.

– Я думаю, фифти-фифти, – серьезно ответил Макс.

– Это как?

– Ну, я чашу просил еще в Москве, чтобы она мне помогла турнир выиграть. А там, в Староивановске, – он ошутимо смутился, – пару раз ходил в церковь. И ставил свечки Николаю Угоднику. Может, это как раз и подействовало?

– Ты ж некрещеный! – всплеснула руками Ася.

– Ну, мало ли. Вдруг он мне авансом помог? – насупился Макс.

– А ты, Аська, что скажешь?

– Да что тут говорить... Я-то в церковь не ходила, но с Никиткой – явно чудо случилось.

– А вдруг ты *действительно* в квоту для малоимущих попала? – прищурилась я. – И никаких чудес.

– Это вряд ли. Я ведь в клинике профессора Соловьева спросила на рецепшен: «Это правда, что в сложных случаях они бесплатно помогают?» Ну, мне и ответили: «Правда». Но действуют такие квоты только для совсем тяжелых детишек. Органические поражения нервной системы, мозговые кисты, ДЦП, а у нас, тьфу-тьфу-тьфу, ничего сверхсложного, обычная гиперактивность, сейчас в Москве каждый второй ребенок такой. Да еще, чтобы на бесплатный прием попасть, нужно приносить справку из собес, что у тебя семья малообеспеченная. Мне, как вы понимаете, никто бы такой не дал, я, положим, в декрете, но Мишка-то работает!

– Тогда узнай, кто тебя в эту квоту включил!

Ася смутилась:

– А я испугалась выяснять. Думаю, начну сейчас выпрашивать, а меня и вычеркнут. Решила: раз чудо – значит, чудо. – И не удержалась, похвасталась: – Никитка теперь ночами по десять часов спит, представляете?! И ни разу не просыпается. Просто фантастика! Я уже целую книгу успела прочитать и даже маникюр себе сделала!

Она гордо продемонстрировала кустарно подпиленные ноготки со скромным бесцветным лаком.

А Никитка, счастливый, что его никто не контролирует, тем временем распахнул духовку, со страшным грохотом вывалил на пол противни и, перепуганный, заревел.

– Ах ты, хулиганье мое! – ласково укорила сына Ася. А мне сказала: – Я, наверно, глупость тебе посоветовала. Лететь непонятно куда, непонятно зачем... Может, действительно просто попросить чашу *еще раз*? О том же или о чем-нибудь другом?

– Говорил тебе: *перца* у нее проси! – нахально подмигнул брат. – На джипе!

– Или *американского перца*! – подхватила сестра. – Желательно с виллой, «Ламборджини» и личным самолетом. Мы с Никиткой будем к тебе в гости ездить. В Диснейлэнд. Хочешь, Никитушка?

– Дя! – восторженно выкрикнул ребенок.

– Видишь, он тоже хочет! – подмигнула Ася.

– Но-но! Яйца курицу не учат, – строго прикрикнула на младших я. – Никаких *перцев* я просить не буду, и к деду ехать – это тоже полная глупость.

Но про себя подумала: а может, детки правы? Почему бы и не съездить? Что, собственно, я теряю? Все равно в Москве не жизнь, а сплошная скучища.

Мой *come back* в Абрикосовку начался прекрасно – не чета безумной поездке в ноябре. И в аэропорт я приехала чинно, аж за два часа до вылета, и время в самолете протекло быстро, за книжкой да скудным аэрофлотовским обедом. Как все-таки приятно путешествовать налегке – в смысле, без грудных детей! Ни воплей, ни слез, ни, простите, какашек. Отпрыски – это, конечно, замечательно, но хлопот с ними... Еще тысячу раз подумаю, стоит ли своих заводить.

От Краснодара до поселка я тоже добралась без приключений на скучном, малоразговорчивом частнике. И, стоя в темноте на

поселковой автостанции, ощутила полнейшее дежа-вю: все та же щербатая площадь, и пара ларьков, и закрытый по позднему времени рынок... Даже таксисты, что наперебой бросились предлагать свои услуги, кажется, были теми же.

– Мне нужно на «Газовик», а потом от него в сторону километра три, – повторила я такую же, из ноября прошлого года, фразу.

– А-а, опять внучка Шадурина объявилась! – узнал меня один из водителей. И ухмыльнулся. Как-то нехорошо – или мне показалось?

Опять сейчас начнется: да дорога туда плохая, да еще дожди недавно прошли. Жаль, что дедова джипа сегодня ждать не приходилось. Я, конечно, пыталась предупредить старика, что приезжаю, но его мобильник упорно не отвечал, и я вспомнила, что дед жаловался: сотовая связь на его вилле работает из рук вон плохо. А городской телефонный кабель туда так и не протянули. То ли деньги у старика кончились, то ли специально не делает. Не хочет, чтоб лишний раз его звонками беспокоили.

Что ж, доберусь сама. Тем более что, против ожиданий, кочевряжиться таксисты не стали.

– Пятьсот. Поехали? – коротко предложил какой-то седовласый дядька.

Я хотела сказать, что меня в Москве за те же пятьсот от Орехово-Борисова до аэропорта Внуково довели, но вгляделась в ряды водителей: стоят твердо, будто шведы под Полтавой, и поняла, что торговаться бессмысленно. Это в столице – конкуренция, там и государственные такси есть, и частные, плюс тысячи абреков на разбитых «копейках»... А в Абрикосовке, увы, монополия.

– Ладно, поехали, – кивнула я. И не без труда забралась в высокий, неудобный, с жестким сиденьем «уазик».

Тронулись. Быстро миновали единственную освещенную улицу. Протряслись по буеракам переулков. И свернули в лес.

Жутковатое, прямо скажем, зрелище. Абсолютная темнота, подбивает ветер, в свете фар мелькают зловещие, будто из фильма ужасов, деревья с растопыренными голыми ветками... Хорошо хоть таксист пожилой и на маньяка, а также на зловещего мертвеца из одноименной кинокартины явно не тянет. Уверенный мужик, едет быстро, но не лихачит. С таким спокойно. Какую опасность по пути ни встретить.

Я скосила глаза на водителя, чтоб самой заразиться его уверенностью, и с изумлением увидела, что тот... вдруг перекрестился.

– Чего это вы? – выпалила я.

Шофер ощутимо смутился. Что-то забормотал про трудную дорогу вкупе с лысой резиной, но глаза, я заметила, забегали. И кончик носа дядечка затеребил – верный признак, что врет. Я эти уловки знаю прекрасно – спасибо раздолбаям-студентам.

Сердце екнуло. Во всякую нечисть я, конечно, не верю, но, согласитесь, все равно неприятно. Едешь по глухой дороге в мрачном лесу, да еще и водила, явно тертый калач, нервничает, а почему – не говорит.

Спокойно, Маша. Не поддавайся панике.

И я беззаботно осведомилась:

– А почему вы волнуетесь?

– С чего ты взяла? – лживым голосом спросил он.

– Видно, – пожала я плечами. И предположила: – Может, об этих местах какая-то легенда существует? Что-нибудь зловещее, вроде бродячих призраков или безвременно погибших русалочек?..

Водитель посмотрел на меня, как на дурную. Буркнул:

– Я чё те, мальчик – привидений бояться?

– Но чего-то боитесь, раз креститесь, – парировала я.

Дорога вильнула. Теперь она шла практически над обрывом, далеко внизу грозно шумело море. Я, хотя сама и не вожу, а поняла: дорога стоит этих пятисот рублей. Одно неверное движение руля – и полетим в пропасть. Я нервно вонзила ногти в сиденье – авось шофер не заметит.

Но он заметил. Снисходительно усмехнулся:

– Не дрейфь. Все под контролем. Я тут с закрытыми глазами могу проехать. А вот на горе... – И осекся.

– Да что вы все загадками говорите! – возмутилась я.

– Слушай, а ты правда старого Шадурина внучка? – неожиданно сменил тему он.

– Ну да. Старшая, – кивнула я.

– Нормальная с виду девка, – задумчиво изрек водитель. И тихо добавил: – Не то, что он.

Еще интереснее.

– А что вы имеете против деда? – усмехнулась я.

Уж кому-кому, а нашему старикану ни маразм, ни иные, свойственные сенильному возрасту болезни, на мой взгляд, не грозят.

– Да про него в поселке разное говорят... – уклончиво протянул шофер.

– Что, например? – не сдавалась я.

– Ну, ты сама посуди. Живет сычом. В глуши. В поселок выбирается раз в месяц. По Набережной пройдет, глазами позыркает – и назад. Как-то не по-людски это...

– А по-моему, каждый живет, как ему нравится, – покачала я головой. – Я бы тоже так не отказалась.

Моя давняя мечта – хотя бы месячишко пожить в одиночестве. Без Максова магнитофона, папиного телевизора и маминой швейной машинки за стеной. Да еще если и прислуга будет меня обхаживать – класс! Хочешь – сутками валяйся, книжки читай, хочешь – докторскую диссертацию пиши.

– Но он совсем бирюк! – продолжал гнуть свою линию водитель. – Ни с кем не общается. Спросишь, как дела, – только плечами пожмет. И водитель у него такой же, и горничная – лишнего слова не вытянешь...

– Их право, – пожала плечами я.

Я тоже, если когда-нибудь заведу горничную с водителем, болтать им категорически запрещаю.

– ...А забор высоченный, и каждый вечер во всех комнатах свечи горят... – Водитель зябко пожал плечами. – Одному богу известно, что там в его особняке происходит...

Я расхохоталась:

– Вы деда за колдуна, что ли, считаете?!

– Колдунов не бывает, – возразил шофер. Но как-то неуверенно. И задумчиво сказал: – Согласись, странно все это выглядит. Еще год назад жил ваш старик, как все. И на рынок ходил, и в ЖЭК, и в управу, и в поликлинику за талонами. А потом вдруг выстроил свой особняк – и будто подменили его. Раньше на неделе минимум раз в «Дельфине» встречались, по сто грамм принимали, а теперь ни-ни, носу туда не кажет. Опять же, на какие шиши виллу такую выстроил?.. Говорят, там полы натурального мрамора. И дверные ручки из чистого золота. Не врут? – Дядечка с любопытством уставился на меня.

– Врут, – покачала головой я. – Там обычный паркет. А дверные ручки – железные.

– А кому он особняк-то свой отписал? Вам, поди, внучатам? – как бы между делом поинтересовался шофер.

«Самой бы хотелось узнать!» – мелькнуло у меня. Но ничего говорить вслух я не стала, только неопределенно пожала плечами.

Опасная дорога, кажется, близилась к концу. Никаких огней впереди я пока не видела, но ход таксист уже сбавил.

– Приехали? – поинтересовалась я.

Водитель не ответил – только руль стиснул так, что, я заметила, костяшки пальцев побелели. А за машинными окошками, кажется, еще темнее стало, где-то совсем близко басисто рокочет море, и ветер завывает так зловеще, что ночью явно придется подушку на ухо класть...

Да уж, хотя я деда перед посторонними и защищаю, но он большой оригинал, жить в этакой глуши. Еще летом, когда в небе полно звезд, с моря дует теплый ветер, а из прибрежных кафешек доносятся отголоски веселья, – я понимаю. Но сейчас, зимой...

Водитель остановился. Заглушил мотор. Я распахнула дверцу – и тут же ее захлопнула. Потому что, как мне показалось, совсем рядом раздавался тоненький, тоскливый вой. Безднадежный и страшный. И пусть студенты за глаза именуют меня «Железной Машкой», но сейчас я едва удержалась, чтобы не завизжать. И испуганно выдохнула:

– Что это?!

– Шакалы, – спокойно просветил водитель. – Их тут в лесу полно. – И утешил: – Да ты не трусь. Они на людей не нападают, только на падаль.

Я снова – в этот раз куда с большей опаской – отворила дверцу. И опять услышала шакальи завывания – сейчас они переместились чуть дальше, в сторону, но от этого звучали не менее зловеще. Интересно, есть ли у деда охотничье ружье? Своими бы руками этих тварей перестреляла...

Я осторожно ступила на мокрую, пожухлую траву. Осмотрелась.

Шофер подогнал свой «уазик» прямо к воротам. Они оказались сомкнуты, за ними виднелся дедов дом, такой же, как и в ноябре, внушительный и красивый. Только вот странно – все окошки темны,

даже отблеска свечей не видно. А ведь еще совсем не поздно, девять вечера. Неужели дед спать лег?

Водитель тоже выпрыгнул из машины, пробормотал:

– Странно...

Сунулся в машину, надавил на сигнал. Лес огласился неприятными, будто трешь пенопластом по стеклу, звуками. Шакалы сразу притихли, а из дедова дома по-прежнему не доносилось ни звука. И в окнах – ни проблеска, ни всполоха.

– Вот те на... – растерянно пробормотала я.

А шофер поинтересовался:

– Дед хоть знает, что ты приезжаешь?

– Откуда? – вздохнула я. – Городского телефона у него нет, а на мобильник он не отвечал.

– И ты все равно поехала? – укорил шофер.

– Дед сам говорил, что сотовые в его особняке не берут! – раздосадованно ответила я. – Да и куда ему уезжать, в таком-то возрасте?! – И с надеждой попросила шофера: – Посигнальте еще. Он, наверно, просто не слышит.

– Нет смысла, – покачал головой шофер. И показал: – Вон, видишь, слева от ворот сторожка? Там Ванька живет, тот, который джип водит. Был бы здесь – давно вышел.

– Все равно. Подудите, – упрямо повторила я.

Но сигналить шофер не стал. Вместо этого сунулся в машину, извлек фонарик, включил. Тонкий луч несмело зашарил по территории дедова поместья. Хорошо, хоть забор не глухой, а кованый, поэтому видно было прекрасно.

– Вон, смотри, – вполголоса комментировал шофер. – Ванькина сторожка на замке. Фонтан укрыт. И на пороге большого дома пусто, хотя там всегда калоши стоят.

Про калоши – удобные, легкие, без задников – я вспомнила и сама. Когда мы приезжали в ноябре, дед каждому из нас выдал по паре, чтоб было удобно, каждый раз не шнурюясь, выбегать во двор.

– Ну... тогда я вообще ничего не понимаю, – растерянно протянула я.

– А что тут понимать? – пожал плечами шофер. – Куда-то слинял твой дед.

– Но куда он мог уехать?

– Тебе, внучка, виднее, – не без сарказма откликнулся водитель. И предложил: – Поехали обратно в поселок. Довезу со скидкой. Восемьсот за все.

Он почему-то выглядел очень радостным. Неужели только из-за того, что замаячили лишние триста рублей заработка?!

Я не ответила. Подошла к забору. Еще раз с надеждой заглянула внутрь, подергала створки ворот... В прошлый раз, помнится, дедов водитель открывал их от брелка дистанционного управления, а сейчас они явно заперты на засов. Старикан действительно куда-то уехал.

И я понуро вернулась в «уазик». Ну и дела! Стоило тащиться за тысячу семьсот километров, чтобы просто постоять под дедовым забором!

На всякий случай я достала мобильник, набрала номер старика, в очередной раз услышала, что «абонент недоступен»...

И в изумлении услышала шоферу реплику:

– Вот не знаю я, колдун он или не колдун, но следов твой дед не оставляет.

– Чего? – удивилась я.

– Пашка, что на белой «шестерке» ездит, рассказывал. Поперся он по каким-то своим делам на «Газовик», а дождь был, грязь, холод, и по пути встретил Шадурина. Тот топает в своем дождевике и тяжеленный рюкзак за плечами тащит. Пашка, ясное дело, пожалел старика, предложил подвезти. А тот подходит к машине, но идет не по земле, а будто по воздуху летит... И, Пашка Христом богом клялся, на земле – ни единого следа. Будто бесплотный старик. И от дождевика, насквозь мокрого, на сиденье ни лужицы не осталось... Пашка потом попа вызывал, машину освящать.

Я едва удержалась, чтоб не расхохотаться.

– А еще чего этот ваш Пашка в тот день видел? Может быть, тараканов, чертей, змей?

– Он, между прочим, вообще не пьет, – обиделся мой шофер. – Уже год как закодировался. – И резко сменил тему: – Куда тебя в поселке везти?

– Понятия не имею, – пожала плечами я. – В какую-нибудь гостиницу. Есть у вас?

– Есть, «Морская роза», но она дорогая.

– В дорогу не надо.

– А остальные все равно сейчас закрыты, – хмыкнул шофер.

Может, лучше сразу в аэропорт махнуть? На Москву, кажется, самолеты круглыми сутками летают. И в час есть рейс, и в пять утра... Неплохой шанс остаток ночи провести дома, в родной постели, а не в какой-то непонятной «Морской розе». Но что тогда я расскажу сестре и Максу? Что постояла под запертыми воротами дедова особняка и ни с чем прилетела назад? К тому же денег жаль: и билеты, и поездки на такси... А узнала какую-то ерунду. Что дед, оказывается, ходит по воздуху, и его насквозь вымокший дождевик не оставляет на сиденье никаких следов.

Смех, да и только.

И я попросила таксиста:

– Ладно. Пусть будет «Морская роза».

Придется ночевать в гостинице, раз в фамильном особняке не получилось.

Копать под родного деда, да еще в его родном поселке, – занятие неблагодарное и глупое. В лучшем случае нарвешься на байки вроде тех, которыми таксист меня загрузил. А в худшем – просто пошлют. К тому же никакой склонности к частному сыску у меня нет, и опыта тоже, тысячи прочитанных детективов не в счет. Хорошо бы, конечно, узнать, куда и почему дед уехал, а также выяснить истинное происхождение его богатства, а еще что-нибудь разнюхать про пресловутую чашу... Только каким путем?

Герои Чейза или Спиллейна, сплошь самоуверенные, белозубые красавцы, с подобными вопросами обычно *подкатываются* к немолодым работницам почт, аптек и местных ресторанчиков, те млеют и все им выкладывают. А к кому подкатиться мне?

Я задумалась. Плохо еще, что Абрикосовка – поселок небольшой, а сейчас, не в сезон, – и немногочисленный. То есть по улицам бродит, как говорится, полтора человека, и все они с жадностью смотрят друг на друга. А это кто, да куда пошел, да зачем? И конечно, очень подозрительно, когда внучка выспрашивает про собственного деда у посторонних людей. И без того старика в колдуны рядят, а так и вовсе всю семью занесут в категорию придурков.

В общем, с утра, как только я проснулась в своей жесткой гостиничной койке, задачка показалась мне абсолютно невыполнимой.

Я растерянно пила кофе – сварганила сама, кипятивником, а в голове вспыхивали-вертелись обрывки книжно-дурацких фраз типа «она обнажила ствол» или «оба затаились в засаде».

Вида на море мой номер не имел – гостиничка на европейский манер ввела на это удовольствие пятидесятипроцентную наценку, и я решила, что оно того не стоит. Чай, не баре, можем до набережной и ножками дотопать.

Допила кофе. Оделась. Дотопала. Приземлилась на лавочке. Денек, увы, хмурый, но море все равно бесподобно. Только, наверно, скучно ему – пляжи пустые, кафе закрыты, магазины заколочены. Единственное, что работает, – дурацкий автомат-клешня. Засовывай десять рублей и пытайся выудить мягкую игрушку. Неужели есть желающие?

Я непонятно зачем достала десятку. Вон та симпатичная черепаха, кажется, лежит вполне удобно. Спешить не стала – как следует рассчитала траекторию, присмотрелась, прицелилась... и зацепила игрушку в клешню. Уже возликовала, да в последний момент, в паре сантиметров от лотка для выдачи призов, улов сорвался.

«Вот так и дед, – мелькнуло у меня. – Вроде бы прост, бесхитростен. Никаких загадок. Болтун и балабол. А попытаешься его *схватить* – мигом ускользает».

Интересно, он про эту чашу все наврал или только местами? Утверждал, что нашел ее на пляже после шторма – это правда? А потом она его выручила, когда его катер заглох в открытом море. Тоже вранье? Кто бы мог на эти вопросы ответить?

И тут же в голове промелькнуло: как кто? Конечно, дедовы соседи по причалу. Он ведь говорил, что у них там, на «Газовике», целый кооператив. Как у нас в Москве есть гаражные, так у них, в Абрикосовке, – катерные. И контингент уж наверняка мужчины, а не тетки без возраста, к которым у меня нет никакого подхода. Вряд ли, конечно, эти дядьки молодые, но со старичками небось будет даже проще. По нашим институтским преподавателям сужу – в их рядах встречаются такие забавники, такие любители юного слабого пола, что только глазами похлопай – и студентке зачет автоматом поставят, и преподавательницу в Консерваторию пригласят.

А добраться до «Газовика» сейчас, по дневному времени, можно и берегом моря. Раз дед ходил – значит, и я дошагаю. Заодно воздухом

морским подышу.

Несмотря на уроки, преподанные детективной литературой, никакой легенды я разрабатывать не стала. Решила рассказывать правду: приехала без звонка повидать деда, а он куда-то исчез, и я понятия не имею, где его искать, может, вы, друзья и соседи, поможете?

...И в первом же ангаре, где над старым-престарым катерком колдовали двое еще более дряхлых дедков, чем мой, я наткнулась на полное недоумение:

– Шадурин? Уехал?! Так он же еще вчера здесь был, со своей «Катти Сарк» возился...

– И никуда уезжать не собирался?

Деды недоуменно переглянулись.

– Нет, – покачал головой первый. – Ничего не говорил.

– Не говорил, – поддакнул второй. – Наоборот: сказал, что завтра, то есть уже сегодня, хочет на ставриду пойти.

Еще интереснее. В самом ли деле дедова вилла *абсолютно* пуста? Уж не случилось ли со стариком какой беды?!

– А дома у него что? – потребовал один из стариков.

– Пусто. Ворота на засове. Сторожка на замке. Фонтан укрыт.

– Раз на засове – значит, точно уехал, – авторитетно заключил второй лодочник.

– Но куда? – жалобно воскликнула я.

– Сейчас узнаем, – с готовностью закивали деды. – У нас тут все про всех знают.

...Особо очаровывать моих новых престарелых знакомых даже не пришлось – они сами приняли в моей судьбе чрезвычайно деятельное участие. Для начала предложили кров («Не хоромы, конечно, как у вашего дедушки, но удобства в доме, и горячая вода целых два часа в день») – я отказалась. Потом озаботились, не голодна ли я, и стали наперебой пичкать домашними бутербродами – тут я капризничать не стала. И бутерброды съела, и сладким чаем из термоса запила. А когда насытилась, мы втроем отправились по остальным ангарам. Вести следствие.

– Всех обойдем, – пообещал первый старичок.

– У нас, внучка, чай, не Москва, – подхватил второй. – Кто-нибудь про твоего деда что-нибудь да слышал...

Я, признаться, их оптимизма не разделяла. Уж если дедуля *решил* исчезнуть – придумает, как замести следы. Не зря же у него два тюремных срока за плечами.

Я уже поняла: старика не найти, а вот узнать о нем как можно больше, наверно, получится.

И, пока мы бродили от ангара к ангару, не ограничивалась вопросом: не знаете ли, куда исчез Шадурин? Пыталась каждого, с кем говорила, *развести*, как говорит мой братец Макс, *по углам*. То есть – нацелить разговор на деда. Его чашу. На его чудесное спасение в шторм. На катастрофу с его домом. И на счастливый лотерейный билет...

Однако очень быстро выяснилось: все мои собеседники ведут себя по одному шаблону. Произношу слово «чаша» – недоуменно поднимают брови: о чем это ты? Упоминаю, как в прошлом марте утлая «Катти Сарк» едва не потерпела кораблекрушение, тоже удивляются, а какой-то изрядно поддатый, несмотря на утреннее время, мужик и вовсе расхохотался:

– В том марте? Рыбалка? Шторм? Полная брехня. Его шаланда тогда вообще на приколе стояла, у нее движок полетел...

О том, что прежний дедов дом под гнетом природных катаклизмов обрушился и погреб все имущество, здесь знали. А вот откуда у старика взялись деньги на новое роскошное строительство – версии разнились. Причем о счастливом лотерейном билете не упоминал никто.

Один дяденька поведал мне уже слышанную вчера историю про то, как дед ходил, не оставляя следов, и философски изрек, что с таким умением добыть миллионы – не проблема. Другой, желчный, напомнил о дедовой судимости и предположил, что старик имеет подпольный цех, где печатает фальшивые деньги. Двое подростков – они возились с несолидной, на фоне настоящих, пусть и старых катеров, резиновой лодкой – доложили, что дедуля нашел клад, и они даже готовы показать место, где именно он был зарыт.

А самую интересную версию выдал грустный, явно похмельный мужик – он сосредоточенно подкрашивал гордую надпись на борту своего растрескавшегося от времени катера «Флагман»:

– Да, видно, тот парень его баблом и ссудил.

– Какой еще «тот»? – удивилась я.

Мои старички-проводжатые, хотя и утверждали, что здесь, в Абрикосовке, всем известно все, тоже недоуменно переглянулись.

– Расскажу. Поехал я однажды в Геленджик. В загс.

– Куда-куда? – дружно расхохотались деды.

– Справку брать. О разводе, – вздохнул дядечка. – Дали быстро.

Вышел из загса, а он, в смысле, загс, – прямо на Набережной. До автобуса еще час, вот я и решил прогуляться, мороженого съесть. Чешу и вижу: мне навстречу Матвейч, весь такой важный, в костюме парусиновом. Я только хотел подойти, спросить, куда это он так вырядился, да вдруг вижу: прямо рядом с ним «Мерседес» тормозит.

– Какой еще «Мерседес»? – дружно заусмехались мои старички.

– Какой, какой. «Шестисотый», – отрезал рассказчик. – А сзади еще и джип с охраной.

Тут деды и вовсе полегли, а я грустно вздохнула. Похоже, много у них тут, в Абрикосовке, болтунов-фантастов...

Мужичок обиженно насупился и смолк.

– А кто ж в «Мерседесе»-то был? – продолжали глумиться дедки. – Никак Алла Пугачева? Или Киркоров?

Я взглянула на них с укором и вежливо спросила рыбака:

– Расскажите, пожалуйста, дальше.

– А я откуда знаю, кто там был? – буркнул тот. – Мужик какой-то. Довольно молодой, лет сорок. Много – пятьдесят. По роже – не наш. Московский. Бледный такой. Он из своей тачки вылез, с Матвейчем за руку поздоровался, а потом из джипа такой шкаф вышел, видно охранник, и дверцу перед ними растворил. Ну, они и сели, а я дальше пошел...

– И все? – вновь залились деды.

– А чё еще-то? – пожал плечами тот.

– Может быть, вы чего-нибудь заметили? Услышали? – пришла на помощь я.

– Да ну, еще лезть к ним, – буркнул мужик. – Я, как такую петрушку увидел, здороваться сразу передумал. «Мерс» вроде бронированный, охранники с пушками...

– А Матвейч тоже со своим ружьем был? – еле сдерживая хохот, поинтересовался один из моих дедков.

– Ничего больше не скажу, – окончательно обиделся рассказчик.

– Ну пожалуйста! – Я добавила в голос бархата и широко улыбнулась.

– Дык и слышать там было нечего, они сразу в машину сели, – неохотно признался мужик. – Единственное, что... дедушка ваш, когда руку этому мужику пожимал, сказал ему: «Ну, привет, Гагин!» А дальше – они уехали. Очень быстро.

– Полное вранье! – хохотнули мои старички.

И я, пожалуй, с ними согласилась бы. Если б не эта фамилия, Гагин... Где-то я ее уже слышала...

Вечер на море сейчас совсем не то, что летом. И дело даже не в количестве звезд на небе, не в теплом ветре и не в курортниках, щеголяющих голыми телесами. Летом на море какая-то совершенно другая атмосфера, гремучий коктейль из флирта, раздолбайства и разудалых казацких песен. А зимой тут – словно в тибетском монастыре. Величественно, холодно, пусто и постоянно тянет думать о вечном.

...Когда смерклось, я отправилась бродить по набережной – настоящая одинокая дама на морском берегу, только собачки, как у Чехова, не хватает. Вечер был, особенно в сравнении с Москвой, почти теплым – градусов десять с плюсом, но холодный ветер с моря (кажется, дед называл такой «морячком») сводил на нет все мои попытки насладиться прогулкой. Приходилось не вальяжно вышагивать, а двигаться резво, спортивной трусцой. Зато голова, спасибо бодрящей прохладе, свежая, мысли так и кипят.

Значит, все дедовы рассказы – про чудесное спасение в шторм, про лотерейный билет и про огромный выигрыш – оказались чистой воды выдумкой. Не полагаясь только лишь на его приятелей по причалу, я не поленилась прогуляться и до местной сберкассы. Сняла с кредитной карточки денег – номер в «Морской розе» оказался недешев, а заодно побеседовала со словоохотливой кассиршей. Увидела, что к ее окошку приляпаны билеты лотереи «Золотой сундучок», и спросила:

– Хорошая вещь? Выигрывают люди?

– Выигрывают, – закивала кассирша. – На той неделе Борька со Школьной улицы аж тыщу рублей взял.

– Подумаешь, тыща... – напустила я на себя богемный вид.

– А что, это не деньги, что ли? – обиделась дама. – У нас в поселке пенсии немногим боле... – И тут же подпустила шпильку: – Ну, вы-то в своей Москве в золоте купаетесь.

– Может, кто и купается, только не мы, – обиделась, в свою очередь, я. И вернула разговор к прежней теме. – А *больше* тысячи у вас кто-нибудь в этот «Золотой сундучок» выигрывал?

– Вот дался он вам! – вздохнула кассирша. И тут же сменила тон на подозрительный. – А чего это вы все выпрашиваете? Мы вообще-то такую информацию разглашать права не имеем. Тайна выигрыша.

– Можно подумать, я у вас адреса выпрашиваю тех, кто победил. Просто у меня с деньгами напряженка, вот я и подумала: может, купить с десяток билетов? Вдруг повезет?

– Потратишь пятьсот – выиграешь от силы сто, – мгновенно отреагировала кассирша.

– А говорят, тут, в Абрикосовке, один старик целый миллион выиграл. Долларов, – задумчиво произнесла я. – И огромную виллу себе построил.

– Это ты, наверно, про Шадурина, – усмехнулась кассирша.

– Не знаю, про кого, – открестилась я от деда. – Просто услышала случайно, как люди на Набережной болтали.

– Про него, про него. Тут про его миллионы все знают. Только Шадурина этот «Сундучок» не всучишь – сколько раз пыталась, когда он пенсию получал. Один раз только и удалось – и то когда у меня сдачи не было. Так он потом, когда проиграл, еще и ворчать приходил. Что я его в обираловку втянула. Нет. Его миллионы не с лотереи. Он на другом разбогател...

– На чем? – наострила уши я.

– Откуда же мне знать? – развела руками тетенька. – Мы тут только счета открываем, а декларацию о доходах не спрашиваем.

Чесался у меня язык спросить, много ли на дедовских счетах денег, но я удержалась. Уж этого-то кассирша точно не скажет, только лишние подозрения на себя навлечешь.

И я покинула сберкассу.

Заглянула в крошечную, расположенную по соседству будочку под громкой вывеской «Транспортное бюро» и приобрела себе билет на самолет на завтрашний вечер. Можно было и сегодня улететь, но я

осталась из принципа. Потому что в «Морской розе» с меня содрали за двое суток постоя – сказали, что у них такой «минимальный заказ». Ну и подход! А еще написали на вывеске: «Гостиница европейского типа». Тоже мне, Европа. Не радовать же вымогателей досрочным отъездом! Лучше вечерком по набережной прогуляюсь. И в какой-нибудь местный ресторанчик схожу. А завтра – ровно в двенадцать, в расчетный час – в путь.

К тому же мне никак не давал покоя сегодняшний рассказ о том, как в Геленджике дед якобы встречался с каким-то богачом на «Мерседесе». Сроду у старика не было таких знакомцев, он всегда декларировал, что с нуворишами принципиально не общается, чтоб те «не унижали его своим богатством». А тут вдруг и руку жмет, и в машину садится. Можно было списать эту историю на очередной *абрикосовский треп*, когда б не та фамилия, которую назвал мужик. «Привет, Гагин!» – вроде бы сказал ему дед.

Фамилия мне сразу показалась знакомой, и ближе к вечеру я наконец вспомнила, где ее встречала.

«Д. Гагин. Кораблекрушение». Оборванный мужик в бурном море, вцепившийся в обломок доски. Картина на дедовой вилле – та самая, что прикрывает сейф. Могло ли быть, что дед встречался в Геленджике именно с этим художником?.. Наверно, могло, тем более что его картина висит у деда на самом почетном месте, почти как Айвазовский – и тот только рядом. Но позвольте, сроду я не встречала живописцев, чтобы те рассекали на новых «Мерседесах», да еще и с охраной. Даже Церетели, по-моему, скромнее, хотя его творениями вся Москва заставлена. А про этого Гагина я раньше и не слышала никогда...

В общем, непонятная история. Гагин на «Мерседесе» – это кто-то из дедовых приятелей? Но мужик с причала сказал, что тот довольно молод, лет сорок-пятьдесят. Для друзей – слишком большая разница в возрасте. Может, старик ведет с ним какой-то криминальный бизнес? Скажем, поставляет на своей «Катти Сарк» наркотики откуда-нибудь из Турции?..

Но едва я представила своего деда – всего в морщинах, в неизменном камуфляже и с простодушной хитринкой в глазах – в роли наркокурьера, как чуть не расхохоталась. Во-первых, не его это дело. А во-вторых, чего же он раньше ничем подобным не занимался? С делами завязал еще до перестройки, до семидесяти семи лет гордо

перебивался на свою грошовую пенсию... Продал квартиру и, пока строился его первый дом, ютился в какой-то землянке... Тоже не сходится.

Ну и старик! Вот задал задачку!

Фланируя по продуваемой всеми ветрами набережной, я изрядно замерзла. Никаких приятных ресторанчиков, в которых я собиралась спокойно поужинать, на моем пути тоже не встретилось. Точнее, их было полно, но все заколочены – на сезон. В единственной открытой «точке» дым стоял коромыслом – сплошь мужики, накурено, в магнитофоне надрывается какой-то блатной певец, звенят стаканы. Чеховская Дама с собачкой в подобное место точно бы не пошла.

И тогда я свернула прочь от кромки прибоя. Метрах в пятистах в сторону от моря, я знала, находится санаторий, который работает круглый год. Ездят туда сплошь одинокие дамочки, иногда в сопровождении малышей. На его территории, во-первых, есть шикарный парк с вековыми дубами и эвкалиптами, и наверняка в нем, в отличие от Набережной, безветренно. А во-вторых, имеется кафе – очень скромное, с вареными яйцами под майонезом и салатом «Весна» (свежая капуста, масло постное нерафинированное). Зато дешево и никаких лихих джигитов.

...Но только дойти до парка я не успела. Когда пересекала огромный пустырь, на котором летом пасутся коровы и торгуют семечками и вареной кукурузой, мне навстречу откуда-то из потемок выдвинулась крайне неприятная компания. Подростки. Пять человек. Все крепко сбитые, лобастые – типа моего брата Макса. Но только у этих, в отличие от него, глаза злые. *С огоньком беспредела.* Сердце у меня заметалось. Что им нужно? Познакомиться? Кошелек? Или и то, и другое?

Мы неумолимо сближались – не бежать же от них! Во-первых, некуда, а во-вторых, только хуже будет. Я уже слышала исходящий от подростков неприятный запах – смесь пота, дешевых сигарет и агрессии – и проклинала себя за все. За поездку в Абрикосовку. За то, что не улетела домой еще вчера или хотя бы сегодня. И за то, что меня понесло в это дурацкое санаторное кафе. Не могла, что ли, в гастрономе, который как раз возле «Морской розы», что-нибудь на ужин себе купить?!

Я услышала, как кто-то из подростков глумливо произнес: «Глянь, овца!» – и вся компания противно расхохоталась. Может, все-таки побежать? Но я совсем не умею бегать, у меня еще в школе с физкультурой всегда проблемы были, а уж сейчас – тем более...

И в этот момент за моей спиной раздалось:

– Наташа! Дочка! Вот ты где!

Голос был женским, сильным и властным. Подобным тоном говорят только учительницы – я и сама так умею, но только не с подростками на темном пустыре, а со своими студентами.

Я, хоть и не Наташа, обернулась и увидела, как мне навстречу решительным шагом движется крепко сбитая, коренастая женщина.

– Я тебя повсюду ищу, где тебя носит? – сердито произнесла она.

– А Наташа ваша приключений ищет. На свою ж...у, – заявил один из подростков.

И его спутники снова противно заржали. Явно – пьяные. Или обкуренные.

Женщина тем временем приблизилась ко мне и, хотя мы раньше никогда не встречались, по-хозяйски схватила за руку, приказала:

– А ну немедленно домой!

И при этом слегка подтолкнула меня локтем: подыгрывай, мол.

– Да ладно, мам! – противным голосом заныла я. – Я ж просто в кафе хотела зайти, в санаторном парке!..

– Я тебе дам кафе! – рявкнула она.

И под отвратительный хохот подростков мы быстрым шагом пошли прочь – обратно, к морю.

Впереди очень быстро показались огни набережной. Мерзкая компания осталась за нашими спинами на пустыре. Я облегченно вздохнула. Женщина по-прежнему держала меня за руку – так крепко, что у нее костяшки пальцев побелели.

Я осторожно высвободилась. Тихо сказала:

– Спасибо вам...

Она слабо улыбнулась:

– Ты не обиделась?

– На что?

– На мою, – женщина снова усмехнулась, – художественную самодеятельность?

– Да уж, – хмыкнула я, – давненько на меня никто не покрикивал!

– Ты, оказывается, совсем взрослая... – задумчиво произнесла она. – А со спины мне показалось – девчонка. Я так за тебя испугалась.

– Да у меня самой до сих пор коленки трясутся, – призналась я. – Я с подростками обращаться умею, но эти парни, по-моему, обкуренные. Так что ваша помощь пришлась очень кстати. Откуда вы взялись? Будто с неба упали!

– Я на набережной сидела, на лавочке, – отчиталась женщина. – Увидела, как эта компания с пляжа вывалилась – и на пустырь. Пьяные, матерились ужасно. А минут через десять ты мимо прошла. Куда ж она, думаю, сейчас точно на них наткнется... Ну и побежала за тобой. Как тебя на самом деле-то зовут? А, дочка?

– Машей.

– А я – Ангелина Петровна. Можно просто Геля. Я, по-моему, ненамного тебя и старше. Уж на мою дочку ты точно не тянешь.

– Мне двадцать восемь.

– Я всем говорю, что мне двадцать девять, – подмигнула она. – А на самом деле, страшно подумать, на будущий год будет сорок... Ты, я так понимаю, не местная?

– Нет, я из Москвы. А вы?

– Я из Краснодара. Поправляю здоровье в местном санатории.

– Значит, вам все равно через этот пустырь идти? – испугалась я. – А если эти козлы все еще там?!

– Да уж как-нибудь дойду, – не очень уверенно произнесла она. – В крайнем случае еще какой-нибудь спектакль разыграю...

– Ни в коем случае, – покачала я головой. И предложила: – Давайте лучше до «Морской розы» дойдем. А там всегда такси стоят. И доедете без всяких приключений. Я, разумеется, заплачу.

– Платить за меня не надо, – решительно отказалась Геля, – но идея хорошая. Давайте прогуляемся. Можно было бы и кофе вместе выпить, только тут, по-моему, негде.

– Почему негде? – осенило меня. – Давайте в моем номере. Я в «Морской розе» остановилась.

– Бесстрашная вы девушка, Маша, – укорила меня новая знакомая. – По пустырям ночами расхаживать не боитесь, постороннего человека к себе в номер зовете...

– Разве вы посторонняя? – в тон ей ответила я. – Вы ж моя мама... – И для поддержания разговора поинтересовалась: – А чем вы

занимаетесь? В смысле, по жизни?

– Я переводчик.

– Мы почти коллеги! – просияла я. – А с каких языков?

– Английский, французский.

– Вот как! – И я с легким столичным пижонством перешла на английский: – Что именно вы переводите? Книги, фильмы или на переговорах?

– А я за все берусь. Но предпочитаю синхрон, – пожала она плечами. И тоже перешла на английский: – Последний заказ – возила по нашим полям американских фермеров, они приезжали опыт перенимать.

– А у нас есть что перенимать? – удивилась я.

– Клубника растет лучше. И черешня тоже. Про виноград я и не говорю, – со знанием дела откликнулась Ангелина Петровна. – А уж вкус вообще не сравнить.

– Только живем мы почему-то беднее, – усмехнулась я. И заметила: – У вас такой интересный акцент. Сразу видно, что в Америке долго жили. Штат Вашингтон. Я угадала?

– Почти. Монтана.

– Вау! А у меня подружка оттуда. Из Миззулы. Вот тесен мер!

– Ну, вашу подружку я, скорее всего, не знаю, – улыбнулась Геля, – а в Миззуле бывала неоднократно. Удивительно скучный городишко.

Я скривилась:

– В Абрикосовке, конечно, веселее. Сплошные приключения. До единственного кафе с боем надо прорываться. А вы в Америке замужем были – или как?

– Или как, – усмехнулась она. – Точнее, замужем я была, но за нашим, за русским. И в Америку мы подались вместе сразу после института. Как говорится, за лучшей долей. Ох, молодыми мы тогда были, наивными... – Геля мечтательно улыбнулась.

– Расскажите! – попросила я.

– А что тут рассказывать. Девяностый год, в России – непонятно что. У меня – диплом переводчика, добро пожаловать в школу, учителем иностранного. Муж – свежее испеченный инженер, ему только в КБ, младшим научным, зарплата – копейки. А у мамы в Америке двоюродная сестра жила, она и предложила нам: вроде как ветер

перемен, и статус беженца получить легче легкого. Мы загорелись. Год готовили документы, ходили по собеседованиям, пришлось от гражданства российского отказываться... Но все-таки уехали. Как нам тогда все однокурсники завидовали – и мои, и мужа! Да мы и сами, когда самолет в Чикаго приземлился, едва не рыдали от счастья. Муж, как сейчас помню, все восклицал: «Гелька, ты веришь?! Мы прилетели в Америку! В самую Америку!!!»

Мы с ней тем временем уже подошли к «Морской розе».

– Не передумали насчет кофе? – спросила я Гелю.

– Да неудобно, я, наверно, поеду... – засмущалась она.

– Что ж тут неудобного, если в *этой стране* даже кофе больше негде выпить? – возмутилась я. – К тому же мне так хочется про вашу американскую эпопею послушать!

Я взяла ключ, мы поднялись в номер. Чайник, чтобы вскипятить воду, здесь был, кофе я привезла с собой. А вот стаканов не оказалось вовсе – хорошо, что у меня в сумке пластиковые обнаружили, я их по российской привычке на всякий случай из самолета прихватила.

– Прошу извинить за такой сервис. – Я протянула гостю пышущий паром несолидный стаканчик. – Кофе, к сожалению, тоже не лучший. Изготовлен, кстати, здесь, в Краснодарском крае. Тимашевск, улица Гибридная. Сами понимаете...

Она отхлебнула, усмехнулась:

– С американским все равно не сравнить. Вы просто не представляете, какое там подают пойло! Причем что в автомате, что в самом лучшем кабаке.

– Я смотрю, вы теперь патриотка! – усмехнулась я.

– Да какая там патриотка! – отмахнулась она. – Я разве спорю: в Америке жизнь куда лучше. Более сытая. Более богатая. Более размеренная. Но лично мне – ох как там скучно было...

– Карьера, наверно, не сложилась, потому и скучно, – безжалостно отрезала я.

– Да карьера, в том-то и дело, сложилась. Вполне, – возразила Геля. – Мы ж на самом пике приехали, когда Россия у них в большой моде была. Многие русский язык учили, чтобы Солженицына в подлиннике прочитать. Мне удалось в школу устроиться преподавать русский язык, для эмигранта это вообще неслыханное везение. А муж сначала техником работал, а потом, когда тесты по английскому сдал,

попал на инженерную должность. По своей собственной, родной, специальности. Только с совсем другой зарплатой. Поэтому мы уже через пару лет без проблем получили кредит и смогли позволить себе и ребенка, и дом, и две машины...

– Моя мечта, – призналась я. – И чего же тут скучного?

– А вот вы представьте, Машенька, – горячо произнесла Геля. – Жили мы в Хелене, это, если не знаете, столица штата Монтана. Столица, звучит гордо, понимаете? И каждое утро, когда я шла на работу, мне нужно было пройти мимо двух магазинов и одного ресторана. И каждый – понимаете, каждый! – день их хозяева говорили мне одно и то же. До сих пор помню, хотя столько лет прошло: «Отличная сегодня погода, Геля!» – это первый. «Когда б не налоги, жизнь была бы просто прекрасной!» – второй. «Заходите вечером на восхитительный бифштекс!» – это третий.

– Как мило! Разве лучше, как в Москве, – никто никого не знает? И никогда не здороваются?

– Лучше, – горячо произнесла Геля. – Знаете, как меня бесило, что они все знают? Мы с мужем, например, оба курили. А в Америке насчет этого дела полное сумасшествие. Сейчас, говорят, вообще дошли до того, что зарплату курящим снижают. Ну, когда мы там жили, такого еще не практиковали, но прессинг был жуткий. «Гелия, я вчера видела, как вы курили на террасе!» – «И что? Разве это не мое личное дело?» – «Конечно, конечно, это ваша privacy, но ведь дым шел прямо в мое окно!» А до ее окна, до соседнего дома, минимум сорок футов. Кошмар...

– Ну и бросили бы курить. Это уже нигде не модно, – пожала плечами я.

– Бросишь курить – они еще к чему-нибудь прицепятся, – вздохнула собеседница. – Американцы ведь во все, понимаете, вообще во все лезут! Мы как-то с мужем погавкались, целый вечер друг на друга орал, так на следующее утро к нам комиссия пришла! Из муниципалитета. И стали спрашивать, не хочу ли я подать жалобу на harrasment!

– Можно подумать, лучше, когда муж за женой с топором гоняется. А соседям наплевать.

– Ох, не знаю, Маша, что лучше... – задумчиво произнесла Геля. – Лично мне в Америке было сытно, но так тоскливо... Соседская кошка

порезала лапу – происшествие. Бейсбольный матч между местными командами – событие. А уж когда Техасский балет приехал на гастроли – и вовсе, культурный шок мирового масштаба! А вы когда-нибудь видели Техасский балет?!

Пришлось признать:

– Видела. Они и в «Большой» на гастроли приезжали. Кошмарное зрелище.

– Вот именно. Корова на корове. А в нашей Хелене их спектаклем потом два месяца кряду восхищались.

– Зато в Америке стабильно, – не сдавалась я. – И цены не скачут. И можно проснуться и быть уверенной, что завтра не будет ни дефолта, ни путча.

– Да уж, стабильно, – хмыкнула Геля. – Только мои однокурсники, нам тогда, семнадцать лет назад, завидовавшие, сейчас кто заводом владеет, кто частной школой. А мы остались очень средненьким средним классом.

– Знаете, у меня впечатление, – пошутила я, – что вы в КГБ служите. В каком-нибудь отделе пропаганды. И выполняете задание партии и правительства по патриотическому воспитанию молодежи.

– Да уж воспитаешь вас, молодежь... – покачала головой она. – Мой сын такой же, как ты, упрямый. Все упрекает нас: как, говорит, вы могли из Штатов уехать?! Как теперь от армии мне отмазываться?

– Вот именно. А жили бы в Америке – никаких проблем.

– Я смотрю, Маша, вы их образ жизни так защищаете, – вздохнула Геля. – Тоже небось мечтаете в Америку уехать?

– Пытаюсь, – кивнула я. – Я по специальности литературовед, хочу грант на аспирантуру получить.

– Что ж, каждый должен набивать собственные шишки. Удачи вам. Отговаривать не буду, – задумчиво произнесла она. – Только мой совет: не засиживайтесь в этой Америке. Съездите, посмотрите, отточите английский... И возвращайтесь.

– Все равно там лучше, – упрямо произнесла я. – Ну что хорошего – жить в Краснодаре? Отдыхать в Абрикосовке? В каком-то занюханном санатории?!

– Маша, да я не спорю. У нас тоже жизнь не сахар. Мне просто жаль... – Она сделала паузу. – Себя жаль. У меня была большая мечта. Как я, красивая, молодая, живу в Америке, молодой, красивой стране,

делаю прекрасную карьеру, и у меня совсем особенная, необычная и очень интересная жизнь... Но оказалось: жизнь в Америке такая же. Только скучнее. А годы прошли. Мне уже сорок лет, и ничего теперь не изменишь.

Она встала.

– Что ж, спасибо большое за кофе. Я, пожалуй, побегу.

В то же самое время. Ася

Ася кормила Никитку собственноручно изготовленным пюре из брокколи и вела с ним беседу. Говорила в основном сама, потому что ребенок, кроме пресловутого «фи-ис», пока освоил лишь несколько слогов. Да и ее речам сын, по правде сказать, внимал без особого рвения, все время отвлекался то на голубя за окном, то на магнитик, прилепленный к холодильнику. Или еще занятие, самое с его стороны свинское, – плевать капустой так, что брызги по всей кухне.

Но Ася все равно продолжала говорить и говорить, во-первых, таким образом в младенцах развивается речевая культура. А во-вторых, ей больше и поболтать не с кем. Муж возвращается с работы поздно и обычно такой злющий, что почтешь за благо подать ужин и ретироваться из мрачной кухни с вечным телевизором к ясну-солнышку Никитке. Родители все в своих заботах, брат Макс сутками пропадает на теннисных кортах, а Машка и вовсе сбежала из Москвы. Подумать только: уехала *разбираться с дедом!* Подводить под *чашу* научную основу. По ее основательному подходу сразу видно, что она кандидат наук...

– Вот в этом вся Машка и есть, понимаешь, Никитка, – серьезно обратилась Ася к ребенку. – Никак смириться не может, что Максово желание исполнилось, и мое тоже, а у нее ничего не вышло.

Сын на секунду отвлекся от нового увлекательного занятия – ворошить пальцами в мисочке с брокколи – и важно ответил:

– Дя.

– Я рада, что ты согласен, – улыбнулась она.

В миллионе книг читала, что дети в Никиткином возрасте не воспринимают сложноподчиненных предложений и тем более не

понимают взрослых разговоров, но все равно так хочется верить, что сынуля участвует в их беседе на равных!

– ...И нет бы отнестись к чаше как к веселой игрушке! Наплевать и забыть! Или, на худой конец, загадать другое желание! – вдохновенно продолжала Ася. – Но ей же во всем самой разобраться надо!

– Ф-фу-у! – отреагировал Никитка.

И фыркнул капустой так, что кляксы аж до стен долетели.

– Я понимаю, что «фу», но плевать не надо, – строго сказала Ася, поспешно смахивая кляксы салфеткой. Не дай бог, муж увидит: опять начнет бухтеть, что она никуда не годная хозяйка.

– Давай, зайка, еще пару ложечек... Не кривись, две, только две, понимаешь, один и два! – Ася ловко всунула в недовольно скривленный ротик еще одну порцию ненавистной, но крайне полезной капусты, и продолжила: – А что Машке дед может рассказать? Наплетет очередных баек – и дело с концом. Она только зря время потратит. И деньги опять же немалые... Одни билеты сколько стоят!

С пюре из брокколи наконец покончили.

– А теперь у нас клубника со сливками! – триумфально объявила сыну Ася.

Клубнику со сливками в домашних условиях до состояния пюре не перетрешь – ее приходилось покупать в баночках. Опять же, к вящему неудовольствию мужа, потому что каждая порция обходилась рублей в сорок.

– Что, право, за пижонство! Покупай яблочное! Оно дешевле, – возмущается Мишка.

А на то, что Никитке от яблок кисло, ему плевать. Сам-то на бизнес-ланчи в рестораны ходит. И вообще львиная доля их расходов – это его рубашки, галстуки, заколки к галстукам, часы, кожаные ежедневники, дорогие ручки, шерстяные шарфы, пуловеры и джинсы для пятничного casual, парадные ботинки для офисных вечеринок, носки для каждого костюма по восемь пар... А когда Ася на зимней распродаже порадовала себя яркой кофточкой от модного модельера, он ей целый скандал закатил. Не потому, что одежда стоила дорого, а потому, что трата бессмысленная.

– Куда тебе в ней ходить? В поликлинику? На молочную кухню?!

Мишку послушать: раз ты не работаешь, значит, можешь выглядеть полным крокодилком. А давно ли были времена, когда он ей на каждом свидании цветы дарил? Нежно, словно самую великую драгоценность, целовал руку? Стихи писал?.. И пусть образованная Машка и называла его поэзию бессовестным плагиатом, а все равно было приятно.

А сейчас про цветы, не говоря уже о стихах, даже думать смешно. Последний букет от мужа Ася получила при выписке из роддома – и то его тюльпаны вперемешку с нарциссами выглядели более чем скромно, другие мамы с роскошными корзинами уходили, а для самой счастливой родительницы отец пригнал ко входу новенький, весь в ленточках, «Мерседес».

– На машину не претендую, а от корзинки роз тоже бы не отказалась! – упрекнула тогда мужа Ася.

И получила неподражаемый ответ:

– А зачем тебе целая корзина? Только деньги зря тратить. Все равно через два дня завянут.

И с тех пор – а Никитосу-то уже девять месяцев! – ни единого цветочка.

Пока сплошной горячкой летели первые, самые тяжелые, месяцы, Ася о цветах и не вспоминала. Разве до них, когда у младенца то колики, то бессонница, то диатез, то насморк?! Но сейчас, когда Никитка подрос и, спасибо дедовой чаше, стал наконец спать ночами, у Аси появилось время по-новому взглянуть на отношения с мужем. И картинка, увы, получилась самая неутешительная.

У Мишки – своя жизнь, у нее – своя. И все Асины попытки свести эти две параллельные жизни воедино натываются на бетонную стену. Приготовила недавно романтический ужин при свечах, а Мишка, не предупредив, задержался на работе. И телефон отключил. Вернулся только к полуночи, усталый, когда свечи давно уже догорели. Есть ничего не стал, да еще ворчал, что она всю квартиру воском провоняла. А однажды она с мамой договорилась, что та Никитку на весь вечер заберет. Ждала этого дня, как праздника, билеты в кино купила, а Мишка за полчаса до сеанса позвонил, что у него срочные переговоры, «позови на мой билет кого хочешь, хоть Машку». А как ее позовешь, за полчаса-то?! Вот и пришлось сидеть в киношке одной и

ронять слезы в пиво, которое она, назло зануде-мужу, взяла с собой в зрительный зал...

И главное, Мишку особо и упрекнуть не в чем. Хотя муж и ворчит, что она транжирка, а зарплату отдает ей по-прежнему. Приходит домой, пусть и поздно, но всегда трезвый. Ребенка не обижает. На нее руки в жизни не поднял... В общем, по выражению Маши, «не пьет, не курит, матом не ругается, а такая сволочь!».

Но самый обидный из всех мужниных грехов – он как-то так в последнее время держится, что поневоле чувствуешь себя полной дурой. Упрекает, например, что она *темная*. Ни про последние премьеры не в курсе, ни песен модных не знает. Можно подумать, у Аси время есть хотя бы *читать* о тех премьерах. А радио она и вовсе не включает, потому что малышу эти все бумс-бумс-бумс не полезны. В его возрасте нужно Моцарта слушать. И детские песенки типа «Улыбки» или «Антошки».

– А уж этот твой халат – просто слов нет! Только бигуди для полноты картины не хватает, – возмущается муж.

Про халат Ася и сама знает – с тех времен, когда еще было время читать глянцевые журналы. И конечно, очень полезно для освежения семейных отношений – ежевечерне встречать Мишку не в домашней униформе, а в роскошном пеньюаре. Но только до пеньюара ли, когда за день иногда и на секунду не присядешь? То с малышом крутишься, а когда он спит – по хозяйству. К тому же Никитка постоянно просится на руки, а у него зубки режутся, и слюни – просто рекой. Какой уж тут пеньюар...

В общем, никакой в их жизни нет романтики.

И Мишке, похоже, без нее хорошо. Когда Ася однажды попеняла ему, что она себя *женщиной* чувствовать перестает, муж удивленно ответил:

– А какая ты женщина? Ты – мать.

Спасибо, конечно. Но так хочется, чтобы мужчина – муж! – хотя бы иногда взглянул на тебя с нежностью. Коснулся руки горячими губами. Или подарил цветы...

– Никитушка! – ласково обратилась к сыну Ася. – А ты мне цветы подаришь? Когда подрастешь?

Сын оторвался от увлекательного занятия – он дул внутрь пустой кофеварки, та гудела, а малыш восхищался отвратительными

утробными звуками. Внимательно взглянул на маму. И серьезно ответил:

– Дя.

А еще говорят, что младенцы ничего не понимают!

Но сколько еще ждать, пока Никитка вырастет...

Макс

Когда тебе шестнадцать, быть философом трудно. Какая уж тут философия, если нет ни жизненного опыта, ни бороды. Да и вместо бочки, как у Диогена, хоть и крошечная, зато отдельная комната... Но когда перед глазами постоянно маячит чаша – шанс на что-то большее, лучшее, счастливое, – поневоле голову сломаешь. Макс уже который день копил мозги над разными, спасибо деду, философскими вопросами: а вот это желание морально или нет? А вот это исполнится – или чаша над ним просто посмеется, как посмеялась над Машкой?

Старшую сестру, бедную, похоже, подобные мысли просто истерзали. До такой степени, что она опять перебрала своих студентов на коллег и отправилась в Абрикосовку, спрашивать совета у деда, что она неправильно делает. Машка и его с собой звала, но Макс, конечно, не поехал. Во-первых, потому, что у него график тренировок и турниров до денечка расписан. А во-вторых, какой от дедовых советов толк?! Нужно своей головой соображать.

Сначала Макс хотел поступить немудряще. Попросить у чаши банальный миллион долларов, а лучше – пару, и со спокойной душой уйти на раннюю пенсию. Хватит бесконечных тренировок с туманной перспективой, что когда-то он обскачет самого Сафина... Нужно остановиться, успокоиться, залечить травмы, закончить без троек школу и в теннис дальше играть только для души. Или, с миллионом-то долларов, свою теннисную школу открыть, сейчас даже жалкие перворазрядники строят из себя великих тренеров, а он все-таки мастер спорта.

Он уже даже чашу из серванта извлек, собрался это желание изложить, да в последний момент одумался. *Испугался* – вдруг, правда, все исполнится? Миллион долларов – это, конечно, просто супер, и «Субару» спортивную можно взять, и в Сьерра-Неваду кататься на

сноуборде уехать хоть на год. Но только как вдруг представил совершенно отчетливо, что он просыпается утром – и ему никуда *не надо*. Нет, без ранних пробежек под снегом и дождем Макс обойдется прекрасно. И без бесконечных тренировок, когда вставший не с той ноги тренер Михалыч на него матом орет, – тоже. Но больше никогда не поехать на турнир?! Не ждать с замиранием сердца результатов жеребьевки? Не ворочаться с боку на бок ночью, накануне матча с более сильным противником?.. И не пожимать, если победишь, его жесткую, злую от поражения руку?! С такой жизнью – просто с тоски умрешь. Ведь Марат Сафин, когда говорит, что «теннис – это круто», не гонит. Профессиональный теннис – правда, куда круче любой «Субару» и самой что ни на есть Сьерра-Невады. А еще лучше, когда можешь купить лихую гоночную тачку на гонорары от своих сногшибательных побед...

«Тогда, значит, нужно чашу просить, чтобы я выигрывал? Выигрывал всегда?»

Но только что значит – *всегда*? Ведь даже непобедимый Федерер – и тот иногда сливает... Тоже, как сказала бы Машка, *некорректная формулировка*.

Или попросить, чтобы чаша помогла ему во взрослый рейтинг Эйти-пи попасть? Лучше сразу в первые три сотни? А ведь тоже не факт, что такое желание исполнится. Хотя бы потому, что про выигрыш в турнире чаше еще можно растолковать, тут только дурак не врубится, но *поймет* ли она, чаша, что такое рейтинг? Вдруг железка *не въедет*, будет тогда очень обидно, Машка вон уже сколько дней вся смурная ходит, что ее желание не исполнилось...

Может, заказать, чтоб у него все старые травмы волшебным образом зажили? И колено, и голеностоп, и выбитое правое плечо? Тоже хорошее желание. А иногда еще хочется попросить, чтоб тренера Михалыча из Федерации тенниса поперли – уж очень достал его, Макса, придирается постоянно и матом кроет, а прогресса не видно. Да и чтобы Милка Безухова из десятого «Б» с ним наконец в киношку сходила, как обещала, тоже бы очень хотелось...

В общем, хороших идей много, но ни одной такой, чтоб была полная уверенность: чаше она придется по душе.

Макс даже ночами часто просыпался, выходил в гостиную. Доставал дедов подарок, садился в кресло, ставил его себе на колени.

И долго в темноте, при одном лишь свете уличных фонарей, разглядывал потемневшие от времени бока. Рассматривал украшавшие их картинки: какие-то бессмысленные всадники, гладиаторы, перцы в латах... Пытался разобраться в письменах. И все ждал, что чаша вдруг сама по себе засияет тем загадочным светом, о котором рассказывал дед. И подскажет, что у нее попросить, чтоб гарантированно исполнилось...

Он даже с Аськой по этому поводу посоветовался: желаний, мол, полно, а что заказывать – непонятно. Думал, сестрица какую-нибудь дельную мысль выскажет. Но та неожиданно смутилась. Покраснела. И призналась:

– Ой, Макс, да я сама такая дура! Я ведь тоже все думала, думала, чего мне хочется, чтобы просто без этого жить нельзя! А в итоге – полный пшик.

– Какой еще пшик?

– Да я тут недавно к вам на квартиру заезжала... И такую ерунду у чаши попросила...

– Чего? – обратился в слух Макс.

Аська совсем уж запунцовела и выдала:

– Только тебе говорю. Потому что ты брат. Ни единой живой душе не болтай – обещаешь?

Пришлось, конечно, пообещать.

А сестра грустно сказала:

– Цветов. Я попросила всего лишь цветов.

Макс ошарашенно уставился на нее:

– Не понял...

– Мне так вдруг грустно стало, что Мишка мне никогда цветов не дарит... – потерянно прошептала она.

Брат не удержался – захохотал. И тут же осекся, потому что на глазах у сестры немедленно выступили слезы, а Никитка, ползавший по полу у их ног, верным песиком подобрался к маме и обхватил ее колени.

– Извини, – пробормотал Макс.

– Глупо, да? – всхлипнула Ася.

Никитка тоже начал подвывать, и ей пришлось взять его на руки.

– Глупо, – не стал спорить брат. – Как маленькая... Ты бы еще мороженого у чаши попросила. Или конфетку. Да хочешь, я тебе хоть

миллион этих цветов куплю?!

– Ты не понимаешь! – вскинула она голову. – Я и сама могу их себе купить! Но хочу, чтоб Мишка...

«Вот он козел, – мелькнуло у Макса. – Двести рублей на букет, что ли, жалко? Не зря Машка его на дух не переносит».

Но озвучивать свою мысль он не стал. Вместо этого спросил у сестры:

– Ну и как? Исполнилось желание?

– А ты не видишь? – Она махнула в сторону пустой вазы, красноречиво стоявшей на подоконнике.

И Макс понял, что он тоже дурак и дуболом. Приехал, Никитке очередную машинку привез, а сестре – ничего. Чего стоило хотя бы три тюльпанчика у метро купить?..

– Ладно, забыли, – попросила Ася. – А то Никитка всегда вместе со мной расстраивается... Слушай, а насчет твоего желания... Я знаешь вдруг о чем подумала? Ты попроси у чаши чего-нибудь уникального.

– Это как? – насторожился Макс.

– Ну, не абстрактно – *всегда* выигрывать. Или – пусть *все* травмы пройдут. А чтобы у тебя появилось то, чего нет у других. Какой-нибудь особый удар, например. Или чтоб ты бегать начал быстрее всех... Не знаю, что там у вас еще есть, я в теннисе не разбираюсь. Но идея следующая: попроси у чаши какую-то изюминку. Которая сразу тебя выделит из общего ряда. Знаешь, как в маркетинге – «уникальное торговое предложение».

Макс задумался. А ведь Аська хоть и девчонка, хоть и домашняя хозяйка, а чертовски права! Очень верно сформулировала.

Значит, попросить чашу о чем-то уникальном. Особый удар, особый удар, что это может быть?.. Ну конечно же, подача! Как я раньше-то не додумался?! Единственный удар, выполнение которого зависит только от тебя... Есть стабильная и мощная подача – все, на шестьдесят процентов ты уже победил. Как Марат Сафин по этому поводу говорит? «Я с пяти лет тренировался подавать неберущиеся мячи – и уже тогда мечтал стать эсовиком». Вот и пусть чаша сделает так, чтобы он, Макс, подавал сплошь эсы... Нет, слово «эйс» дедова хрень, наверное, не поймет. Тогда так, сформулируем еще понятнее: «Милая чаша! Самая быстрая подача в теннисе – 239,8 километра в

час, ее сделал Грег Руседски на турнире в Калифорнии очень давно, аж в 1998 году... Ты можешь организовать, чтобы я подавал еще быстрее? Скажем, со скоростью 250 километров в час?»

Вот все обалдеют, если это желание исполнится!. У Макса Шадурина, долгое время носившего позорное прозвище «Второподачник», вдруг обнаружили таланты, какие и Федереру не снились!

Тут уж к гадалке не ходи: о нем сразу заговорят, станут писать – не только в «Теннис плюс», но, может, и в самих «Молодежных вестях». Соперники начнут его опасаться, организаторы турниров станут выдавать *wild card*, спонсоры заинтересуются...

А дальше он все сделает сам.

– Спасибо тебе, Аська, – прочувственно произнес Макс. – Чумовая идея! Тебе нужно не этому козлу Мишке пироги печь, а свой бизнес строить.

– Какой уж мне бизнес... – слабо улыбнулась сестра.

– А насчет цветов не заморачивайся. Я к тебе теперь каждый раз буду с букетами приходить.

– И думать не смей! – замахала руками она.

– Посмею, – улыбнулся Макс.

И засобирился домой. Нужно заказать желание прямо сегодня. И тогда, может быть, уже завтра он, как говорится, проснется знаменитым.

На следующий день. Ася

Пандуса в их доме не предусмотрено, а Мишка, когда снимал здесь квартиру, на это даже внимания не обратил. Вот теперь и приходится в одной руке Никитку тащить, а это вместе с валенками и комбинезоном добрых десять килограммов. Ну а другой рукой волочь по ступенькам коляску. Иногда, конечно, на пути встречаются джентльмены – в основном среди немощных старичков, – но чаще таскаешь сама. Еще и консержка ругает, что коляской всю дверь поцарапала... А Мишка – Ася ему однажды поплакалась – только плечами пожал: «Подумаешь, беда! Меня мама вообще с пятого этажа в коляске таскала, без всякого лифта».

«...И, видно, уронила по дороге», – мелькнуло у Аси.

Но она, конечно, промолчала.

...Сегодня у них с Никиткой прогулка не задалась. День был ветреный, хмурый, по асфальту стелились вихри поземки, проезжающие по двору машины, как назло, постоянно сигналили, и спать в таких условиях малыш не захотел. И тут уж, как соску в рот ни суй, не уговоришь. И веселить его, когда он не выспался, тоже без толку. Сидит в коляске, личико кислое, и ни собачки его не радуют, ни дяди-дворники с лопатами, ни мамыны песенки, а между прочим, непросто на таком ветру-то орать... Кое-как побродили полчаса и отправились обратно домой. Рыцарей в подъезде опять не встретилось, коляску с ребенком пришлось волочь на себе, поэтому, когда они подходили к квартире, Ася выглядела распаренной, как после бани. Вот оно, женское, блин, счастье.

– Ф-фу, слава богу, дошли, – выдохнула она. Потянулась в карман дубленки за ключом. И в этот момент услышала строгий вопрос:

– Госпожа Шадурина?

– Гуляева, – автоматически поправила Ася. Она, как и положено верной жене, взяла фамилию мужа.

И только потом встревоженно обернулась.

К ней обращался мужчина, с виду вполне приличный. Но все равно: незнакомцы в подъезде – это всегда опасно. И как она не заметила, что на лестничной площадке кто-то стоит?! Это потому, что устала...

Ася тут же вернула ключи обратно в карман – как можно глубже – и спросила:

– А кто вы, собственно, такой?

– А разве не видно? – хохотнул собеседник.

И ткнул пальцем в огромную эмблему на своей куртке: какие-то коробки, чемоданы, поезд, самолет и два слова: «СЛУЖБА ДОСТАВКИ».

– Все равно не поняла, – покачала головой Ася. – Я ничего *доставлять* не просила.

– У-у! – радостно провозгласил Никитка.

Бесстрашно потянулся к незнакомому дяде и начал сосредоточенно терзать эмблему ладошками, если хоть где-то нитки ослабли, точно оторвет.

– Никитос, прекрати, – строго велела Ася.

– Да пусть, – беззаботно отмахнулся мужчина. – Оно казенное. – И протянул Асе какой-то бланк: – Распишитесь.

– За что?

– Сейчас принесу – увидите. У нас правило: по морозу заказ не тащить, сначала убедиться, что адресат дома.

– Не буду я расписываться непонятно за что! – совсем уж рассердилась Ася.

Эмблему службы доставки нарисовать несложно. Любой свидетель Иеговы такой может обзавестись. А также цыган и прочий сектант, из тех, что ходят по квартирам, опаивают людей дурманом и крадут сбережения с драгоценностями.

– Буду через три минуты, – тем временем предупредил мужик.

И пошагал к лифту. Ася же, дождавшись, пока двери за ним захлопнутся, ворвалась в квартиру, щелкнула замком и немедленно позвонила на мобильник Мишке:

– Извини, что отвлекаю. Ко мне тут курьер пришел... Ты что-нибудь заказывал?

– Господи, Ася! – раздраженно ответил муж. – Вечно ты с какими-то глупостями. Ничего я не заказывал. Еще вопросы будут?

– Да нет у меня к тебе вопросов! – обиженно пробурчала она, правда, только после того, как вернула трубку на рычаг.

А в дверь тем временем уже звонили.

Ася вместе с Никиткой выглянули в глазок.

– Дя-дя! – весело сообщил ребенок.

Он совсем не выглядел испуганным. А интуиция у Никитки, несмотря на юный возраст, исключительная. И вряд ли ему бы понравился сектант или иной лиходей.

Руководствуясь этой во многом иррациональной логикой Ася и распахнула дверь. И тут же недоуменно выдохнула:

– Ой!

Отступила на шаг назад. Изумленно хлопала глазами. А Никитка, все еще у нее на руках, издал восторженный клич.

...И было чем восторгаться. Потому что в этот раз мужчина пришел не один – его сопровождали еще двое, в таких же куртках с эмблемами службы доставки. Но только лиц курьеров практически не было видно, потому что каждый из них держал по огромному букету.

Первый – сумасшедшее количество роз, красных, белых, розовых, числом явно больше ста. У второго в руках нежно сплелись светло-желтые лилии вперемешку с ирисами. А третий и вовсе сгибался под тяжестью массивной корзины, в которой в веселом художественном беспорядке золотились и ромашки, и петунии, и нарциссы, и бархатцы...

Ася никогда прежде не видела такой красоты. Фантастика. Просто слов нет.

– Поставить тут? Или занести? Говорите быстрее, тяжело ведь... – молвил первый курьер.

– Да... нет... то есть заносите, – растерялась Ася. И запоздало крикнула в спину вошедшим мужчинам. – А от кого это?

Но вопрос явно был лишним. Она уверена: цветы прислал Мишка! Он наконец понял, как ей нужна его забота. Его внимание и его цветы. И, конечно, его любовь.

Огромное спасибо дедовой чаше, что она помогла ему это осознать!

– Вот конверт. – Курьер с облегчением опустил свой букетище на кухонный стол и теперь потирал затекшие руки.

Конверт оказался красивым, плотным. Ася поспешно вытащила из него сложенный вдвое листок дорогой бумаги. На нем от руки было выведено: *«Ты самая лучшая на свете»*.

Она прекрасно помнила эти слова. Их когда-то давно, еще до свадьбы, говорил ей Мишка. Странно только, что сейчас записка написана совсем не его почерком...

В тот же день. Макс

Вечерние тренировки с Михалычем – это просто кошмар. Максов тренер и с утра-то сдержанностью не отличается, а уж к ночи, когда устанет, превращается в настоящего монстра, Фредди Крюгер отдыхает. «Где мозги потерял?» – самый невинный его вопрос. А «шевели лыжами, паралитик» – самое благожелательное требование. Просто перед людьми неудобно, потому что вечерами они тренируются в Академии тенниса «Натали», это модное дорогое

место, на смежных кортах постоянно играют симпатичные девчонки, и ловить их сочувственные взгляды Максимум отнюдь не в кайф.

Но с тренером не поспоришь, это один из первейших законов тенниса.

А сегодня Михалыч просто себя превзошел. И подает-то его ученик «хуже рахита», и на задней линии «представляет жалкое зрелище». Чес-слово, хочется не на игре сосредоточиться, а вкорячить ему ракеткой по башке со всей дури. Макс, конечно, не Макаренко, в педагогику врубается мало, но, по уму, с таким учителем проще офигеть, чем начать турниры выигрывать. Вон на галерее, что опоясывает разделенные сетками корты, какие-то дядьки скопились и глазуют на их игру, будто в цирк приперлись. А че, бесплатное развлечение. Весь вечер на арене жалкий клоун Максим Шадулин...

А уж когда Макс свою подачу проиграл, Михалыч и вовсе разразился сокрушительным монологом. На тему, что с таким теннисом надо не о взрослом рейтинге мечтать, а тренировать в подмосковном доме отдыха нетребовательных пенсионеров.

И где, спрашивается, то чудо, о котором Макс вчера попросил дедову чашу? Его подачу, конечно, здесь никто не измеряет, но и без автоматике видно: даже и ста семидесяти километров в час не набегает, меньше, чем у иных девчонок. Не говоря уже о чемпионских двухстах пятидесяти...

В общем, Макс едва дотерпел, пока большие часы, что прилеплены у основания галереи, не показали: время тренировки истекло. Облегченно отшвырнул ракетку. Устало раскинулся на стуле.

– Все очень плохо, Макс, – подытожил тренер. – Придется, видно, с фьючерса в Новосибирске сниматься. Лететь далеко, только зря на билеты потратимся.

Ага, щаз.

– Не хотите лететь – полечу сам, – пожал плечами Макс.

Надоело.

– Ну и вылетишь в первом круге, – ледяным тоном предрек тренер.

И, не прощаясь, двинул прочь с корта.

Но у самого выхода притормозил, потому что навстречу ему шли те самые дядьки, которых Макс давеча видел на галерее. Они что, играть пришли? Поздновато. Макс с тренером в целях экономии и так

арендуют самое позднее время, с двадцати трех до полуночи. Да к тому же у дядек нет ни ракеток, ни теннисных сумок. Впрочем, мало ли.

Макс начал поспешно собираться. Не хватало, чтобы на него еще администратор наорал, что он на корте сверх оплаченного времени околачивается.

И вдруг услышал:

– Максим! Подойди, пожалуйста, сюда.

Голос был Михалычев. И звучал – вот удивительно! – не просто ласково, а даже искательно. Какая муха его укусила?

Макс подвалил. С любопытством уставился на трех вошедших на корт дядек. Двое незнакомы ему абсолютно, а вот третьего он, кажется, где-то видел.

Этот, смутно знакомый, ему и подмигнул. Заговорщицки, будто старому приятелю. И панибратски поздоровался:

– Привет, Макс.

– Привет, – автоматически ответил Шадурин. И тут же поправился: – То есть здравствуйте.

А Михалыч поспешно представил:

– Это, Максим, если не знаешь, Станислав Андреевич Мерзлов.

Мерзлов? Сам Мерзлов?! Тот самый теннисный тренер, круче которого только Тарпищев?

Но почему бы и нет? Они ведь не в казино встретились! Почему бы Мерзлову не заглянуть в теннисную академию «Натали»? Только что ж за непруха?! Почему он пришел именно сегодня, когда Макс совсем не в лучшей форме? Что за позорную игру он ему показал?! Как назло, и подача не шла, и на задней линии жалкое зрелище...

Макс потупился.

– За игру свою устыдился? – проницательно поинтересовался Мерзлов.

Шадурин опустил голову еще ниже.

– Да уж... – задумчиво произнес великий тренер. – Смотрелся ты и правда неважно. Но я тебе могу шанс дать. Только один. Зато, если повезет, сразу реабилитируешься. Или проиграешь, это уж как получится.

– А чё делать надо? – встрепенулся Макс.

– Зря ты ракетку убрал, – откликнулся Мерзлов. – Ну-ка, достань ее. Вернись на корт и подай. Один раз. Для меня.

Михалыч, гад, только хмыкнул.

– Подай-подай, – повторил Мерзлов. И подчеркнул: – Один мяч. Единственный.

Макс покорно достал ракетку – и единственный, как просил знаменитый тренер, мяч. Обошел корт. Встал на задней линии – в любимом правом углу, оттуда ему подавать почему-то удавалось лучше, чем из левого. Рука с ракеткой, кажется, дрожала. Коленки тоже самым позорным образом тряслись. Сейчас точно будет аут. Или сетка. Или он попадет, но ударит, как любитель, который бьет не для того, чтобы *задавить* противника, а просто чтоб не промахнуться...

– У тебя все получится, Макс, – спокойно произнес Мерзлов.

А у Шадурина перед глазами вдруг мелькнула дедова чаша. Стоящая на своем законном месте, в гостиной, в серванте. В комнате, как он увидел, абсолютно темно, а бока чаши светятся ослепительным, космически синим светом.

И Макс, почти не целясь, в безумном прыжке ударил.

Он даже не успел посмотреть, как упал мяч, даже ракетку еще не успел опустить, а Мерзлов уже невозмутимо произнес:

– Попал. И скорость – сильно за двести. Молодец, Шадурин.

И Макс краем глаза увидел, как недовольно, будто у него любимую игрушку отняли, скривился Михалыч.

Тот же вечер. Ася

Мишка опять задерживался, но сегодня Ася на мужа совсем не злилась. Разве можно сердиться после такого подарка? Она теперь будто не в съемной квартире, а в настоящем дворце. Как в той песне: «Миллион, миллион, миллион алых роз...» Только у нее еще лучше.

Ася использовала все имеющиеся в доме вазы, но цветов было так много, что все равно пришлось еще и в трехлитровые банки их распахивать, а потом весь остаток дня гоняться за ползающим Никиткой, который так и норовил вытащить, понюхать, погрызть... Ну, Мишка выдал! Строгий, строгий, а насчет цветов мелочиться не стал.

Немного странно, конечно, что записка, приложенная к букетам, написана не его рукой. Но Ася быстро нашла этому оправдание: муж – человек занятой. И наверно, цветы не в магазине заказывал, а по Интернету. И платил за них кредитной карточкой. Разве у него есть время лично выбирать букеты и прикладывать к ним записку? Вот и получилось, что *его слова* написал для нее какой-нибудь клерк из флористической фирмы.

Не совсем понятно, правда, почему тогда Мишка на нее по телефону рывкнул. Логичнее было не раздражаться, а просто ответить как-нибудь позагадочнее: «Курьеров вызывал, но не для себя – для тебя». Но Ася и тут нашла ему оправдание: видно, некстати позвонила, Мишка небось на переговорах сидел, а тут она со своими вопросами. Ну ничего, когда он вечером придет домой, наверняка будет разговаривать с ней совсем по-другому.

Тем более Ася, чтобы соответствовать роскошному подарку, и себя в порядок привела. Никитку, чтобы не путался под ногами, в манеж – и вместо вечного хозяйства и маникюр сделала, и голову вымыла, и даже вытащила из заначки красивейший, купленный еще до родов, легкомысленный халатик алого шелка. В цветочном интерьере да вкупе с роковым макияжем и туфельками на шпильках – просто класс.

А когда Никитка после порции традиционных вечерних капризов уснул, Ася еще и свечи по всей квартире расставила, а постельное белье из скучного льна сменила на роскошный шелковый комплект. Чтоб совсем уж у них настоящий романтический вечер получился. Такой, о каких в женских журналах пишут.

И когда Мишка наконец позвонил в дверь, распахнула ее со счастливой, предвкушающей улыбкой, с радостным: «Привет!»... и тут же осеклась. Потому что первой фраза мужа была такая:

– Ты чего на себя нацепила?!

Окинул ее всю – от свежeweымытых волос до обутых в выходные туфельки ног – пристальным взглядом и повторил:

– Чего вырядилась-то? И размалевалась, как павиан?

– Тебе не нравится? – растерялась Ася.

– Я вроде не в бордель, а домой пришел, – дернул плечом муж. И нагнулся расшнуровывать ботинки.

– А я думала... у нас с тобой романтический вечер будет, – пролепетала она.

– Господи, Ася, давай не сегодня! – раздраженно откликнулся он. – Я устал, как собака. Ужин есть?

Он снял дубленку, равнодушно отстранил Асю, прошел в кухню... и замер на пороге.

Ася – она чуть задержалась в коридоре – услышала его дрожащий от гнева голос:

– А это еще что?!

Она поспешно бросилась в кухню – неужели горящая свеча упала? – но все здесь оказалось в порядке. И накрытый стол (крахмальные салфетки, парадные серебряные приборы). И свечи. И цветы – они, окончательно отогревшись и привыкнув к своим вазам, еще красивее стали.

Мишка резко обернулся к ней:

– Откуда вся эта дрянь?!

И Ася – откуда только в ней взялось столько агрессии? – еле подавила желание схватить ближайшую свечу и затушить ее об этот гневно подергивающийся рот.

Она уже поняла. Но все-таки устало спросила:

– О чем ты, Миша?

– Цветы. Откуда? – сквозь зубы выдавил он.

– Курьер принес, – пожала плечами она.

– Что за бред!

– Я решила, что это ты прислал, – пробормотала она. И, еле сдерживая слезы в голосе, добавила: – Так обрадовалась. Весь день о тебе думала. Ждала. Приготовила вкусный ужин...

Про свежеперестеленную постель Ася решила не упоминать.

– Оч-ч-чень интересно, – зловеще протянул он. – И что же это был за курьер? Конь? С большими яйцами?!

– Миша! – вспыхнула Ася.

– Славно повеселились? Вижу – славно. Ты курьера небось в этом халате встречала? А где был Никита? Закрыли в другой комнате, пока сами в постели кувыркались?

– Знаешь что! – Ася тоже начала закипать.

– И что же я должен знать? – вкрадчиво поинтересовался муж.

И она сорвалась. Сказалось все: и бессонные ночи. И постоянная усталость, а как иначе, когда на тебе и хозяйство, и грудной ребенок. И обида из-за того, что еще недавно такая веселая, насыщенная жизнь вдруг сузилась до размеров малогабаритной двухкомнатной квартиры... И Мишкино невнимание. И его сегодняшние злые, несправедливые слова.

– Ты – козел, – прошипела Ася. – Самодовольный, провинциальный козел.

– Вот как? – опешил он.

– И еще ты трус. И крохобор. И я тебя больше не люблю. Вот...

Она закрыла лицо руками, чтобы Мишка – *теперь враг* – не увидел ее слез. А потом изо всей силы оттолкнула мужа и бросилась в спальню. Ей нужно было выплакаться на только что застеленных роскошных шелковых простынях.

В то же самое время. Макс

Он едва успел на последний поезд метро.

Ноги от усталости подгибались, словно у алкаша, а теннисная сумка оттягивала плечо так, будто в ней не пара ракеток и спортивная форма, а как минимум с полсотни пустых бутылок.

Но на душе была такая легкость, что хоть сейчас взлети на Эверест.

Мерзлов! Сам Мерзлов захотел стать его личным тренером! Тот самый Мерзлов, который тренирует второй состав нашей сборной и всегда присутствует среди команды на Кубках Федерации и Дэвиса! Мерзлов, у которого собственная методика – настолько уникальная, что он даже книгу о ней отказывается писать, не хочет, чтоб его секреты попали в чужие руки!

А уж чего стоила рожа Михалыча, когда тот услышал, о чем Мерзлов говорил с его бывшим – *теперь бывшим* – учеником!

– Станислав Андреевич, я был бы очень счастлив тренироваться под вашим руководством, но у вас ведь наверняка очень высокие гонорары. Вряд ли я смогу...

– Это уж точно: не сможешь, – весело усмехнулся Мерзлов. – Час моего времени – триста долларов.

– Ох, ни фиги себе! – не удержался Макс.

– Но тебя эти расценки не касаются. Считай, что это моя инвестиция. Потом рассчитаешься. Процентами от будущих побед.

– Я пока только пять тысяч заработал. За всю карьеру, – честно признался Макс.

– Уж поверь мне, Шадулин: у тебя все еще впереди, – серьезно ответил Мерзлов.

И Макс едва удержался, чтоб не подпрыгнуть под самый потолок – ну и пусть здесь, в Академии тенниса, он под шесть метров. У него сейчас столько сил, что он и выше бы допрыгнул.

– Ладно, время позднее, – взглянул на часы Мерзлов. – Ты ведь пока без машины? Беги, а то метро закроется...

– А как мы... – испугался Макс. Вдруг великий тренер только похвалил его, а теперь в кусты?!

– Завтра в десять утра жду тебя здесь, – успокоил его Мерзлов. – Составим план тренировок. И со спонсорами познакомлю. – Он кивнул на своих доселе молчавших спутников.

Вот это фарт! Все, все сразу!

...А Михалыч – некогда грозный Михалыч! – увидел краем глаза Макс, бочком, будто побитая собака, плетется к выходу с корта. Будет теперь знать, как бросаться перспективными учениками! И орать на них матом! Можно еще нагнать и спросить его, так небрежненько: «Что, получил?!»

– Ну я пойду? – робко спросил Макс у Мерзлова.

– Да, да, до завтра. – Великий человек уже потянулся в карман за телефоном, но вдруг остановился, вернул аппарат на место. – Хотя подожди. Скажи, как ты считаешь, *что* в теннисе самое главное?

И хрен поймешь, как отвечать. Нет хуже, когда взрослые *философские* разговоры заводят.

Но Мерзлов ответа, кажется, и не ждал. Сказал сам:

– Да что я спрашиваю? И так видно: ты все силы в подачу вложил. Все вы, молодые, такие. Как вы там говорите? Главное – *со всей дури залутить?*

– Зато можно одним ударом очко выиграть! – осмелился возразить Макс.

– А скорее – попасть точнехонько в аут, – пожал плечами тренер. – Сильная подача – коварная штука. Она априори каждый раз проходить

не может.

Что это еще за «априори»? Надо будет потом у Машки спросить...

– Так что ж? Играть, как Ленка Дементьева? Вообще без подачи? – ощерился Макс.

– Да нет, конечно. Только думать, что тебя она в чемпионы выведет, тоже дурь. Что, тот же Руседски – такая уж знаменитость? Или кто там еще, с сильной подачей? Иванишевич? Или Хрбаты?

– Роддик в десятке лучших, – напомнил Макс.

– А самый лучший, Федерер, подает как раз довольно заурядно, – парировал Мерзлов. – Ладно, иди. – Он ободряюще потрепал молодого человека по плечу. – Мы из тебя и так чемпиона сделаем. И без пушечной подачи.

И Макс, безумно счастливый, покинул Академию тенниса. Чтобы завтра в десять утра вернуться в нее, но не в статусе скромного арендатора кортов, а учеником самого Мерзлова.

...Время действительно оказалось позднее, но ехать домой ему совсем не хотелось. Сейчас бы с кем-то поболтать! Поделиться своим триумфом, но не с друзьями-завистниками, а с тем, кто тебя любит и искренне радуется твоим успехам. С семьей.

Но только где эту семью взять, когда время близится к часу ночи? Маман уже давно спит, папа в очередной экспедиции, Машка до сих пор не вернулась из Абрикосовки...

Вот дед, будь он в Москве, точно за него бы порадовался. Но старик далеко, сидит сычом на своей вилле. А бабуля, хотя и живет в Подмосковье, но ей на теннис плевать. А больше в их семье и нет никого. Ни дядюшек, ни тетей. Поневоле позавидуешь каким-нибудь сицилийским кланам, где столько родственников, что всегда найдешь того, кто тебе посочувствует!

Только и остается: наострить лыжи к Аське. Она говорила, что поздно ложится. Там, правда, сейчас этот ее хрыч, Мишка... А что, давно пора поговорить и с Мишкой. Дать этому дундуку понять, что с такой обалденной женщиной, как его сестра, и обращаться нужно соответственно. А то вон Аська, бедная, совсем иссохла.

...Макс очень обрадовался, что цветочная палатка у метро, несмотря на поздний час, еще работала. Денег, правда, ему хватило только на три несколько подержанных тюльпана, но тоже кое-что. Особенно если человеку уже почти год цветов не дарили.

И в начале второго ночи он звонил в квартиру сестры. Эх, Мишка наверняка сейчас разгундится, что его перед рабочим днем разбудили.

...Дверь распахнулась мгновенно.

На пороге стояла Ася. Выглядела она необычно – полупрозрачный шелковый халат, крашеные алым ногти, яркая косметика... И – слезы в глазах.

– Аська!.. Что с тобой? На вот, держи! – Макс протянул ей свои тюльпаны.

– Спасибо. – Она взяла цветы механически, будто деревянная кукла.

– Да почему ты такая? Что случилось-то? – встревоженно спросил Макс.

– Мишка... ушел, – выдохнула она. Закрыла лицо руками и сквозь рыдания добавила: – Навсегда...

Тем же вечером. Маша

Краснодар для меня – какой-то невезучий аэропорт. Как улетаешь – обязательно проблемы. Вот и сегодня: хотя и день солнечный, и в Москве погода нормальная, а опять я в нем проторчала чуть ли не шесть часов. Самолет, видите ли, сломался. Я попробовала по этому поводу возмутиться, но тетка из справочной ответила философски:

– А что делать? Самолетный парк старый. Вы бы предпочли, чтобы лайнер в воздухе развалился?

Да нет, спасибо, конечно, что не угробили, но болтаться в полном одиночестве в аэропорту было очень скучно. Одно утешение, что больного Никитки нет, как мы с ним тогда, в ноябре, намучились...

Прочая ожидающая публика развлекалась каждый на свой лад. Мужики приладились к пиву, дамочки погрузились в женские журналы или в вязание. Молодежь активно флиртовала, дети канючили. А мне даже почитать было нечего. Пару *нормальных* книг, что брала с собой, я осилила еще в Абрикосовке, в «Морской розе», а в местном ларьке покупать было нечего, весь прилавок завален мутью со скелетами и роковыми красотками на обложках.

Только и оставалось: в гордом одиночестве хлебать отвратительный аэропортовский кофе. И подводить итоги своей

поездки.

Итоги, прямо скажем, были неутешительные. Потерянное время и деньги. Дед исчез. Про чашу я ничего не узнала. Те сплетни, что удалось насобирать про старика на лодочном причале, к делу не пришьешь, болтовня – она и есть болтовня. Да еще и на душе как-то пусто – спасибо моей новой знакомице, несостоявшейся американке Ангелине Петровне. Как ни пыталась я выбросить ее речи из головы, как ни убеждала себя, что та – просто невезучая и потому злобная особа, а ничего не выходило. Постоянно то одна ее инсинуация в адрес американцев вспомнится, то другая... Понятно, конечно, что Геля – неудачница, и у меня в Америке все будет совсем по-другому, но все равно тревожно.

А особенно задело то резюме, которое новая знакомая приберегла напоследок: «Знаешь, Маша, что обиднее всего? Я всегда считала, что здесь, в России, – опасно, нестабильно и непредсказуемо. А вот в Америке – совсем другая жизнь. Богатая и сытая. Яркие краски, счастливые события... Только на деле знаешь как оказалось? Там действительно стабильно. И куда менее опасно. И предсказуемо. И сыто. Но счастье-то, оказывается, не в этом...»

Да уж, в чем счастье – этого никто не знает.

Я мечтаю об Америке с детства. Я добиваюсь ее. Алкаю. Каждый день представляю, как спокойно живу там в аккуратной квартирке и занимаюсь любимой литературой. Но вдруг я туда приеду – и так же, как Геля, разочаруюсь? Вот это будет крушение так крушение!

...Да еще, как назло, краснодарский аэропорт – какой-то рассадник эротики. Куда ни кинь взгляд, везде парочки. Обнимаются, милуются, поцелуйчики, томные взоры. Ясное дело, что людям просто заняться нечем, вот и убивают время, пока самолета ждут, но все равно обидно. Даже самые распоследние крыски при кавалерах, а я, красивая, самодостаточная и умная, в одиночестве вкушаю мерзкий кофе.

Может, черт возьми, братец Макс прав? И мне действительно надо не рефлексировать, не предаваться долгосрочным мечтаниям и не ездить к деду «за правдой», а без изысков попросить у чаши не гипотетическую Америку, а какого-нибудь *перца*? Желательно, конечно, с головой на плечах и золотыми кредитными карточками в

кошельке? Может, если *перец* окажется нормальным мужиком, мне и в Америку ехать не захочется?

Я, правда, убедила себя, что мужской пол – сплошное ничтожество. Но вдруг еще остались *последние из могикан*? А я из-за дурацкой гордости упускаю шанс своего *последнего* встретить?

В конце концов, чем я рискую? Поможет чаша – спасибо. Нет – и обойдусь. Стыдно, конечно, у столь исключительной вещи просить банального мужика. И очень обидно будет, если чаша и второе мое желание проигнорирует... Что ж, если так, в дальнейшем уж точно буду рассчитывать только на собственные силы. И продолжу штурмовать американские бастионы.

...Самолет наконец починили. Но вылет в итоге с беспроблемных семнадцати ноль-ноль перенесся на одиннадцать вечера. А приземлились мы и вовсе в начале второго. И я опять, к своему стыду, завидовала тем дамочкам, которых здесь, в Москве, ждали в зале прилета. Встречали с цветами. Подхватывали багаж и бережно вели к машинам... Цветы мне, наверно, без надобности, а вот чтобы кто-нибудь домой отвез – я бы не отказалась.

Но увы. Пришлось сговариваться с очередным обиралой-таксистом.

Дома я оказалась только в половине третьего – и злая, как сто чертей. Хорошо, что все уже спят, а то б точно на кого-нибудь из родных собак спустила.

Я быстро напилась чаю, почистила зубы, переделась в ночнушку и уже собиралась юркнуть в постель, когда вдруг вспомнила: а как же мое принятое в Краснодарском аэропорту решение?

Самое сейчас время, пока все спят, побеспокоить чашу. А то ведь завтра, при свете дня, я на такую просьбу, подумать только, чтоб мне *перца* послали, и не решусь.

Но только падать на колени, как ни настаивал именно на этой части действия Макс, я не стала.

Вынула из серванта дедово сокровище и толкнула перед ним следующую сдержанную речь: «Милая чаша! Извини, что веду себя непоследовательно. В прошлый раз про карьеру тебя просила, а теперь меня вдруг совсем в другую сторону занесло. Если считаешь, что я дура, можешь не помогать. Дело в том, что я так устала быть одной!

Все время одной! Может, еще остались нормальные мужики и один из них сможет, говоря красиво, составить мое счастье?...»

На этой фразе меня прервали. Я вдруг услышала: щелкнул дверной замок. Автоматически взглянула на часы: три ночи. Это еще что за новости? Кто из наших так припозднился? Не мама же и не папа?..

Я поспешно вернула чашу на место, метнулась в свою комнату, схватила халат, выскочила в коридор – и, разумеется, обнаружила там Макса. Уставшего и, кажется, подвыпившего. Вот это образ жизни – для шестнадцати-то лет!

– Ну ты совсем обнаглел! – начала я.

Даже хорошо, что брат под горячую руку попался, мне сейчас просто необходимо выпустить пар.

Но Макс перчатку не принял. И не поздоровался. Просто взглянул на меня грустными глазами.

– Что случилось? – тут же перепугалась я.

– Фиговые новости. От Аськи Мишка ушел, – тихо ответил брат.

...А потом мы долго сидели на кухне, Макс рассказывал о событиях последних трех дней, и мне оставалось только за голову хвататься. Потому что с виду скромные сестрица с братом, пока я в Абрикосовку каталась, оказывается, совсем не скучали. И эксплуатировали чашу так, что дай боже.

Макс поведал мне об Асином – прямо скажем, очень глупом! – желании, чтобы ей подарили цветы. И о своей мечте заполучить самую сильную в мире подачу. И о том, как быстро – и как странно – эти желания исполнились...

Я слушала и хмурилась.

Потому что получалась какая-то ерунда.

Дедов артефакт помогал – тут не поспоришь. Но помогал очень уж странно... В несвойственной обычным волшебным палочкам манере.

– Послушай, – вдруг осенило меня. – А ты выяснил, о чем конкретно Ася просила чашу? Чтобы ей просто цветы подарили или чтобы их именно Мишка принес?

– Я спрашивал, – кивнул брат. – Она просила, чтобы Мишка.

– И поэтому, когда курьеры принесли букеты, была на сто процентов уверена, что они от него?

– Глупенькая она, – жалостливо произнес Максим. – И это, как его... прекраснoдушная, вот. Как не догадалась, что ее хмырь на такую роскошь сроду не разорится? Там цветов – долларов на пятьсот минимум! Лично я бы сразу допер, что этот додик максимум, на что разжлобится, – на три гвоздички.

– Здесь ты прав, – задумчиво протянула я. – Но поехали дальше. Значит, цветы Аське прислал не Мишка, а кто-то другой. Она не пыталась выяснить, кто?

– А как? – пожал плечами Макс. – Вместе с букетами карточку принесли, там какая-то муть написана, типа, что она – лучшая на свете, но без подписи. А кто сделал заказ, тоже теперь не установишь. Аська даже не знает, как эта курьерская фирма называется. Она прочитала на их куртках только, что «Служба доставки».

– Может, какой-то ее поклонник? Еще со школы или с института? – предположила я.

Макс скривился, и я тут же дала задний ход:

– Опять ты прав. Аська у нас верная. Как замуж вышла, всех прежних воздыхателей тут же разогнала... Да и потом: если бы и остался какой-то гипотетический ухажер, откуда бы он узнал, что Аська именно сейчас о цветах мечтает?

– Нестыковка, – кивнул умный мальчик.

– Нестыковка, – согласилась я. И спросила: – А что дословно *ты* у чаши просил?

– Да тоже, Маш, непонятно вышло, – смутился брат. – Я уже об этом думал. Я просил у чаши, чтобы моя подача стала самой сильной в мире. Чтоб рекорд Грега Руседски перебить, который он в Индиан Уэлсе установил. Все. А вместо этого она мне тренера послала. Классного. Самого лучшего в России.

– Чаша, наверно, *решила*, что он тебе и поставит эту самую подачу? – предположила я.

– В том-то и дело, что нет! – обреченно откликнулся Макс. – Не его школа. Мне Станислав Андреевич, как бы между делом, сказал, что сильная подача никаких побед не гарантирует. Да я и сам вспомнил... Я когда-то его интервью читал... Он считает, что в теннисе главное – тактика. И еще мозги.

– Но у чаши ты просил подачи, – повторила я. – Хотя секрет успеха, получается, не в этом.

– Вот именно, – кивнул Макс.

– То есть она, – я задумалась, – желания, конечно, исполняет, но...

– ...при этом их корректирует, – закончил брат. – По своему вкусу. – И хохотнул: – Вишь как! В ней не просто джинн сидит! А джинн с мозгами!

– И в твоём случае она желание *подкорректировала* верно.

– Ещё бы! Мерзлов – это дикий кул! Зуб даю: мы с ним через пару лет на Большой шлем поедём! – горячо воскликнул брат. – Даже если до двухсот пятидесяти я подачу и не доведу.

– А вот с Асей чаша ошиблась...

– А может, тоже не ошиблась? – пылко возразил Макс. – Я об этом весь вечер думаю... Вдруг чаша Мишку её поганого специально развела?

– В смысле – разозлила?

– Ну да! Нарочно, ему в пику, такую гору цветов Аське прислала? Чтоб он уж с гарантией, на сто процентов, её приревновал и свалил?!

– Тогда это со стороны чаши жестоко. Потому что женщине нужен муж. А ребёнку – отец, – назидательно произнесла я.

– Ой, кто бы говорил! – фыркнул Макс. – Чего ж сама не замужем?

Я нахмурилась, и Макс поспешно дал задний ход:

– Да ладно, ладно, речь не о тебе. А лично я очень рад, что этот ишак, Мишка, скипнул. Только Аську жаль...

– Жаль, – согласилась я.

А Макс неожиданно выдвинул ещё одну версию:

– Слушай... а вдруг это все не чаша делает?

– А кто же тогда? – недоуменно спросила я.

– А дед наш. – Он испытующе взглянул на меня.

В первую секунду я еле удержалась, чтобы не расхохотаться, потому что идея показалась мне абсолютно абсурдной. Желания-то совсем непростые загадывались. И разве можно представить, как семидесятилетний старик организывает выигрыш турнира, встречу с самым дорогим невропатологом Москвы, лучшего теннисного тренера, роскошные цветочные корзины?!

Но если призадуматься, дед у нас – человек загадочный. Непредсказуемый. Непоследовательный. В общем, совсем не похожий

на рядового российского пенсионера. Хотя бы его роскошный дом на побережье возьми.

К тому же его сейчас там и нет, и где он – неизвестно. Вполне может оказаться, что старик обретается где-то рядом. По крайней мере, тут, в столице.

– А что, это мысль... – задумчиво протянула я. – И психологически вполне мотивировано...

– Ты о чем? – нахмурился непривычный к умным словам брат.

– Да о том, что чаша нам реально *помогает*. А нынче жизнь такая: каждый сам за себя. Кому из посторонних интерес тянуть каких-то Шадуриных? А если это дед, тогда все понятно...

– Тогда давай его к стенке припррем! – обрадовался братик. – Пусть колется! Звони, прямо сейчас. У тебя ведь его мобильник записан?

– Простой ты, Макс, как три копейки, – обиделась я. – Тоже мне советчик! Можно подумать, я не звоню! Да его каждый день раз по пять набираю! Еще с Абрикосовки. Только абонент, извините, недоступен.

– Значит, у него точно рыльце в пушку! – воодушевленно воскликнул Макс – он был явно польщен, что его версия умела успех. – И не зря же он нам эту чашу навязал...

– Но это глупо, Макс! – воскликнула я. – Есть возможность, хочешь ты помочь – так помоги! Предложи! Сам! Зачем же целый огород с этой чашей городить?

– А деду так интереснее. Помнишь, Аська говорила, что он как мальчишка. До сих пор приключения любит. Не только по телику смотреть, но и самому организовывать.

– Но не таких масштабов, – покачала головой я. – Нет, Макс. Деду подобное не под силу.

– А кому тогда под силу? – захолопал глазами он.

– Не знаю, – вздохнула я.

Посмотрела на часы, объявила:

– Слушай, времени уже пять утра.

– Ё-мое, а мне ж к Мерзлову к десяти! – темпераментно вскинулся Макс.

– А мне – на работу. Так что давай расходиться. Утро вечера мудренее. Завтра еще поговорим.

На следующий день. Маша

Но только назавтра жизнь сделала неожиданный вираж.

Едва я приехала, как обычно, к десяти в институт, едва попросила кафедральную секретаршу поставить чайник, как меня подозвали к городскому телефону. Я с изумлением узнала голос тети Любы, соседки. Когда-то, еще в домобильную эпоху, я давала ей на всякие экстренные случаи свой институтский номер, но только прежде она мне не звонила ни разу. Даже когда Макс, тогда еще пятиклассник, забыл ключи и отирался под запертой дверью.

– Машенька, – произнесла соседка, – ты только не волнуйся...

Хорошенькое предисловие. Я похолодела и выдохнула:

– Что случилось?

– Да ничего страшного... – залепетала соседка. – Но вашу квартиру, кажется, ограбили.

– Как ограбили?!

– Да я в магазин вышла и вдруг случайно вижу: ваша дверь приоткрыта. Ну, я удивилась. Вроде папенька ваш в отъезде, мамочка еще в восемь утра на работу убежала, мы с ней как раз поздоровались, когда я мусорное ведро выносила, а вы с Максимочкой мимо моего окна в девять прошли. Я и забеспокоилась, кто, думаю, там у вас, может, я проглядела, как Асенька с Никитушкой подошли?.. Звоню в звонок – тишина. Приоткрываю дверь, зову – тихо. Ну, я испугалась, да и вызвала милицию. Так и так, говорю, у соседей дверь вскрыта. Вы ведь никому постороннему ключей не давали?

– Не давали, – подтвердила я. И спросила: – А что пропало?

– Не знаю, Машенька, пока не знаю. Я в квартиру-то не заходила, боязно. И участковый не велел. Он сказал, что наряд вышлет, чтоб ждали. И чтоб я хозяев разыскала, вот я и звоню... Ты ведь приедешь?

– Что мне остается... – буркнула я.

...И, так и не попив чаю, помчалась домой – под ехидным взглядом кафедральной секретарши. И под ее же глумливый комментарий:

– Да уж в последние дни вы, Мария Климентовна, работой себя не утруждаете.

Неудобно, конечно, перед коллегами, но кому еще в ситуации разбираться? Маму я решила посреди школьного дня не дергать, а

отца, он опять в своей экспедиции, сейчас и не вызвонишь. От Аськи, в свете ее младенца, тоже толку мало, а у Макса сегодня судьба решается с новым тренером, разве ему до квартиры? Вот и получилось, как обычно: я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик.

Когда приехала – опять траты! – на такси, обнаружила: у подъезда стоит милицейский «козлик», а в квартире полно народу. Двое в форме. Один в штатском. Да еще понятия – тетя Люба и алкаш Петрович с третьего этажа.

На меня набросились с порога:

– Гражданочка! Быстро показывайте, что пропало.

Я первым делом кинулась в родительскую спальню, где мама без особых фантазий хранит сбережения и золото под стопкой белья.

Дрожащими руками приподняла простыни – и в изумлении обнаружила «секретную шкатулку». А в ней – наши, так сказать, фамильные драгоценности (кольцо с рубином, кольцо с фианитом и ожерелье с четырьмя крошечными бриллиантиками), а также тощенькую стопку тысячных купюр.

– Все на месте, – растерянно пролепетала я.

– Та-ак, – отчего-то расстроился один из милицейских. – Очень странно. Может, и не было никакой кражи? А вы просто дверь забыли запереть?!

– Я ж не бабка в маразме, – пожала я плечами. – К тому же она сама захлопывается.

– ...И щелкает, – пришла на помощь тетя Люба. – Очень громко, я всегда вздрагиваю. И сегодня тоже щелкнула.

Милиционер с неудовольствием покосился на нее и велел:

– Тогда дальше проверяйте, что тут у вас еще могли украсть? Телевизор, ди-ви-ди, мобильные телефоны, компьютер?

Да уж, если Максов новый, весь в апгрейде, комп пропал, он точно этого не переживет.

...Но и компьютер тоже оказался на месте. И телевизор. И ковры. И хрустальные вазы. Только на второй полке серванта, где еще сегодня ночью красовалась дедова чаша, зияла пустота.

– Вот, – растерянно показала я. – Здесь ваза была. Антикварная.

– Оценочная стоимость? – со знанием дела переспросил милиционер.

– Две семьсот, – откликнулась я. – Долларов. Но дело тут не в деньгах. Она нам как память дорога... Ее дед подарил.

– Дед вместе с вами проживает? – сразу заинтересовался служитель закона.

– Нет. У него свой дом в Краснодарском крае.

– А в Москве он бывает?

– Очень редко. Дед столицу не любит.

– Но может приехать?

– Теоретически – может.

– И без звонка – может?..

– Да тоже, наверно, может...

– А ключи от вашей квартиры у него есть?

Я наконец поняла, к чему клонит милицейский. И мне его умозаключения показались вполне здравыми. С деда станется, он у нас большой оригинал. Сначала подарил чашу, а теперь соскучился по ней и забрал. Тем более что в Абрикосовке, я-то уж точно знаю, его сейчас нет, дом заперт, фонтан выключен. Мы еще вчера с Максом решили: дед вполне мог поехать куда угодно, в том числе и в Москву. Реквизировать свою чашу.

Но не рассказывать же об этом случайным милиционерам! Плюс: что та же тетя Люба с алкашом Петровичем о нашей семье подумают?! Свои воруют у своих. Фу.

А может, дед забрал свою чашу потому, что мы вчера в ее волшебных свойствах усомнились? И роль волшебника отвели не ей, но лично ему?

Но эта версия – уж совсем упасть. После такого милиционеры могут и психушку вызвать.

И я твердо сказала:

– Нет, это исключено. С дедом я вчера разговаривала. Он дома у себя, в Краснодарском крае. И в Москву не собирается.

Соврала – и соврала. Пусть лучше так. Даже если старик и правда украл антикварную чашу у нас, собственных внуков, милиционеры об этом узнают в последнюю очередь.

– В таком случае предупреждаю сразу: шансов, что найдем ее, крайне мало, – сразу поскучил служитель закона.

– Значит, не судьба, – мужественно пожала я плечами.

Ничего. Жили раньше без чаши – и дальше проживем.

И в голове вдруг мелькнула радостная мысль: «А все – таки хорошо, что я успела загадать второе желание! Вдруг оно успеет исполниться?!»

...Но пока ничего хорошего в моей жизни не происходило.

Когда милицейские наконец отвалили, мы вместе с алкашом Петровичем взялись разбираться с дверным замком. Оказалось, что вскрыт он весьма умело и практически не пострадал. Отпустили «собачку» – и дверь снова начала прекрасно отпираться и запираться. Но хотя и было у меня искушение оставить все, как есть, и снова помчаться на работу, я ему не поддалась. Страшно. А вдруг незваный гость, кто бы он ни был, появится снова? И я, посулив Петровичу две бутылки плюс деньги на закуску, отправила его в хозяйственный магазин за новым замком. А потом ждала, пока он его вставит. А после обзванивала своих, маму и Макса, доложила им о происшествии и что новые ключи будут лежать у тети Любы.

А когда наконец с этими скучными, но хлопотными делами я покончила, оказалось, что время уже близится к четверем. Может, в обычных офисах это еще и самый разгар работы, но мне ехать в институт уже не было смысла. Заседание кафедры у нас начинается в час, и я в лучшем случае успею к шапочному разбору. И нарвусь на новые упреки, что прогульщица, бездельница и еще с десятков нелестных эпитетов: молодых сотрудников типа меня завкафедрой и прочих престарелый ученый люд не особо жалуется.

И тогда я решила отправиться к Аське. Поддержать ее, расспросить, а еще в приказном порядке забрать на пару часиков Никитоса, а сестру отправить хоть в салон красоты, хоть в кино. Пусть немного развеется, авось и перестанет киснуть по своему малосимпатичному супругу.

...Но только Ася, как оказалось, пребывала куда в большей депрессии, чем я рассчитывала. Встретила меня вся заплаканная, на руках сидит хмурый Никитка и тоже слезы по щекам размазывает.

– Аська! – возмутилась я. – Что за траур?! А Никитка почему плачет?!

– Он все-егда-а, – прорыдала она, – вместе со мно-ой!

– Ну и чего вы рыдаете?

– Тя-тя! – скорбно пискнул ребенок.

– Видишь, он все понимает... что папа от нас ушел! – драматически заломила руки Аська.

– Ой, подумаешь, горе! – легкомысленно отреагировала я. – Еще вернется твой хрыч!

– Ты не понима-аешь, – всхлипнула Ася. – Миша сегодня звонил, сказал, что все решил и на развод подает.

– Тем лучше!

– Ага, тебе лучше! Ты его никогда не любила! А как нам-то жить?! Он сказал, что на нашу жилплощадь не претендует, но алиментов тоже не будет. У него, говорит, основная зарплата «серая», а алименты – они от белой, и там какие-то гроши.

– Говнюк – он и есть говнюк, – неинтеллигентно отреагировала я.

Ася – вот святая душа! – взглянула на меня с укором. И горячо произнесла:

– Нет! Он хороший! Он просто меня из-за этих цветов приревновал!

Я постаралась увести разговор в сторону:

– Покажи хоть цветы-то! Макс сказал, там что-то невообразимое...

– Нету больше цветов, – покачала головой она. – Я их выбросила. В мусоропровод. Видеть их не могу!! – И снова взялась всхлипывать: – Господи, какой же бред получился!.. А я им так радовалась...

Да уж, тут не поспоришь. И Аська отличилась со своим идиотским желанием. И чаша – или кто там, прикрываясь ею, пытается вмешиваться в нашу жизнь – подкузьмила.

– Ладно, пойдем на кухню, – предложила я. – Есть хочется жуть, а у тебя наверняка имеются какие-нибудь вкусные пирожки.

– Нет, – грустно покачала головой сестра. И простодушно объяснила: – А зачем мне теперь их печь, если Мишка ушел?

– Да пугает он. Вернется еще, – усмехнулась я.

– Нет, – снова всхлипнула она. – Он сказал, что вычеркнул меня из своей жизни...

Это Аське-то такое ляпнуть! Которая с ним как с писаной торбой возилась! Кормила, обстирывала, потакала всем его капризам. Воистину: все мужики – козлы. Как я могла в минутном порыве попросить у чаши, чтоб она послала мне *кого-нибудь из них?*

...Я еще долго утешала сестру. Поднимала ее самооценку. Веселила бородатыми анекдотами. Но Аську не брало ничего, и любой разговор она тут же сводила на своего ненаглядного Мишку. И на то, как тяжело, просто невыносимо им с Никиткой теперь будет вдвоем (можно подумать, от этого горе-супруга какая-то помощь была!). И еще Ася постоянно повторяла, что она виновата. Что слишком утонула в ребенке и обращала на мужа мало внимания. Что не следила за собой. Что не давала Мишке выговориться. И даже что не могла уgomонить ребенка, когда он плакал по ночам и мешал папе спать...

В общем, натуральная, как говорят мои студенты, крэза.

Я попыталась отвлечь сестру. Рассказала ей о наших с Максом сомнениях по поводу чаши и о том, что сегодня дедово сокровище таинственно исчезло, но только Аська мою историю еле слушала. И каждый раз, когда я произносила слово «чаша», демонстративно затыкала уши:

– Слышать о ней не могу! Она мне всю жизнь разрушила!

А я подумала: ведь не исключено, что юный братец Макс глубоко прав! Вдруг чаша и правда специально подстроила, чтобы Асин супруг наконец отчалил?

Это только Аська, глупышка, могла надеяться, что Мишка когда-нибудь оценит ее любовь, надарит ей цветов и они заживут душа в душу. Но мы-то все – мама, папа, Макс, я – видели, что ее муженек не выдерживает никакой критики. Может, и чаша это тоже поняла? И поставила себе такую задачу: побыстрее развести Аську с этим совершенно не подходящим ей субъектом?!

И тут же (человек – он скотина неблагодарная, думает только о себе) у меня промелькнула другая мысль: может, потому у меня и с американским желанием не вышло, что чаша тоже решила – жизнь на чужбине, по штатовскому гранту, не для меня?!

А вот Макс все просил правильно. Он способный теннисист, только опыта ему не хватает. И хорошего тренера. И денег, чтобы ездить на турниры... Вот чаша и исполнила оба его желания.

И дай ему, как говорится, бог, Макс теперь не пропадет. Но вот как бы сестру из ее тоскливого настроения вытащить?!

– Я буду приезжать к тебе каждый день, – пообещала я. – Сразу после работы. Буду сидеть с Никиткой и по-всякому помогать.

– Да не волнуйся, Маш... – убито откликнулась сестра. – Мы как-нибудь справимся. Правда, через неделю мне за квартиру платить. Семьсот, между прочим, зеленых баксов...

– Деньги будут, – заверила я. – Дам я тебе, я на отпуск откладывала.

– Не возьму я, – нахмурилась сестра.

– Возьмешь, куда денешься, – хмыкнула я. – Надо ж тебя поддержать, хотя бы первое время. А на будущее, если ты такая гордая, мы еще лучше придумаем. Найдем няню, а ты на работу пойдешь.

– Няню?! Да это безумные деньги!

– Ничего. Ты зарабатываешь больше.

– Маш, ну, не смейся ты надо мной! Я ж ничего не умею... – всхлипнула сестра.

– Научись, – отмахнулась я. И сердито добавила: – Ты что, Аська?! Ты же – Шадурина. Не Гуляева, слышишь, а Шадурина! А у нас – порода крепкая. Нас из седла так просто не выбьешь. Хоть на деда посмотри!.. Семьдесят семь лет, а у него и особняк, и красавица-горничная! Так что все у тебя будет хорошо, а я тебе помогу.

Я не сомневалась: так оно и будет.

Кто ж знал, какой очередной, неожиданный кульбит выкинет судьба?

...Назавтра, едва я вошла в помещение кафедры, меня тут же сразила ехидная ухмылка секретарши:

– Мария Климентовна! А вас к себе ректор требует! Из приемной уже два раза звонили.

– Когда?

– Сказали, архисрочно. Сразу, как только появитесь.

Секретарша выразительно взглянула на часы: одиннадцать. И хотя официальных присутственных часов у меня нет, а ближайшая пара начинается только в половине первого, сердце все равно противно затрепыхалось. Четыре дня за свой счет только что брала, вчера заседание кафедры прогуляла, мои студенты, бедняги, брошены на чужих людей, да и сегодня явилась на работу отнюдь не с рассветом...

Я попыталась напустить на себя безразличный вид и небрежно спросила:

– А по какому вопросу, не сказали?

– Аттестация у нас скоро, – глубокомысленно изрекла секретарша.

Вот язва! Аттестация преподавателей – дело, конечно, грустное, но могу всю свою невеликую зарплату прозакладывать: к ректору меня вызывают по совсем другому вопросу.

И я – второй день подряд даже чашки чаю не получается выпить на родной кафедре – потащилась в обшитую дубовыми панелями ректорскую приемную. По пути завернула в туалет, стянула как можно ниже, так что пояс оказался почти на бедрах, короткую юбку и на всякий случай стерла яркую помаду. Нашему ректору уже добрых восемьдесят, и он обожает разглагольствовать, что институтский преподаватель должен выглядеть скромно.

Распахивая массивную дверь ректорской приемной, я поймала себя на мысли, что дрожу, как студентка, которую за «хвосты» отчислять собираются. А что вы хотите? Не так еще далеки те времена, когда я ходила к нашему ректору на лекции (он теорию литературы ведет), а на экзамене по его предмету с трудом отхватила скромную четверочку. И вот вроде уже кандидат наук и полноправный сотрудник нашего института, а все равно страшно. К чему, интересно, шеф сегодня привяжется? Может, к тому, что я своих студентов на День святого Валентина обещала с занятий отпустить?

Да еще и тетка в приемной хмурится – вот оно, противнейшее секретарское племя.

– Заставляете себя ждать, Мария Климентовна!

И тут же под белы рученьки сразу к ректору в кабинет. Ввела меня, недовольным голосом объявила:

– Шадурина подошла.

И, не утруждая себя вопросом, чаю я хочу или кофе, вышла вон. А я осталась дрожать на пороге.

– Садись, Маша, – зловеще молвил ректор.

Точно как на экзамене.

Не тушеваться, только не тушеваться! Я постаралась напустить на себя беззаботный вид:

– Чем могу служить, Кирилл Кириллович?

Он внимательно оглядел меня с головы до пяток и, кажется, остался недоволен – юбка, как ни стягивай ее вниз, явно коротка. Задумчиво произнес:

– Маша Шадурина... Напомни-ка, на какой ты у меня кафедре?

Что ж. Когда тебе почти восемьдесят – всех сотрудников не упомнишь. И я отбарабанила:

– Истории английской и американской литературы. Старший преподаватель. Два спецсеминара, трое дипломников, курс лекций.

– Молодая, значит, поросль, – задумчиво произнес старик.

Взгляд у него был абсолютно отсутствующим – явно и на меня ему наплевать, а уж на моих дипломников – тем более.

Умолк, шуршит какими-то бумажками...

Будь на его месте Макс или любой из моих студентов, я бы давно уже рявкнула, что нечего, мол, говорить загадками. Но тут уж приходилось терпеть, скромно вперив взгляд в крытый зеленым сукном ректорский стол.

– А скажи мне, Маша, – наконец родил следующий вопрос Кирилл Кириллович, – сможешь ли ты за ближайшие сорок восемь часов подготовить доклад об истории русского сентиментального романа?

Я захлопала глазами. Старичок-ректор что, не просто медленно говорит, но еще и слышит плохо? И робко повторила:

– Но я – преподаватель кафедры АНГЛИЙСКОЙ литературы... И русской литературой никогда не занималась...

– Ты – молодой ученый, – тут же отбрил меня Кирилл Кириллович. – Кандидат наук. Не в состоянии посидеть в библиотеке? Проанализировать литературу? «Бедную Лизу» не читала? С творчеством Чарской не знакома?!

Его голос с каждой новой фразой креп, а я, наоборот, чувствовала себя все больше и больше студенткой. Но все же упорно повторила:

– Но почему я? Ведь на кафедре русской литературы есть Вера Сотникова... У нее по сентиментальному роману докторская...

– Маша, – ректор понизил голос до такой степени, что мне поневоле пришлось склониться в его сторону: – Ты сотрудник факультета и считай, что это приказ.

Я не выдержала:

– Но мы же не в армии, чтобы ЛЮБЫЕ приказы выполнять.

Сказала – и задохнулась от страха. Сейчас Кирилл Кириллович меня вообще из кабинета выставит...

Но он, на удивление, бушевать не стал. Только поморщился. И спокойно произнес:

– Объясняю в деталях. Город Милан тебе знаком?

– Знаком, – хмыкнула я. – В теории.

Мои преуспевающие одноклассницы обожают туда за шмотками мотаться.

– В ближайшее время там будет проходить конференция по русской литературе. От восемнадцатого века до наших времен. Едут писатели, критики, а также представители научных кругов. Решено, что наш институт на ней представишь именно ты. И я очень надеюсь, – в его тоне вновь зазвучали зловещие нотки, – что твой доклад окажется на достойном академическом уровне.

– Я еду в Милан?! Я?!!

Полный бред. Чтоб наш, прямо скажем, очень скромненький институт пригласили представлять Россию на международной конференции?! Когда в столице есть МГУ, Литературный и прочие, куда более престижные, вузы? Да если допустить, что пригласили, – на такие мероприятия ведь гранды ездят. Заведующие кафедрами и доктора наук – это как минимум. К тому же и тема совсем не моя. У меня все публикации только об англоязычной литературе. Я русским сентиментальным романом сроду не занималась.

– Это, наверно, какая-то ошибка, – пробормотала я.

– Маша, – устало произнес ректор. – Вот у меня на столе лежит приглашение, оно оформлено на твое имя. А визу и билет тебе подготовит моя секретарша. Еще вопросы будут?

И тут меня наконец осенило.

– Скажите, Кирилл Кириллович, – так же как и ректор, тихо спросила я. – А кто вам... – я замялась, подбирая уместное слово, – *рекомендовал* отправить в Милан именно меня?

Ректор невозмутимо откинулся в своем кресле, надменно вскинул брови:

– Рекомендовал? Что ты имеешь в виду?

– Ну, не просто же так никому не ведомую Шадурину вдруг отправляют представлять наш институт на конференции в Милане! – усмехнулась я.

Но в лице Кирилла Кирилловича ничто даже не дрогнуло, он спокойно произнес:

– Будем, Маша, считать, что этого вопроса ты не задавала.

Однако я не сдавалась:

– Вы только скажите, да – или нет? Вам звонили? И если да, то кто? Случайно не мой дед? Не Николай Матвеевич Шадури?

– Маша, – усмехнулся ректор. – Я в этом кресле, только задумайся, почти сорок лет. И, уверяю тебя, еще ни разу не принимал решений по звонку чьего-нибудь, – он пренебрежительно скривился, – деда. Ты сама хотя бы понимаешь, в чем ты меня сейчас обвинить пытаешься?!

– Да я не обвиняю! – залепетала я. – Я просто не хочу, чтоб меня кто-то тянул, понимаете! Кто бы он ни был!

– Ох, молодые, как с вами сложно... – покачал головой умудренный годами старик. И покровительственно добавил: – Не волнуйся, деточка. Никто тебя не протезирует. Просто в нашем институте всем всегда воздается по заслугам.

Он пожевал губами и неохотно добавил:

– Ты молодой специалист. Яркий, мыслящий. Один из лучших представителей нашего научного сообщества. И, я надеюсь, достойно представишь наш институт на конференции в Италии. Больше – ни одного вопроса. Поняла? – с угрозой в голосе закончил он.

– Тогда спасибо, – смущенно склонила голову я.

– Все, разговор окончен, – посуровел ректор. – Можешь идти. Да, кстати. На сегодня и завтра свои семинары отменяй и готовься. Я хочу, чтобы твоему докладу аплодировали.

Он встал – аудиенция явно закончилась. А я выползла из его кабинета, ощущая себя двоечницей, которая на экзамене вытянула единственный билет, который знала.

– Какие-то проблемы? – злорадно поинтересовалась секретарша.

– Ага, проблемы, – брякнула я. И когда лицо старой гримзы стало растягиваться в довольной улыбке, строго добавила: – Надо в Милан ехать, а у меня виза и билет не оформлены. Кирилл Кириллович сказал, что заниматься этим придется вам.

Я гордо покинула приемную ректора. Подтянулась к окну. Задумалась.

Ну, история! Поездка в Милан – это, как говорят мои студенты, конечно, супер. Только кому же я этим чудом обязана? Я ни на секунду не усомнилась: *кто-то* за меня попросил. И попросил хорошо – видимо, *в твердой валюте*, потому ректор и молчит, как партизан.

Неужели это наш дед такую кашу заварил?

И я вытащила мобильник и, наверно, в сотый раз за последние несколько дней отщелкала номер старика.

И вдруг... он ответил! Голос его звучал расслабленно, молодо и малость нахально:

– Да-да?

– Дед! – заорала я. – Наконец-то!

– Ой, Машенька! – неприкрыто обрадовался старик. – А я уж волнуюсь немного, куда это вы все запропали?

– Мы запропали? – возмутилась я. – Да я тебе обзвонилась! И под твоими воротами стояла, как полная дура!

– Под какими еще воротами? – растерялся он.

– У твоего дома! В Абрикосовке!

– Ты приезжала ко мне? И не предупредила?

– Да ты смеешься! Можно подумать, до тебя дозвониться можно!

А ты, кстати, где?

– В данный момент? – усмехнулся старик. – В ванне. В радоновой.

– Где-где?

– В Сочи. В санатории. Здешние радоновые ванны – лучшие в мире. Это даже иностранцы признают.

– В Сочи? – переспросила я. И вспомнила дедову же фразочку, которой, к ужасу родителей, он обучил нас с Аськой еще в раннем детстве: – А зуб даешь?

– А зачем мне давать зуб? У меня их и так почти не осталось, – рассмеялся старик. – Тут окно приоткрыто – слышишь, как павлины кричат?

– Ну, павлины – это не доказательство... – пробормотала я. – Может, ты в зоопарке.

– А к чему, Маша, эти расспросы? – насторожился дед.

Ну я и выложила ему как на духу. Про все чудеса последних дней, про Максово счастье и Аськину депрессию. Про нашу версию насчет чаши – и про ее кражу...

– Мою чашу?! Украли? – расстроился дед.

– Милиционеры, кстати, считают, что это ты ее и... – я слегка замялась, – изъял. Потому что подарок твой, а больше из дома ничего не пропало...

– Гениальная версия! – саркастически воскликнул старик. – Особенно если учесть, что я нахожусь за полторы тысячи километров

от Москвы. А другой вариант вы не рассматривали? Например, такой. Ведь я, Маша, тебя знаю... ты наверняка показывала чашу антикварам? Оценивала ее? Узнавала, за сколько ее можно продать? Было такое?

– Было, – неохотно призналась я.

– А чтобы заказать экспертизу, нужно предъявить паспорт с пропиской. Предъявляла?

– Да.

– Вот и весь бином Ньютона, – подытожил старик. – Будто я этот антикварный мир не знаю! Жулик на жулике. – И грустно вздохнул: – Значит, не уберегли...

И мне сразу стало стыдно. Я тихо сказала:

– А еще, дед, меня в Милан посылают. Представлять наш институт на международной конференции. Просто не верится...

– Почему – не верится? Ты у меня молодец! – горячо произнес старик.

– Только я, наверно, не поеду, – задумчиво произнесла я.

– Почему? – опешил он.

– А потому что не люблю, когда со мной втемную играют.

– Боже мой, Маша... – простонал старик. И неожиданно предложил: – Хочешь, анекдот расскажу?

– Я вообще-то по мобильнику звоню, – буркнула я. – А знаешь, какой тариф на междугородку?

– Перезвоню тебе через секунду, – мгновенно отреагировал старик.

Перезвонил и без предисловий завел свой анекдот:

– Идет по пляжу мужик. Молодой, красивый, загорелый. В одной руке – серф, в другой – бокал с коктейлем. Море шумит, цикады стрекочут, настроение замечательное. Вдруг видит: раковина лежит. Он ее поднимает, подносит к уху и обалдело переспрашивает: «То есть как это – пошел на хрен?!»

Дед замолк.

– И к чему ты это? – поинтересовалась я.

– Да к тому, что ты мне настроение портишь! Я, понимаешь ли, отдыхаю. Радуюсь жизни. Доволен, что у вас, внуков моих любимых, все хорошо...

– Особенно у Аськи, – саркастически перебила его я. – Она сутками напролет рыдает!

– Ася – сильная девочка, – тихо произнес дед. – И эту, не самую большую, неприятность переживет. Только крепче станет. И у Максима все хорошо будет. И у тебя – было бы. Если б ты самоедством не занималась. В следователя не играла. Правды не искала...

– Значит, я не ошиблась. И всю эту кашу заварил ты, – подытожила я.

– Ох, Маша! Да ничего я не заваривал! Ты сама посуди, разве мне такое по силам?!

– Я тебе не верю.

– Не верь, – мгновенно откликнулся старик. – Ты ведь упрямая – вся в меня. И умная. Но подумай, какой мне интерес играть с вами в какие-то непонятные игры?

– Не знаю, какой. Но ты вечно что-нибудь придумываешь. Я ведь узнала – никакого шторма, от которого тебя якобы чаша спасла, не было. И лотерейного билета, который миллион долларов выиграл, тоже.

– И никаких чудес не бывает? – откликнулся дед. – Извини, конечно, Машенька, но тебя слушаешь – и сразу грустно становится. Почему ты на жизнь так мрачно смотришь? Тут, в санатории, у иных старушек и то больше оптимизма.

– Ладно, дед, – вздохнула я. – Я тебя поняла. Отдыхай дальше. Принимай свои радоновые ванны.

Нажала на отбой.

И двинула назад, в кабинет ректора. Сказать, что на конференцию в Милан я не поеду.

Но в этот момент мобильник зазвонил вновь. Если опять дед – не отвечу.

Я взглянула на определитель: Макс. Сняла трубку:

– Привет, братишка!

– Маха! – заорал он. – Слушай, ты не согласишься! Я со спонсорами такой чудовой контракт подписал! Пятнадцать заграничных турниров в год, полный пансион, и гостиницы не ниже трех звезд – можешь себе представить?! А Станислав Андреевич теперь мой личный тренер, официально, уже все бумаги готовы!

– Ох, Макс... – простонала я.

Я хотела ему сказать многое. И про бесплатный сыр, который бывает только в мышеловке, и что противно, когда тебя держат за болвана, и что за любую халяву в конце концов приходится платить... Но не успела. Потому что Макс радостно воскликнул:

– Но знаешь, в чем самый крутяк? Станислав Андреевич сказал, что его постоянно просят разных блатных под крыло взять, а ему это поперек горла. И потому, говорит, я и тебя хотел послать. Но решил все же взглянуть. И как мою игру увидел, понял, что зря думал отказаться, что у меня офигительный потенциал! Станислав Андреич сказал: это ЕГО шанс, а не мой. Понимаешь, *его!* Не он мне поможет, а я его настоящей звездой сделаю, когда на весь мир прославлюсь!!! Прикинь, какой у меня лайф теперь пойдет?!

И что тут было говорить?

– Поздравляю, братишка, – тепло произнесла я.

Положила трубку и двинула от кабинета ректора прочь. Не буду я отказываться от поездки в Милан. В конце концов, кто бы это ни был – чаша, дед или кто-то третий, а мне дают возможность себя проявить. И я в лепешку расшибусь, но мой доклад по сентиментальному русскому роману будет лучшим на всей этой конференции. А то что же получается: Макс свой счастливый шанс использовал, а я от своего откажусь?

Прошло десять месяцев. Макс

Это была совсем другая жизнь.

Он по-прежнему тренировался до черноты в глазах. Когда без всякой белой горячки после многочасовой беготни по корту перед тобой ползут отвратительные черные шеверюшки и расплывчатые белые круги. И депрессии, как и раньше, иногда накатывали, и самоедством он занимался: я, мол, полный ноль и никогда не выйду даже на уровень крепкого середнячка вроде Блейка или Массу. И в плечо стреляло, и боль в колене мучила нестерпимо...

Одна разница: теперь его проблемы волновали не только маму, которая тихо всхлипывала, растирая его распухшее колено примитивным финалгоном. И не только отца, который в сердцах советовал «бросить этот большой спорт к чертовой матери». Теперь за

Макса стояла целая команда, какая и не снилась его давнему конкуренту, дешевому пижону Лялину.

Личный врач. Массажист. Диетолог. Психолог. Тренер по ОФП. Менеджер. И над всеми ними тренер-небожитель Станислав Мерзлов.

Мерзлов сказал сразу: на сателлиты с фьючерсами больше не ездим, сразу на челленджеры замахнемся.

Слово-то какое красивое! Челленджер! Шанс! Открытие!

– Будет, конечно, тяжело, – сразу предостерег тренер. – Нагрузка серьезная, очков – мало. Но пройти этот барьер необходимо.

Макс и без него знал: многие потенциальные звезды на уровне челленджеров и застряли. Ездят, ездят, а выигрывать никак не начнут. Расходы, тренировки до одури, а результата как не было, так и нет. Тут поневоле зачахнешь.

А кто даже перепрыгнул этот барьер – времени на то ухлопал немало. Вон Настя Мыскина по челленджерам несколько лет моталась...

Но все равно их не сравнить с жалкими сателлитами! Тем более что добрая половина турниров проходит за границей.

Макс по зарубежью с ума, как Машка, не сходил, но тоже давно мечтал покататься. И вот наконец-то! Да еще на халяву – ему спонсоры не только билеты с гостиницей, но даже суточные оплачивают!

И действительно, заграничные турниры даже сравнить с теми, что проходят где-нибудь в Староивановске, невозможно. Начать с того, что тут, по России, он только в вонючих плацкартных вагонах перемещался, а теперь на самолетах летает, ух, до чего же классно! Когда Макс первый раз красную линию перед пограничным контролем переступал, чуть от счастья не разревелся. Другая жизнь – она, оказывается, прямо здесь начинается, в дьюти-фри. И полы чище, и витрины ярче, и девчонки красивее. К тому же поглядывают на тебя с явным интересом! Особенно когда ты объясняешь на стойке регистрации, что *твои* ракетки сдавать в багаж ни в коем случае нельзя...

И гостиницы европейские – совсем не чета нашим. Пусть тоже не «Шератоны», и раковины бывают треснутые, и обои в потеках, зато запаха щей Макс в них ни разу не унюхал. Пахнет, наоборот, всегда чем-то уютным – свежими булочками, теплой пылью, перезрелой

черешней... Не зря, наверно, Машка в сторону заграницы все посматривает. Тут клево.

А главное, что турниры здесь классом куда повыше, чем те, на которые Макс раньше ездил. С Михалычем-то он только там бывал, где максимальный призовой фонд – на всех! – пара тысяч долларов. А на челленджерах призовой фонд начинается, извините, от полтинника. То есть, если в финале выиграешь, тысяч пять лично тебе точно обломится.

Станислав Андреевич, правда, говорит, что это не деньги. Что только на одну поездку (Макс плюс его команда) уходит раза в два больше.

Но раз вкладывают в него – значит, верят?

Тем более что и в себе Макс теперь не сомневался. Ни секундочки. С первого раза корону, конечно, не отхватит, но вылетать, как раньше, в первом круге тоже больше не будет. В этом он себе поклялся.

Да и Станислава Андреевича – ведь это он спонсоров убедил деньги вложить! – подводить тоже нельзя.

Вот Макс и работал на износ. Тренировки, видео, книги – его Мерзлов научил, что в пособиях по теннису тоже можно немало полезного нарыть.

Но особенно тяжело ему давался спортивный режим. До чего же грустно в десять вечера, когда за границей самое веселье начинается, в постельку прыгать! Да еще в Чехии – не попробовать знаменитого пива, а в Болгарии – вина... И красного «Мальборо» – настоящего, а не мэйд ин Краснодар – кругом полно, а не покуришь...

Одно утешение, что фотомодели – классные девчонки! – по такому же режиму живут. Макс как-то познакомился с целым выводком – крошки в его гостинице жили, приехали в рекламе шампуня сниматься. Их, бедненьких, тоже в десять вечера спать укладывали. Потому что лицо – товар и всегда должно выглядеть свеженько.

Ну а у него, Макса, товар – тело. И еще мозг – Мерзлов-то продолжает утверждать, что без мозгов в теннисе делать нечего.

Прививает Максусу вкус к тактически разнообразной игре. Прежде как было: лупил Шадурина с задней линии и лупил, а едва соперник к такой манере адаптировался – сразу терялся. А теперь в его арсенале и

полусвечки появились, и косые удары, и подкручивать он научился и к сетке грамотно выходить.

Но главное, Мерзлов его не чморил еще ни разу, не то что Михалыч, который сразу объявлял, что на первый же день турнира обратные билеты в Москву берет. А Станислав Андреевич – наоборот. У него любимая присказка: «Ты в Москву не спеши, у нас все равно горячую воду отключили».

А когда в тебя верят, можно горы свернуть.

И Макс это успешно делал.

А о дедовой чаше больше даже не вспоминал.

Маша

Цукини с баклажанами нужно было резать кубиками, болгарский перец – кольцами, фенхель – мелкой лапшой, чеснок – давить, базилик – разбирать на листочки, а помидоры – ошпаривать кипятком и складывать в отдельную посуду. Целая наука – непростая и вдвойне бессмысленная оттого, что не пройдет и часа, а от всего произведения искусства под названием рататуй не останется ни крошки.

Но Маша терпеливо резала, ошпаривала, обжаривала и припускала. И, что самое удивительное, получала от сего нудного занятия огромное удовольствие. Ведь цукини, если их порезать аккуратно, очень красиво смотрятся – будто Никиткины новые кубики. А фенхель, пока не очищен, похож на лук. А базилик, если потереть листочек меж пальцев, фантастически пахнет. Свободой, горячим солнцем, страстной любовью... Всем тем, чего ей так не хватало в ее недавней, стандартно академической жизни.

Но главное, конечно, что появилось для кого готовить.

Игорь. Ее любовь. Первая и, как она не сомневалась, последняя. Это не то, что Аськин «экс» Мишка, который сунет нос в газету и даже не замечает, что ест. А вместо «спасибо» бурчит, что борщ опять пересоленный. Игорь же, даже пока Маша на первых порах его подгоревшей яичницей кормила, никогда не жаловался. А когда она сама извинялась, что вышло не очень вкусно, только плечами пожимал. И говорил: «Ой, Машенька, брось. Такой талантливый

человек, как ты, – он во всем талантлив. А кухня – дело нехитрое. Освоишь».

Маша и освоила – как говорили при социализме, в рекордно короткие сроки. И теперь любимый человек называет ее «Королевой специй и приправ». Не очень понятно, зато красиво. Игорь вообще умеет говорить... Хотя, конечно, это отнюдь не идеал мужчины. Машина мама считает, что он излишне высокомерный и ждать от него можно чего угодно. А папа называет его авантюристом и шарлатаном. Даже добрая Аська и та говорит, что Игорек Маше не пара. Но что бы родственники ни вещали, насколько же, оказалось, лучше, когда по вечерам ты пьешь чай не в гордом одиночестве, а в компании этого надменного, ненадежного и авантюрного типа!..

...Познакомились они в Милане, хотя Маша изо всех сил старалась держаться там от сильного пола как можно дальше. Очень нужно, чтобы дед – или кто там еще! – ее личную жизнь устраивал!

От мужчин, что пытались заговаривать с «очаровательной русской», она шарахалась, по улицам перемещалась глаза долу. Ничего этим козлам не светит! Никаких навязанных любовей! Если бы просто на *чудо* новое интересное знакомство списать – это еще туда – сюда, но, когда она ехала на конференцию, уже не сомневалась: никаких чудес нет. А на самом деле все вроде как *волшебные* желания исполняет взбалмошный старик. Лично – или руками каких-то своих, таких же взбалмошных, друзей.

Вот она и решила: приглашение в Милан принять. А от устройства своей личной жизни решительно отказаться. На то она и называется *личной*, чтобы никто посторонний в нее не совался.

Но на первый взгляд среди русской делегации никаких потенциальных кандидатов в женихи и не было. Народ на конференцию приехал в большинстве пожилой, увенчанный сединами и немалым академическим опытом. На Машу, самую юную, смотрели косо, а однажды она даже подслушала, как две ученые бабки, профессорши, судачат, что, мол, Кирилл Кириллович, ректор ее института, совсем стыд потерял. То, что свою любовницу в Милан прислал – это-то дело обычное. И будь любовнице хотя бы лет сорок – это еще по правилам. Но не совестно ли такому старику, говорили бабки, заводить амурь совсем уж с девчонкой? И главное, еще и в

докладчики ее проталкивать? О чем там эта кандидатишка наук может рассказать?!

Ну, уж насчет своего доклада о сентиментальной литературе Маша не сомневалась – все у нее получится. И получше, чем у иных докторов наук, которые себе под нос всякую скучнятину бубнят. Зря, что ли, она еще в младших классах рыдала над Карамзиным, а в последние дни перелопатила горы современных книжечек в мягких обложках?! Особых терминов типа *генезиса* или *экстраполяции* ученый люд от нее, пожалуй, не дождется, но слушать будут. Потому что рассказывать она умеет интересно, ярко, с выражением.

Доклад – ерунда. Главное в другом. Как ни уверяла она себя, что никаких *романтических знакомств* ей не нужно, а любопытство все равно разбирало. Где же тот человек, кого неведомые НЕ-волшебные силы прочат ей в спутники жизни? Поскорее бы вычислить его – и поднять на смех. Может, это единственный в их группе достаточно молодой человек по имени Илья Александрович? Доцент известного столичного вуза? А может, это старший менеджер отеля, где остановилась делегация из России, который просил называть себя «просто Марио»?

Оба они, и Илья Александрович, и жгучий черноглазый итальяшка, на Машу поглядывают. Оба во время завтрака пытаются стульчик ей в ресторане подвинуть. Доцент в первый же вечер трогательно одарил ее еще теплой пиццей в коробке. Итальянский менеджер прислал в номер цветы. Но никаких прочих авансов они не делают, по ночному Милану гулять не зовут... Может, они с подачи деда выжидательную тактику выбрали? Или старик ей кого-то другого предназначает?! И Маша ловила себя на парадоксальной мысли: хотя она и решила ни с кем не знакомиться, а одним глазком взглянуть на того, кого дед ей в женихи определил, не возразила бы...

А пока жениха на горизонте не появилось, приходилось осваивать Италию самой.

Милан, признаться, поражал ее. Маша ехала сюда, исполненная скепсиса, потому что накануне отъезда списалась со своей американской подружкой, и та дала городу шмоток и прекрасной музыки самые нелестные аттестации. Итальянцы, заверила, многословны и навязчивы. Итальянки дурно пахнут и страшны, как

смерть. Еда невкусная, достопримечательности примитивные, таксисты наглые.

И в чем-то приятельница из Америки, безусловно, была права. Но только оказалось, что городу, где отовсюду – из магазинов, ресторанов и кабинетов дантистов – прекрасной скороговоркой звучит итальянская речь, можно простить все. Что ни словечко, то произведение искусства. *Bella! Donna! Rogazza!* А эти безупречно вылизанные витрины на Монте Наполеоне? А роскошный, похожий на дворец вокзал? А местные старушки – все сплошь в шубах, несмотря на то что на термометре плюс пятнадцать? Да и насчет местной кухни американка погорячилась, потому что Маша никогда прежде, когда бывала в немногих московских ресторанах, не ела ничего похожего на местное ризотто или пармскую ветчину. Не говоря уже о маленьких уютных барчиках, где подают напоенный солнцем кампари...

И еще, конечно, очень бы хотелось посетить Ла Скала. Такой шанс – старое здание театра совсем недавно после реконструкции открылось! Маша, конечно, не то что завзятая меломанка, но в столичном Большом все спектакли пересмотрела. Балеты – с удовольствием, оперы – без восторга. А вот в Милане, она давно слышала, именно вокальное искусство на высоте. Не зря же в девятнадцатом веке Стендаль и Байрон, когда бывали в Милане, каждый вечер проводили в опере. И писали о здешних спектаклях восторженные рецензии. Может, благодаря Teatro alla Scala, где в свое время дирижировал великий Тосканини и пели Шаляпин с Собиновым, она изменит оставшееся еще со школы мнение о том, что опера – тоска смертная?

Но только, увы, подобной культурной программы для русской делегации не предусмотрели, а когда Маша отправилась за билетами самостоятельно, оказалось, что они раскуплены на сезон вперед. И единственный шанс в оперу попасть – как в России, пытаться стрельнуть лишний билетик. Иногда их продают, потому что в кассы билеты сдать все равно нельзя.

– Но максимум, что вас ждет, – просветила ее темпераментная, несмотря на седины, кассирша, – это самая-самая галерка. Двадцать евро, слышно хорошо, только, увы, ничего не видно. И очень душно, многие девушки, особенно если беременны, часто в обморок падают.

Да хоть как – только бы послушать знаменитую «Травиату» Верди в исполнении настоящих мастеров. Наверняка будет что-то исключительное. Не только голоса изумительные, но и зрелище роскошное. Вон даже по афише видно: солисты стройные, красивые, лица – одухотворенные. Не то что в нашем Большом, где Татьяна Ларина тянет под сотню килограммов, а Онегин – не только толст, но еще и на огромных каблуках, чтобы выше казаться.

– Grazie, – поблагодарила Маша кассиршу.

И грустно двинулась прочь. Обидно, конечно, будет прийти за час до спектакля, на всякий случай при параде, потоптаться перед входом и, очень вероятно, уйти ни с чем. И только помечтать, чтоб ее сюда в роскошной карете подвезли: когда театр строился, в нем специальный фронтон предусмотрели. Чтобы прямо в здание в каретах заезжать.

...В этот момент ОН к ней и подвалил. Неприметный такой дядька, лет пятидесяти, с ощутимой лысиной. Нетипичный какой-то итальяшка – они-то все волосатые. Обратился по-английски:

– Мадам, наверно, туристка?

– Наверно, – сухо ответила Маша.

– И интересуется «Травиатой»?

– Возможно, – осторожно откликнулась она.

Это еще, интересно, кто? Неужели тут тоже есть спекулянты – вот уж не ожидала... Но, похоже, она не ошиблась. Потому что мужчина понизил голос и горячо, с придыханием, заговорил:

– Тогда я готов дать вам изумительный шанс. Уникальный! Единственный в мире! Потряса...

– Сколько? – перебила она.

Мужик осекся. Пробормотал:

– Вы деловая женщина. Двести евро.

– Это нереально, – покачала головой Маша.

– Партер. Середина. Мягкое кресло. Восьмой ряд.

– Нет, извините, – вздохнула она. – Звучит заманчиво, но это мне не по карману.

– Что ж... – вздохнул мужичок (странно, он явно был итальянцем, но определение «мужичок» по отношению к нему так и напрашивалось). – Очень жаль. – И зачем-то взялся объяснять: – Я не особый знаток оперы, а моя жена ее обожает до такой степени, что всегда ходит сюда одна, чтобы никто не отвлекал ее от музыки пустой

болтовней. Но сейчас ей пришлось срочно уехать, понимаете ли, срочная командировка, а билет остался, и я взялся его пристроить и подумал, что такая ценительница искусства, как вы, не откажется от такого шанса...

– Вы уже говорили про шансы, – вздохнула Маша. – Но я могу себе позволить только последний ярус. Тот, что по двадцать евро.

– А вы надолго приехали в Милан? – неожиданно поинтересовался мужик.

– На три дня, – пожала плечами Маша.

– Но потом приедете еще? – продолжал пытаться он.

– Вряд ли.

– И вы уедете, так и не посетив Ла Скала? Не повидав божественное горло Марии Каллас?

– Какое еще горло? – опешила Маша.

– Не знаю, как сейчас, но до реконструкции ее горло в фойе выставлялось. Заспиртованное. В банке. Ну, знаете, как у вас, в Санкт-Петербурге. В Кунсткамере.

– Какая гадость... – пробормотала Маша.

– Вы можете на него не смотреть! – поспешно проговорил мужичонка. И продолжил давить: – Ну так что? Берете билет?

– Нет, – вздохнула Мария. – Я приду вечером, перед спектаклем. И попробую достать лишний. За разумные деньги.

– Это нереально, – отрубил собеседник. – Вечерами сюда приходят сотни студентов, понимаете – сотни! И все они мечтают только об одном. О недорогом билетике на галерку. Так что вам ничего не светит. А тут: самое престижное место! Партер! Обитое бархатом кресло! И акустика! В том месте, которое я предлагаю вам, она особенно изумительна!

Ситуация начинала ее веселить, и Маша лукаво улыбнулась навязчивому мужичку:

– А вы случайно не рекламный агент?

– Я литератор и не-на-ви-жу торговлю! – живо откликнулся он. – Но жена сказала, чтобы я обязательно пристроил ее билет, потому что двести евро – это немалые деньги, но в кассу их обратно не принимают, а прийти вечером я не смогу...

– Как интересно! – всплеснула руками Маша. – А я литературовед. И буду выступать на конференции по русской

литературе. Слышали, она сейчас проходит?

– Вот как... – Мужичок вдруг смутился. Постоял, подумал и вдруг выдал: – Тогда сто восемьдесят.

– Сто восемьдесят чего? – опешила Маша.

– Евро. За билет. А двадцать – скидка за то, что мы с вами коллеги. Я верну их жене из собственного кармана.

– Нет, вы все-таки не литератор, а коммерсант, – усмехнулась Мария.

– Сто пятьдесят. Вы только подумайте! Альфреда сегодня будет петь Массимо Джордано! А Виолетту – сама Кристина Каллардо Домас, от ее сопрано люди впадают в ступор! А вы придете вечером, грустно постоите под дверью – и вернетесь ни с чем!

– Сто пятьдесят евро – это все, что у меня есть с собой.

– Вот и отдайте их мне, – не растерялся он.

– Вы не поняли. Сто пятьдесят – на все три дня, что я сюда приехала.

– Ох, ну о чем тогда с вами разговаривать! – горячо воскликнул мужичок.

Но не ушел. Снова задумался. И наконец выдал:

– Хорошо. Сто. Но это мое последнее слово.

– Но...

– Сто – или я уйду. Подумайте! Жермона будет петь сам Ренато Брузон! И дирижер – Риккардо Мути!

Полный, конечно, бред. Отдать две трети всех своих денег всего лишь за несколько часов в мягком кресле... Но, с другой стороны, дядька прав. Совсем скоро она уедет и, наверно, не вернется сюда никогда. К тому же, по закону жанра, именно сегодня вечером Илья Александрович или итальянец Марио позовут ее прогуляться. А она в ответ лишь эффектно пожмет плечами: «Сорри. Вечером я занята. Иду в Ла Скала».

И Маша, вздохнув, потянулась за кошельком.

В оперу она явилась при параде – лучшее платье, туфли на каблуках, плюс фамильное ожерелье с четырьмя микроскопическими бриллиантами. И тут же поняла, что, несмотря на все ее ухищрения, выглядит она здесь, в партере, абсолютной Золушкой. Маша не очень разбиралась в haute couture и драгоценностях, но даже ее скромных

познаний хватило понять: наряд каждой из прочих дам тянет как минимум тысяч на десять евро. Ох, эти вечерние платья с открытой спиной! А туфельки, как в сказке, сплетенные будто из лилий! А украшения! Сколько ни убеждай себя, что бриллианты – всего лишь стекляшки, однако их обладательницы столь горделиво выгибают шею... Так снисходительно позволяют кавалерам поддерживать себя под руку... Как ни убеждай себя, что это все лишь мишура, но в Ла Скала очень хочется *поражать*.

Маша нашла свое место и скромненько устроилась в кресле. Итальянский литератор – или кто он там на самом деле был – не соврал: сцена оказалась совсем близко. До спектакля еще оставалось время, но оркестр уже вовсю настраивался, наигрывал, пока вразнобой, бессмертные мелодии Верди. Итальянские буржуи и буржуйки, заполонившие партер, обменивались приветствиями. Наверху, на галерке, галдели студенты. В кресле слева от нее поместился необъятных размеров толстяк в компании столь же огромной дамы. Смешно, но он тут же накрыл огромной лапищей ладонь своей спутницы и принялся нашептывать ей в ушко что-то игривое, а та стреляла в него счастливыми взглядами и лукаво хихикала. Удивительные люди – разве в таком возрасте и с такими габаритами им не положено всего лишь сдержанно обсуждать успехи детей и внуков? Но этим итальянцам после литра просекки, видно, закон не писан.

Кресло справа пока пустовало, и Маша решила: если его никто не займет, она, когда начнется спектакль, обязательно пересядет. А то слушать противно, когда великовозрастные толстяки воркуют в стиле Ромео с Джульеттой.

Но пересесть она не успела – в кресло рядом опустился мужчина. Маша скосила на него взгляд и тут же в смущении отвернулась. Потому что сосед ее просто ослеплял. Выглядел он абсолютным, лакированным итальянцем. Какой-то шикарный граф, не меньше. Черный смокинг, ослепительно белая рубашка, легкие лаковые туфли – интересно, он в них по мокрому асфальту шлепал? Или, как принято в России, переобувался в гардеробе? Хотя о чем это она – такого *перца* наверняка привезли на машине. На каком-нибудь столь же лакированном «Мазератти». Хотелось бы знать, где же его холеная, надменноглазая спутница? Наверно, она не интересуется оперой. И

проводит этот вечер на каком-нибудь светском приеме, куда после первого акта «Травиаты» переместится и ее супруг...

Маша слегка загрустила. Все-таки, хотя и удалось себя убедить, что именно *ее* жизнь, с литературой, работой в вузе, скромной зарплатой и одинокими чаепитиями, – единственно правильная, а иногда хочется чего-то иного. Такого же сверкающего, праздничного, роскошного, как Ла Скала. Или как ее сосед по креслу. Прекрасный итальянский граф. Какой-нибудь очередной Марио...

И вдруг она услышала мужской голос и абсолютно чистый русский язык:

– Привет!

– Чего? – пораженно переспросила Маша.

– Привет, говорю! – беззаботно подмигнул ей сосед-итальянец.

Даже намек на акцент нет.

– Вы кто? – тихо поинтересовалась она.

– Игорь. Для друзей – Уай. А вы?

Представляться она не стала. Осторожно поинтересовалась:

– А что значит «Уай»?

– Сокращение от «Игрек», – усмехнулся он. – От предпоследней буквы английского алфавита. Но этим прозвищем меня только близкие друзья называют.

– А мы с вами уже настолько подружились? – Насмешка в голосе далась нелегко.

– Пока нет. Но скоро подружимся, – уверенно откликнулся он.

И тут Машу осенило.

Опять! Опять очередные дедовы штучки!

Она инстинктивно сдвинулась на самый краешек своего кресла и сердито сказала:

– Я все поняла. Могла бы сразу догадаться, что этот литератор со своим билетом ко мне пристал неспроста...

– О чем вы, милая дама? – беззаботно поинтересовался новый знакомый.

– Да о том, что нечего меня сватать! – рявкнула она. – Я и сама разберусь!

Получилось громко – даже соседи-толстяки повернули головы и посмотрели изумленно. А вот в лице Игоря-Игрека ничего даже не дрогнуло.

– Вы меня интригуете, – светски произнес он.

– Я бы ушла, – отрезала Маша. – Но билет обошелся мне в сто евро. И поэтому я останусь. Только говорить с вами нам больше не о чем.

– Сто евро за такое место – очень выгодная сделка.

Кажется, этот Игрек над ней просто издевается.

– А сколько вам мой дед заплатил?! За меня?! – не выдержала она. – Тысячу, две? Или вы с ним договорились по бартеру?!

Вот тут и он растерялся. Переспросил:

– Ваш дед?

– Ну да. Николай Матвеевич Шадурин.

– Я эту фамилию впервые слышу.

– Ладно врать-то! – совсем уж распсиховалась Маша.

– И за что же ваш дед должен был мне заплатить? – спокойно поинтересовался Игорь.

– А у него идея фикс – меня замуж удачно выдать! – зло откликнулась она. – Только я ни за какой *замуж* не собираюсь!

– Повторяю еще раз: никакого Шадурина я не знаю! – твердо возразил собеседник.

– Да-да, рассказывайте! – продолжала кипятиться Маша.

– И в плане замужества я партия совсем неподходящая, – спокойно продолжал Игрек. – Такой девушке, как вы, нужен мужчина состоявшийся. С блестящей карьерой. А я кто? Сорок лет, ни кола ни двора, ни Отечества. Ни определенных занятий. Мечусь по свету, перебиваюсь там и сям... Ни один хоть сколько-нибудь здравомыслящий дед не станет мечтать о таком супруге для любимой внучки.

А у Маши в голове вдруг мелькнуло: она бы тоже хотела так жить! Мотаться по свету, перебиваться там и сям и периодически надевать смокинг с лаковыми ботинками и заглядывать в Ла Скала... Причем в партер.

Но она твердо повторила:

– Давайте на этом наше знакомство закончим.

– Давайте, – легко согласился Игрек. – Тем более что спектакль начинается.

И будто сигнал дал, в зале тут же погас свет, а публика бешено зааплодировала.

– Мути приветствуют, – как ни в чем не бывало просветил ее сосед. – Он и правда восхитительный дирижер. Достойный наследник Тосканини. Знаете, кстати, что это именно Тосканини ввел правило, чтобы занавес поднимался не вверх, а разъезжался в стороны?

– Какая разница? – буркнула Мария.

– Когда занавес вверх поднимается, сначала ноги артистов видны, потом бедра и так далее. А Тосканини хотел, чтобы люди сразу всю картинку видели... Все, не буду вам мешать.

Игорь повернулся к сцене.

И больше за весь первый акт, а это добрых полтора часа, не произнес ни слова. А Маша ужасно злилась. Потому что опера действительно оказалась исключительной. Нежные голоса, слаженный хор, изящные декорации, великолепная музыка... Никакого сравнения с родным Большим. Но она вместо того, чтобы полностью погрузиться в спектакль, то и дело взглядывает на дурацкого болтуна Игоря-Игрека... Просто свинство! Ведь обычный мужик, ничего особенного, а такая от него энергетика прет, что ощущаешь ее всей кожей. Или это смокинг на нее так подействовал? Стыдно признаться, но прежде она видела мужчин в вечерних нарядах только по телевизору. В фильмах из жизни высшего общества – сигары, бокалы с виски, крытые зеленым сукном столы... А тут *высший свет* рядом сидит, но она его уже послала... Не глупо ли? Ну и пусть его прислал дед. Они же не в загс собираются, почему бы не поболтать в антракте?

Действие летело к концу, а Маша, вместо того чтобы наслаждаться стремительной, как в хорошем кино, картинкой, мучительно раздумывала, как бы в антракте заговорить с Игорем, чтоб он не счел ее совсем уж окончательной дурой...

Но, как оказалось, подбирала слова она зря. Потому что, едва упал занавес, он как ни в чем не бывало обернулся к ней и галантно предложил:

– Шампанского?

И она, краснея, будто первокурсница из какого-нибудь далекого Сосногорска, пролепетала:

– Да...

Они с Игорем вместе уже почти год, но тот по-прежнему стоит на своем: никакого Шадурина он не знает. И никто его в Ла Скала тем

вечером не присылал. Да и вообще: он не из тех, кто женится, все его знакомые, близкие и далекие, это прекрасно знают: «И давно уже зареклись меня с кем-то знакомить».

– Но со мной-то ты познакомился... – пробурчала тогда Маша.

– А ты меня знаешь чем сразила? – расхохотался Игорек. – Лицом своим серьезным. Ни улыбки, ни смешинки. Единственная бука на весь театр.

– Сам ты бука!

– Ну или Снежная королева. Крепкий орешек. Как раз для меня...

В том, что она – *для него*, Маша как раз сомневалась. Игорь прав: они действительно совсем неподходящая пара. Девушка из скромной московской семьи – и гражданин США Игорь Старых. Ей – двадцать восемь, ему – сорок. Она – литературовед, а он – с ума сойти! – по основной профессии – игрок. Картежник запойный. Попростонародному – катала. И, главное, абсолютно этого не стесняется. Даже Машиным родителям признался при первом же знакомстве. Еще и нагло добавил:

– Профессия как профессия. Как все. Геолог. Учитель. Литературовед. Игрок.

– Вы имеете в виду... вы крупье в казино? – осторожно переспросил Машин папа.

– Да господь с вами! – отмахнулся Игорь. – Крупье – это абсолютный примитив. Машина по раздаче карт. Последняя спица в колеснице. Нет. Я никогда не работал в подобных заведениях. А играю только в частных домах. С хозяевами и их гостями. По всему миру.

– И во что же вы играете? – папа на глазах бледнел.

– Предпочитаю интеллектуальные игры, – спокойно отчитался Игорь. – Преферанс, бридж. Не отказываюсь от покера, больше всего люблю техасский. А иногда, – он широко улыбнулся, – хозяева просят с детьми поиграть. В «секу» или в «дурачка».

– С детьми? – не поняла мама.

– А почему бы нет? – пожал плечами он. И объяснил: – У иных детей капиталы побольше родительских...

– Маша, боже мой! – кинулась к ней мать, едва Игорь вышел на балкон покурить. – Кого ты привела в дом?! Как ты могла?!!

...Еле она отбилась. А когда попробовала попенять Игорю: «Ты ведь их специально дразнил?» – тот только усмехнулся:

– Никого я, Машенька, не дразнил. Просто не желаю, чтоб ты или родители твои себя иллюзиями тешили. Я – какой уж есть. И, как бы вам всем ни хотелось, в чистенького менеджера с галстуком и на «Дэу Нэкси» я уже никогда не обращусь.

– Нет, нет, ни в коем случае! – испугалась она, потому что тут же вспомнила чистенького Аськиного «экса» Мишку. – Лучше играй в свои дурацкие карты! И никаких галстуков!

...Но Игорь, конечно, слегка эпатировал. Потому что, несмотря на несерьезную профессию, имелось у него и неплохое образование (наш мехмат плюс американская степень магистра), и кое-какие капиталы, и даже собственное бунгало в Калифорнии.

И едва Маша заикнулась о своей давней мечте учиться и работать в Америке, он даже руками, что для него совсем нетипично, всплеснул:

– Что ж ты раньше молчала?!

И уже через неделю они вылетели в Калифорнию.

Прожили в Игорьковом бунгало пару месяцев, исколесили Лос-Анджелес и окрестности, посетили Лас-Вегас, Чикаго и Нью-Йорк. Игорь возил Машу по лучшим университетам. Вместе бродили по студгородкам, заходили в кампусы, слушали открытые для свободного посещения лекции, дружески общались с преподавателями – у Игоря повсюду были знакомые.

Но чем больше Маша к этой жизни присматривалась, тем больше убеждалась: она к ней не готова. Пока. Пожалуй, права была ее случайная знакомая Ангелина Петровна: слишком много здесь условностей, правил, ограничений... Пока привыкнешь – обалдеешь. Да и скучно по чужим правилам играть.

К тому же Игорь, что существенно, в Штатах жить не хочет. Устал, говорит, от американского занудства. А жизни без него Маша теперь просто не представляет.

И они вернулись в Москву. Маша снова вышла на работу в свой институт, а Игорь очередную авантюру затеял.

Появилась у него идея открыть в российской столице элитный карточный клуб. Не казино, а именно клуб, где встречались бы друзья и играли за одним столом.

– Денег у меня хватит, опыта тоже. А что российскую специфику подзабыл – так ты поможешь.

И Маша согласилась в свободное от основной работы время участвовать в афере сердечного друга. Вот это карьера литературоведа, просто со смеху умереть!

...Странно у нее пошла жизнь.

Странно, но очень счастливо.

В то же самое время. Ася

Ася вернулась домой никакая. Часы показывали полночь, Никитка спал, няня недовольно шуршала газетой.

– Извините, Нина Михайловна, – устало пробормотала Ася. – Устали?

– Да что я? – отмахнулась няня. – Ты-то почему так долго?

– Дела, – коротко ответила та.

– Не сердись, Асенька, что вмешиваюсь, но разве так можно? – покачала головой няня. – Ты на себя хоть в зеркало посмотри: бледная, глаза красные...

Спасибо, конечно, за сочувствие, но Ася уже отвыкла, чтобы посторонние – особенно няни! – вмешивались в ее жизнь. И она сухо сказала:

– Я вам заплачу за переработку. А сейчас вызову такси.

Няня взглянула на нее с укором. И добавила:

– А еще Никитка сегодня вечером плакал.

– Почему? – расстроилась Ася.

– Сказку я ему не ту рассказываю. У мамы, говорит, интереснее.

– Ох, Нина Михайловна, но что поделаешь-то? – Ася мигом забыла, что с наемными работниками положено держать дистанцию. И начала оправдываться: – У меня опять два грузовика пропало. Из Бреста выехали, до Москвы не доехали, по милицейским сводкам не проходят. Вот и гадай: хорошо, если шоферюги запили, а если снова, как месяц назад? Когда водителя из кабины вытолкнули, а машину с товаром угнали?..

– Товар товаром, а ребенок ребенком, – строго сказала няня. – У нас с Никитой, конечно, полный лад, но мальчик ведь скоро забудет, как мама выглядит!

– Скажите ему, что плохо! – усмехнулась Ася. И пообещала: – Ничего, Нина Михайловна. Вот чуть-чуть с делами разгрёбуть – и буду, как все, домой приходить. В девятнадцать ноль-ноль.

– Что-то не очень верится... – недоверчиво произнесла няня. И припечатала: – Не идет тебе, Асенька, быть деловой. Не из таких ты. Сидела бы лучше дома.

– Идет, не идет, а жить надо, – пожала плечами Ася. – На государственные пособия ребенка не прокормишь.

И, проводив няню до дверей, устало рухнула в кресло. Даже Никитку поцеловать не подошла – ей нужно хотя бы минуток пять, чтобы просто отдышаться и, пусть минимально, прийти в себя.

Кто, интересно, смеет распускать сплетни, что у деловых женщин – гламурная, беспроблемная и яркая жизнь? Светские приемы, заграничные поездки, тарталетки с икрой, бокалы ледяного шампанского – да она всего этого и в глаза не видела!

Ася в бизнесе уже одиннадцатый месяц, а на том, что называется красивым словом *тусовка*, единственный раз была. И то по необходимости, когда Машка с хахелем Игреком пригласили ее на открытие своего элитного карточного клуба. Тут уж отказать нельзя никак, но Ася с тех пор на светские мероприятия ходить зареклась. У нее каждая минута на учете, работы вагон, и с ребенком хотя бы иногда хочется побыть, а тут трать время на целую серию ерунды. В парикмахерской торчи, ногти полируй, туфли выбирай, платья примеряй, декольте пудри... Часов семь на подготовительные мероприятия ушло, не меньше. И пусть выглядела она на тусовке *почти ослепительно*, зато дома, поздним вечером, Никитка ей выдал:

– Мама – кака!

– Почему это? – возмутилась она.

И мальчик, едва освоивший несколько слов, вполне понятно объяснил:

– Блосила...

И малыш прав. С ним она теперь проводит от силы пару часов в сутки, не считая ночей, когда Никитка спит, а Ася, сидя без сна, любит очаровательным беззащитным личиком и перебирает светлые, в непокорных завитушках, волосики.

Но что поделаешь, если жизнь сложилась именно так? Если после ухода Мишки они остались в буквальном смысле без копейки? Не

ходить же по вагонам метро, не просить милостыню? Тоже, конечно, работа, но как подставишь Никитку под град вирусов?

Ася прошла на кухню. Плеснула в рюмку «Бейлиса» – совсем немного, на пару глотков – и снова вернулась в кресло. Спина после бесконечного сидения за рулем болела нещадно, перед глазами прыгали неприятные желтые точки.

Зато для бизнеса день прошел совсем неплохо. Отдел продаж отчитался о восемнадцати новых клиентах, а основной поставщик в связи с возросшим оборотом увеличил оптовую скидку на целых полтора процента. Если так и дальше пойдет – через полгода можно будет штатное расписание увеличить. И задумываться о более удобном, хотя бы класса В, офисе, поближе к центру...

А как все начиналось!

Вот уж точно: как вспомнишь, так вздрогнешь.

...Ее бывший муж Мишка оказался человеком абсолютно безжалостным. Как пригрозил: «Больше вы меня не увидите», так и сделал. Спасибо, хоть невеликое *совместно нажитое имущество* оставил – телевизор, холодильник, компьютер да стиралку. Но денег – ни копейки. Вот и остались они с Никиткой на съемной квартире и с Асиным пособием по уходу за ребенком, а это известно какая сумма, едва хватает на пару пачек подгузников.

Да еще и малыш, чуткая натура, сразу расхворался – тяжело, с температурой. Районная педиатр сказала, что это типичная простуда, но Ася-то знала: Никитка хотя и совсем ребенок, а чувствует, когда в семье беда. И так как к *бедам* у него еще иммунитета не выработалось, тут же заболевает.

И получилось: даже за едой, не говоря уже о лекарствах, не выйти, потому что не потащишь же с собой больного ребенка, а оставить его не с кем. Машка умотала в Милан, Макс – на турнир, мама сутками на работе, папа – в экспедиции. Тупиковая ситуация, хоть рыдай. Или к Мишке ползи с повинной. А дедовой чаши, чтобы попросить о помощи, больше нет...

Хорошо хоть она немного денег смогла отложить – с тех невеликих сумм, что бывший муж на хозяйство выдавал. Помнится, делала заначки и переживала, что нехорошо Мишку, родного человека, обманывать, а как теперь это оказалось кстати! Только кто еще на эти

деньги сходит купить памперсы? Детское пюре? Лекарства? Не к соседям же обращаться – в Москве это как-то не принято...

И тут Ася вспомнила, что Мишка, отдыхая по вечерам, обязательно утыкался в компьютер. И, судя по тому, что на экране мелькали то автомобили, то полуобнаженные дамы, путешествовал по Интернету. Сама Ася со всемирной Сетью была знакома слабо, у нее на такие глупости времени не было, но не совсем же она дремучая. Слышала, что все прогрессивное человечество давно уже делает покупки по Интернету. Там вроде бы и магазины есть, и виртуальные аптеки. Может, в них и заказать все, что нужно больному Никитке?

И она, перекатив кровать со спящим малышом в большую комнату, где компьютер, чтобы, если что, тут же схватить его на руки и успокоить, вышла в Сеть.

И детский магазин, и аптеку нашла без труда. Выбрала подгузники, пюре и лекарства. Заполнила, как просили, форму заказа. Отправила. И стала ждать, как грозились в рекламе, «товар мы доставляем со скоростью мысли».

Но только мысль у интернетовских торговцев, видно, работала как-то неспешно, потому что ни на этот день, ни наутро следующего Ася заказа не дождалась. Просто не привезли – и все. Без объяснения причин.

«Может, я что-то сделала неправильно?» – расстроилась она. И нашла в Сети другой магазин – здесь просили не заполнять форму, а выбрать товар и позвонить по московскому телефону. Ася добросовестно выписала марки, цены и даже артикулы, принялась звонить – и убила на бесконечное «занято» пару часов, не меньше. А когда дозвонилась, оказалось, что выписывала зря. Из подгузников в наличии имелись лишь дорожные японские, а детское питание и вовсе не продавалось...

Ни фиги себе сервис, как сказал бы братишка Макс.

Хорошо хоть у Никитки оказалась не простуда, а, как и думала Ася, что-то вроде нервной реакции, и температура на следующий день уже опустилась. Так что они максимально утеплились и, наплевав на Интернет, пошлепали по магазинам вдвоем.

Но неудачный опыт Асе в душу запал. Как не стыдно такие интернет-магазины держать?! Она-то, наивная, думала, что раз открывают люди бизнес, значит, понимают, что на них теперь другие

надеются. И работают со всей ответственностью. А в этом Интернете что творится?! Ждешь заказ, рассчитываешь на него, а тебе даже не объясняют, почему товар не привезли.

И ее вдруг осенило: может, открыть виртуальный магазин самой? А что, вполне конкурентоспособная идея. Уж она-то своих покупателей «кидать» ни за что не будет!

Решено. Пробуем.

Ася обзвонила несколько фирм, которые предлагали «продажу интернет-магазинов под ключ». И очень расстроилась, потому что за весь пакет – регистрация фирмы, разработка и поддержка сайта, выделенная телефонная линия – денег просили абсолютно несусветных. А ведь нужно еще товар закупать! И где-то машину брать, на которой его развозить. И если уж она за это возьмется, надо искать Никитушке няню...

Да, может, все ее мечты о виртуальном магазине и вовсе пустое? Может, ей одной так не повезло, а все прочие пользователи Интернета благополучно заказывают товары в каких-то других, более проверенных, местах?

Но как это узнать?

И Ася решила запустить пробный шар.

Она знала, что в Сети имеется мощный портал «Posidelki.ru». Тут собирались исключительно женщины и вели болтовню на самые разные темы – от парфюмерии и способов заполучить перспективного жениха до токсикоза и воспитания мелюзги.

На «мелюзговой» страничке Ася и оставила сообщение: *«Милые мамы, кому некогда или сложно. Привезу вам быстро и дешево подгузники, детское питание или любой другой, срочно нужный малышам, предмет».*

А на следующее утро, когда открыла почтовый ящик, глазам своим не поверила: восемнадцать новых сообщений! И все они оказались с «Посиделок».

– Нужны подгузники такие-то, две большие пачки, очень срочно, на все другие аллергия.

– У ребенка проблемы с кишечником, врач велел давать пюре из слив, нигде не могу купить.

– Хочу подарить племяннику сосочку, но только зеленую, под цвет глаз, а в «Детском мире» таких не встречала...

Одно из сообщений, подписанное ником «Девушка Бонда», и вовсе ее растрогало: *«Горю на работе! В магазины ходить некогда! В интернет-шопах впаривают всякую ерунду! А моему мелкому постоянно нужно то одно, то другое! Может, хоть вы не обманете?!»*

Ну ничего себе оказался спрос! А ведь Ася это объявление просто так написала. Навскидку. Для проверки. И уж совсем не планировала выполнять заказы.

Но теперь-то как быть? Люди ведь ждут!

– Да, Никитыч. Похоже, мы с тобой попали, – тихо произнесла она. – Что ты по этому поводу скажешь?

Сын на секунду задумался, будто и правда размышлял, как выкручиваться. А потом серьезно произнес:

– Бла-бла.

– И ты абсолютно прав! – похвалила Ася. – Нечего было бла-бла разводиться. Но я ж не думала, что девчонки заказы начнут оставлять! Да еще так много!!

– Бусь, – откликнулся Никитка.

Бусь. Это что-то новенькое. Что, интересно, оно может значить?

– Ты имеешь в виду – пусть? – переспросила Ася.

– Бусь, бусь! – радостно закивал сын.

– А пусть что? Пусть забудут или, наоборот, пусть ждут, пока я им заказы привезу?

Но ребенку уже надоело вести с мамой взрослые беседы. Отвернулся и уполз, углядел, что за батареею кубик завалился. Что ж, значит, решать придется самой...

Допустим, она знает, где купить зеленую соску. И пюре из чернослива видела в ближайшем к дому магазинчике. И подгузники именно той, нужной заказчице марки встречала... Да и остальные заказы, пусть не с лету, но выполнить вполне реально. Не очень, наверно, дешево получится, особенно с учетом того, что и себе за работу нужно немного оставить, но ведь никто из девочек про цену даже и не спросил. Видно, тут вопрос не в деньгах, а в том, чтоб доставили именно то, что нужно. И срочно.

Только как ей одной со всеми этими заказами, да еще и быстро, обернуться?! Без машины, без няни и без денег на расходы?!

«Нереально, – решила Ася. – Выкинуть из головы – и забыть».

А в голове, в унисон, вдруг вспыхнула любимая реплика бывшего мужа: «Бесполезное ты существо...»

Неужели Мишка прав? И она закончит свой бизнес, так его и не начав?!

Нет уж.

– Сам ты... существо, – сквозь зубы пробормотала Ася.

И кинулась к компьютеру. Отвечать всем своим потенциальным заказчицам. Уточнять цену на товар и назначать время доставки.

...На удивление свой первый, с бухты-барахты, заказ Ася исполнила без сучка без задоринки. Два дня бегала-ездила без обедов и ужинов, хорошо хоть Никитка грудь уже бросил и за собственным питанием можно больше не следить. Но все, что заказывали девчонки, нашла. И подгузники привезла именно те, что просили, и нужное пюре из чернослива купила, и даже соску, именно зеленую.

Пришлось, правда, к родителям идти на поклон. Маму просить взять пару отгулов и посидеть с Никиткой. А папу, едва приехавшего из очередной экспедиции, огорашивать новостью, что она реквизирует его «Жигули»-«копейку».

– Ася! Да ты последний раз за рулем два года назад сидела! – перепугался отец. – Все забыла! Да и движение в Москве теперь совсем сумасшедшее!

Но у Аси один ответ:

– Я уже обещала девчонкам. Значит, должна сделать. Сами меня ответственной воспитывали.

Пафосно, конечно, звучит, но если первый заказ не исполнишь, значит, других точно больше не будет.

Никитка на двухдневное отсутствие мамы не обиделся – ему и с бабушкой хорошо. Бесед, как со взрослым, та с ним, правда, не ведет, зато книжки читает – громко и с выражением. И терпеливо водит за ручку. А на улице и ворон показывает (кар-кар), и синичек (фить-фить).

...А когда Ася – счастливая! – вернулась домой после доставки последнего заказа, мама строго спросила:

– Ну как? Ты в прибыли?

Дочь даже опешила – слишком уж нетипичный вопрос для школьной учительницы! – и пробормотала:

– Мамуль! А я не знала, что ты теперь такая современная...

– Дети научили, – вздохнула та. – Представляешь, накануне мой ученик, пятиклассник, новым мобильником хвастался. Я спрашиваю, в честь чего подарок? А он отвечает: «Да просто так. Потому что в семье профицит бюджета».

– Сейчас посчитаю, какой там у меня профицит... – пробормотала Ася.

Слово было незнакомое, но догадаться несложно. Наверно, оно от английского «profit» происходит? То есть «выгода»?

Правда, выгода от ее сумасшедшей двухдневной беготни оказалась совсем невеликой. «Грязная» часть – еще туда-сюда, а чистой прибыли – копейки. Ведь на один бензин сколько ушло. И на штрафы – то на улицу с односторонним движением случайно заехала, то через сплошную развернулась. А еще, имея в виду грядущий бизнес, она пару дисконтных карт купила в разных магазинах – тоже расходы. Зато девочки с портала «Posidelki» ее захвалили: «Быстро, четко, и курьер интеллигентный». И тут же надавали еще больше новых заказов.

Только Ася их даже рассортировать не успела, когда тему вдруг удалили, а на ее почту шлепнулось грозное предупреждение от модератора: нечего, мол, использовать сайт для коммерческой выгоды и личного обогащения. Хотите зарабатывать – открывайте интернет – магазин. Только вот где на это бешеных денег взять – не посоветовали.

Ася сначала опять расстроилась, а потом – девчонки-то свои заказы ждут! – отправила модераторам жалобный ответ. Так, мол, и так, мать-одиночка, как может, поправляет собственное материальное положение и заодно другим девчонкам помогает, а вы ее в злостные коммерсанты записали, нехорошо-с...

Выплеснула эмоции – и пошла баловаться с Никиткой, а то бедный малыш в последние дни совсем позаброшен. А когда вернулась к компьютеру, оказалось, что модераторы уже ответным письмом разразились: что ее мелкому бизнесу они препятствовать и не думали. Только плати – совсем чуть-чуть – за саморекламу, а они за то готовы постоянно поддерживать ее тему на плаву.

«Как никто раньше о таком не догадался?!» – возликовала Ася.

Тут же подписала с «Посиделками» договор аж на три месяца и только потом задумалась.

Бизнес, конечно, получается интересный, и нравится он ей. Только, раз уж взялась, мамиными отгулами ей никак не обойтись. Да и папина «копейка» на ладан дышит, на одних ремонтах разоришься. Значит, нужны няня и нормальная машина, а это немалые деньги. Да и закупаться в обычных, розничных магазинах явно невыгодно, значит, следует оптовые базы искать. И упрасивать, чтоб вели с ней – лицом физическим, без счета в банке – дела. А еще лучше создать собственную базу данных, чтоб в ней имелись все товары и все цены. Которая постоянно бы обновлялась...

Дел миллион. А помочь некому. Родителей больше напрягать неудобно, да и возможностей у них никаких. Макс окончательно помешался на своем теннисе. А Машка, с ума сойти, как в пучину, ринулась в свою первую настоящую любовь...

Но тут Ася, как оказалось, ошиблась.

Потому что и сестра, и брат приняли в ее маленьком бизнесе самое горячее участие.

Машка горячо взялась за подбор няни, причем категорически настояла, что платить ей она будет из собственных средств.

– С какой стати, Маша? – возмутилась Ася.

– Да ведь надо же какое-нибудь твое *желание* исполнить! – отрезала сестра. – А то просила у чаши всякую ерунду, а теперь поздно уже...

– Ну почему ерунду? Зато Никитка ночами спит хорошо, – улыбнулась Ася. И честно добавила: – Правда, я все равно не сплю. Голова забита. То заказ попадаетея сложный, то думаю, как время выкроить, чтоб Никитку на выходные куда-нибудь за город вывезти...

– А вот об этом теперь будет думать няня, – отрубил сестра.

И устроила настоящий кастинг.

Обзвонила всех даже самых дальних знакомых, обошла с десяток агентств по подбору домашнего персонала, вывесила в Интернете множество объявлений...

Няни пошли косяком, только почти все отсеивались после первой же беседы со строгой работодательницей.

Маша отбирала воспитательницу Никитке по каким-то своим, ведомым ей одной критериям. Педагогического образования не требовала, умения готовить детское пюре не проверяла. Но заказчицей все равно оказалась более чем придирчивой. Потому что, сказала,

хочет, чтоб Никиткина няня «уровня пушкинской Арины Родионовны» была.

И постоянно жаловалась Асе:

– Представляешь, сегодня тетенька приходила, с виду – сама интеллигентность. Я почти с ней договорилась, а потом решила проверить, много ли она сказок знает. И говорю: «Там, на неведомых дорожках...» А она, вместо того чтоб дальше процитировать, только глазами хлопает. И спрашивает: «Это откуда?» Я, конечно, ей сразу отказала.

– Маш, ты, по-моему, придираешься, – качала головой Ася.

– Ничего подобного, – кипятилась сестра. И горячо вопрошала: – Ты хочешь, чтоб мой племянник думал, будто «Героя нашего времени» Гоголь написал?!

– Рано ему пока Лермонтова читать, – улыбалась сестра.

– Ничего не рано! – возмущалась Маша. – Я твоему Никитке, между прочим, всегда «Белеет парус одинокий» читаю. И знаешь, как ему нравится?

Ася хотела сказать, что еще больше Никитке понравился опус «Судьба воровская», который он случайно услышал по «Радио Шансон», но решила не расстраивать сестру.

А няnek пусть сестра ищет как умеет.

...Решилась и проблема с машиной после пары месяцев войны с папиной старой «копейкой».

Тут неожиданно помог Макс.

Сначала позвонил, очень загадочным голосом сообщил, что едет на турнир «Тольятти оупен». И просил за него помолиться, потому что «это в твоих, Аська, интересах».

Какой ее интерес в победе брата, кроме, конечно, морального, Ася тогда не поняла, но просьбу исполнила. Даже однажды, пока ждала нерадивую, не оказавшуюся вовремя дома, заказчицу, в церковь заглянула и добросовестно поставила свечку Николаю Угоднику.

И, оказалось, не зря. Потому что в Тольятти брат выиграл. И турнир, где он победил в финале, оказался не жалким сателлитом с призовыми в тысячу долларов. Брат, Ася за своими бедами и не заметила, уже давно перепрыгнул на новый уровень. И за победу на «Тольятти оупен» получил ни много ни мало – новенький «жигуленок». И триумфально презентовал его сестре.

– Ты с ума сошел. Не возьму, – возмутилась Ася.

– А что тебе остается? – хмыкнул брат. – Тем более что машина записана на тебя. Я своего менеджера попросил.

– Макс, спасибо, конечно... – растрогалась Ася. – Но эту машину заслужил ты! Я ведь вижу, как тяжело тебе это все достается...

– Кто б спорил, – хмыкнул брат. – Только тебе – еще хуже. Мне-то хоть чаша легонца помогла, а ты ваще, как рыба об лед... Строй пока что свой мелкий бизнес. А я, когда окончательно разбогатею, интернет-магазин тебе куплю.

– Вот как разбогатеешь, тогда и подаришь машину. Другую, – твердо сказала она. – А на этой сам езди.

– Езди, ха-ха! Можно подумать, у меня права есть! В России их только с восемнадцати выдают, не знаешь, что ли?! А к восемнадцати, – Макс гордо подбоченился, – я уж надеюсь себе что-нибудь поприличнее наиграть. «Порш», например.

– Ну, ты скромник! – расхохоталась Ася.

И больше отказываться не стала. В конце концов, новому «жигуленку» хоть зажигание не надо еженедельно выставлять, как старой «копейке». И жиклеры продувать тоже не нужно.

...Ну а с няней и с какой-никакой машиной дела пошли совсем резво. Никакого, конечно, офиса с мраморными полами и пальмами не было и не предвиделось, как и номерных счетов в швейцарских банках, но уже через полгода Ася смогла себе позволить *юридическое лицо*. И пятерых наемных сотрудников – секретаря, менеджера плюс трех курьеров. А еще через три месяца ее штат пополнился диспетчером на телефоне и толстой бухгалтершей, а реклама Асиных услуг теперь не только висела на «Посиделках» отдельной плашкой, но и расплзлась по всем сайтам, на которых общаются молодые мамы.

...Только одна беда – ей постоянно хотелось спать. Еще сильнее, чем даже в те времена, когда Никитка орал подряд всеми ночами. Потому что возвращалась она не раньше десяти вечера, коротко отдыхала, потом бросалась на неизбежные домашние дела и падала в постель только часам к двум ночи. А вставала вместе с малышом – в семь. Хотелось ведь, прежде чем мчаться на работу, хоть поиграть с ним немного. Покормить. Поболтать. Порадоваться все новым и новым его подвигам – то научился фырчать, как ежик. То освоил, как пить из чашки. И даже умеет складывать свои вещи в стиральную

машину – правда, грузит туда не только грязные одежды, но и галоши, и надоевшие игрушки...

И еще не беда, конечно, но полбеда – денег все равно не хватало. Потому что Мишка по-прежнему не помогал никак. Те официальные алименты, что приходили, Ася даже получала не каждый месяц, потому что у нее время – деньги, а в сберкассе можно проторчать часа два. А то, что зарабатывала она, в большей своей части шло на развитие бизнеса. И на взятки, конечно. Как ни кричали политики, что малым предпринимателям у нас везде зеленый свет, только лично ей повсюду в лучшем случае приходилось проскакивать на желтый... То СЭС наедет, то пожарные, а налоговая – вообще скопище монстров.

Никитку она, правда, одевала, как картинку, и в игрушках не ограничивала, тем более что покупать все удавалось с большими скидками, на тех же оптовых складах. А вот на себя жалела. Офис у нее скромненький, и никакого дресс-кода, ясное дело, нет. Ну и зачем тратиться на дорогие костюмы, если в джинсах куда удобнее? Особенно если кто-нибудь из курьеров вдруг заболит и придется самой прыгать за руль и колесить по всей Москве, развозя заказы?

Да и с развлечениями тоже не складывалось. Куда-то ехать, в красивые экзотические страны, – Никитос еще маленький. Ходить в театры и рестораны одной неохота. Тем более когда знаешь, как тоскует брошенный на няню малыш. А всякие косметологи и СПА – в них же больше не для себя, а для любимого мужчины ходишь. Чтоб поразить его своей неземной красотой...

Но только мужчины в Асиной жизни тоже не было. И никогда не будет, наверно. Аллергия на них у нее. После того как Мишка, когда-то любимый муж, так с ней поступил.

...И Ася иногда очень завидовала брату и сестре. Но не тому, что все в их жизни очень гладко складывалось. Просто какие они оба молодцы, что, пока можно было, грамотные желания дедовой чаше загадали! Машка нашла себе действительно любимого человека. Макс явно преуспевает в своем теннисе...

И только она, дурочка, растратила волшебные силы дедова сокровища на какую-то ерунду. То, что Никитка ночами спать начал, это, конечно, хорошо. Но она могла бы и до его годика потерпеть, когда сон у ребенка сам по себе налаживается. Без всяких невропатологов и гомеопатий.

А уж второе желание, с цветами, и вовсе полная ерунда. Надо же было подобную глупость загадать!!!

А чаши теперь нет, ничего уже не исправишь. Вот и пробивайся в жизни своими силами.

Но она так устала...

...Ася допила свой «Бейлис» и встала с кресла. Нечего тут расслаживаться и предаваться бессмысленным воспоминаниям. Нужно поцеловать Никитку и идти спать. У нее завтра опять тяжелый день.

Ноябрь. Семья

Как же все изменилось по сравнению с прошлым ноябрем! Всего-то год прошел, а они – совсем другие.

Идею отметить *годовщину обретения чаши* подкинула Мария. Ведь странный подарок всю их жизнь перевернул!

Вот она и надела на Асю и на Макса:

– Давайте в ресторан сходим! Втроем. Посидим, поболтаем. Итоги, можно сказать, подведем...

Оба, и сестра и брат, пытались от торжества увильнуть.

– Да ну, Машка, – возмущался Макс. – У меня только сезон закончился, сил вообще ни на что нет. Я до Нового года из постели вылезать не собираюсь!

Ася тоже не обрадовалась:

– Работы – вагон, Никитка уже слово «мама» забывает. А я буду по ресторанам расхаживать!

Но Маша была неумолима:

– Подумаешь, три часа времени. Мы уже *семьей* сто лет не виделись!

И, конечно, настояла на своем.

Загодя заказала столик в ресторане и продолжала каждый день капать брату с сестрой на мозги.

И оба сдались. Макс, ворча, будто старый дед, покинул постель, Ася в кои-то веки ушла из офиса точно по КЗОТу, в восемнадцать ноль-ноль. А в семь вечера все трое уже сидели в итальянском ресторанчике «Ла Гротта». Маша, едва поздоровались, с удовольствием откинулась в мягком кресле и заявила:

– Ресторан, кстати, один из самых лучших. И дорогуших. Чем не итог? Помнится, год назад мы себе и «Макдоналдс» позволяли только по праздникам.

– Да, смотрится нормалёк, – похвалил Макс. И небрежно добавил: – Правда, слишком уж косят под Италию. И явно перебарщивают.

Макс знал, что говорит, он только что вернулся с турнира в Палермо. Выступил не особо удачно – вылетел в третьем круге, но тренер был доволен. Для взрослых соревнований, да еще второй категории, вполне впечатляющий результат.

– А кормежка здесь вкусная? – открыла меню Ася. – Хочу настоящую пиццу! – И пожаловалась: – Я в последнее время, по моему, вообще не ем. Мы, правда, в офис микроволновку купили, но в ней же ничего толком не приготовишь! Вот и сидим на покупных супах и пиццы замороженные жарим. Редкостная гадость...

– Пицца тут достойная, – со знанием дела откликнулась Маша. – Как, впрочем, и ризотто, и паста, и сервис. – И объяснила: – Этот кабачок Игрек нарыл, а он в хавчике разбирается.

Ася фыркнула.

– Чего это ты? – подозрительно спросила сестра.

– Да не узнаю тебя просто! Словечки-то какие: «хавчик», «нарыл»! Да и звучит странно, когда Маша Шадуринa вдруг признает, что некий мужчина в чем-то разбирается. Ты ж у нас такой эмансипэ была!.. Помнишь, как говорила? Мужик – суть существо низшего сорта!

– Но Игорь действительно разбирается! – горячо возразила Мария. И, увидев, что Макс начал хохотать, самокритично сказала: – Ладно вам. Ладно. Признаю. Нахожусь под влиянием игрока, шулера и авантюриста. Вы довольны?

Подбежал официант. Маша заказала себе ризотто, Макс – лазанью, Ася – пиццу. На закуску взяли большое блюдо пармской ветчины плюс чесночные гренки. И на всех литровый кувшинчик домашнего вина.

Первый тост Мария сказала такой:

– Давайте выпьем за дедову чашу. В хорошую ли сторону, в плохую, но она нас изменила. Всех троих. Спасибо за это ей...

Выпили. Попробовали ветчину – она оказалась вкусной, гренки тоже таяли во рту.

– Эх, еще покурить бы сейчас! – мечтательно произнес Макс.

– Ты куришь?! – возмутилась Ася. – Совсем обалдел!

А Маша – вот уж когда-то была рьяный борец за здоровый образ жизни! – легкомысленно произнесла:

– Хочется – кури. Мы твоему Мерзлову не расскажем.

– Нет. Не буду, – горестно вздохнул Макс. – Станислав Андреевич говорит, что от курева ходовые качества ухудшаются. На тридцать процентов.

– Ох, Макс, ну и примерный ты стал! – фыркнула Маша.

А Ася задумчиво произнесла:

– Да уж, ребята... Мы действительно изменились.

И поинтересовалась у сестры:

– Слушай, я давно хотела спросить. А что с чашей? Знаю, что не нашли, но менты ее хотя бы искать пытались?

– Пытались, – кивнула Мария. – Меня даже пару раз на опознание вызывали. Я ходила, смотрела. Нет. Не она. Как в воду канула...

– Интересно, кто ее все-таки спер? – вздохнул Макс. И спросил: – Ты, Маш, по-прежнему думаешь, что дед ее стырил?

– Да ничего я уже не думаю... – вздохнула сестра. – Я ведь дозвонилась деду на следующий день после того, как чашу украли. Не было его в Москве. Он в Сочи отдыхал. В санатории.

– Ну, деду соврать... – хмыкнул Макс.

– В том и дело, что он не соврал! – горячо произнесла Мария. И объяснила: – Я не поленилась, проверила. Это совсем просто оказалось. Идешь в любой офис сотовой связи и просишь выяснить, где находится абонент, у которого такой-то номер телефона. В смысле, в каком городе. Рублей сто, что ли, стоит услуга. Дед и правда из Сочи звонил.

– Да я вообще эту вашу версию не разделяю, – с важным видом произнесла Ася. – Что за ерунда, будто дед наши желания исполнял?! Он, конечно, фантазер, но не до такой же степени, чтобы волшебную палочку придумывать! И возможностей у него нет таких чудес натворить!

– Но кто-то ведь их творил! – уставился на сестру Макс.

– Есть у меня одна идея... – начала Ася и тут же осеклась.

– Давай-давай, говори! – поднажала сестра.

– Да вы смеяться будете... – Она неуверенно улыбнулась. Но версией все же поделилась: – Я Никитке сейчас «Старика Хоттабыча» читаю, Лазаря Лагина.

Маша фыркнула.

– А что смешного? – обиделась Ася. – Очень, между прочим, забавная книжка. Философская...

Тут и Макс рассмеялся. Ласково потрепал сестру по плечу:

– Ну даешь! Ты бы еще Никитке этого, как его... Шопена Гуэру почитала!

И опасливо покосился на Марию – вспомнил, что старшая ненавидит, когда коверкают фамилию классиков. Но Мария только хмыкнула, а Ася горячо сказала:

– Между прочим, по теории раннего развития положено. Чем более сложные книжки читаешь ребенку, тем быстрее он станет развиваться...

– Если раньше со скуки не умрет! – весело закончила Маша.

– А в «Старике Хоттабыче» ничего скучного нет, – возразила Ася. – Помнишь, Маш, о чем там речь?

– Ну, ты скажешь! Я, конечно, книгочей, но не до такой же степени! – возмутилась сестра.

– Появляется в обычной семье этакий волшебник. Старик Хоттабыч. Он, безусловно, джинн, и возможности его велики. Но джинны-то далеко в прошлом остались. Вот и этот – несовременный. Все пытается чудеса творить, но исполняет их в меру своего средневекового умения. Мальчик пионерские шорты просит, а он его в роскошные шаровары одевает. Вот и наша чаша такая. И хочет порадовать, чудо совершить, только у нее не всегда получается...

– То есть ты считаешь, что чудеса наши творила высшая сила, – задумчиво произнесла Мария.

– А кто же еще? – пожала плечами Ася. – И не ее вина, что у нее не все выходило.

– Ну, в моем-то случае вышло все, как я просил, – подбоченился Макс. – Даже лучше. Просил один турнир выиграть, а выиграл уже целых десять. Хотел скоростную подачу, а получил шикарного тренера.

– Шикарные тренеры есть у многих. А подачи в двести пятьдесят километров в час нет ни у кого, – подколола его Маша. – И у тебя в том

числе.

– А, это вопрос времени, – отмахнулся Макс. И похвастался: – Станислав Андреевич, правда, говорит, что я ерундой занимаюсь, но у меня подача по скорости уже почти как у Роддика. Так что я костью лягу, а до двухсот пятидесяти ее доведу. Из принципа.

– И у меня чудо тоже случилось... – тихо произнесла Маша.

– Ой, подумаешь, чудо – твой Игорек! – скривилась Ася.

– А я не про него говорю, а про себя, – спокойно произнесла сестра. И объяснила: – Я ведь только сейчас поняла, до какой степени скучно жила раньше. Только институт и книжки – это ведь с ума сойти, какая тоска! Но я даже не догадывалась, что жизнь *может быть* совсем другой! Так здорово, когда в ней и путешествия, и риск, и азарт есть! Ну, и любовь тоже.

– И качественный секс, – добавил Макс.

– А что, это тоже немаловажно, – спокойно согласилась Мария.

– Только у меня одной никаких чудес не случилось, – пожаловалась Ася. – Никитка ночами спит, за это чаще, конечно, спасибо, но жизни все равно никакой. Пашу как бобик. Если б не ребенок, давно бы в офисе кровать поставила, чтоб на дорогу время не тратить.

– Замуж тебе надо, – вздохнула Маша. – За хорошего мужика, чтоб мозги вправил.

– Нет, только не это, – замахала на нее руками сестра. – Уже была, больше не хочу. – И зло добавила: – Знаете, что тут мой бывший муженек отчебучил? Он на новую работу устраивается, а зарплата там – белая. Вот он и приходил, чтоб я заявление подписала. Что от алиментов отказываюсь.

– Вот гад! – покачал головой Макс.

А Маша строго сказала:

– Аська! Ты ведь у нас святая. А ну колись: небось подписала? Благородно от алиментов отказалась? Чтобы с этим подлецом ничего общего не иметь?!

– Ага, щаз, – саркастически ответила сестра. – Это я раньше, год назад, святой была. А теперь мне надо ребенка поднимать, одной. И бизнес у меня честный, никаких сверхдоходов. Так что ничего не вышло у Мишки. Я еще ему пригрозила, что, если алименты

приходить не будут, в суд на него подам. И полквартиры отсужу в его Нижнем Новгороде.

– Да, сестренка... – вздохнула Мария. – Ты действительно стала жесткой.

– А как иначе... – договорить Ася не успела: у нее в сумочке зазвонил мобильник.

– Совсем помешалась на своей работе, даже поужинать не дают! – заворчала Маша. – Скажи, чтоб завтра перезвонили.

Но сестра только отмахнулась. Она слушала абонента, и ее глаза все больше и больше расширялись.

– Да. Хорошо. Я буду. Обязательно, – наконец сказала она и положила трубку.

– Кто это был? – заинтересовался Макс.

– Что-то случилось? – встревоженно поинтересовалась сестра.

– Звонили из корпорации «Октопус», – растерянно сказала Ася. – Секретарь генерального директора. Их шеф просит, чтобы я приехала для очень важного делового разговора. Завтра, к десяти утра...

– А что это за «Октопус» такой? – с умным видом поинтересовалась Маша.

– Как, ты не знаешь? – округлила глаза сестра. – Они же в российский топ-сто входят! Магазины, рестораны, несколько заводов, спортклубы, своя парфюмерная линия...

– ...И, кстати, это один из моих спонсоров, – вклинился Макс. И гордо добавил: – Крутая фирмочка. И разборчивая. Этот «Октопус» только самых перспективных, типа меня или Машки Шарاپовой, спонсирует.

– Ну а что тогда гадать? – пожала плечами Маша. – Ежу понятно, зачем звонят, раз они только перспективными интересуются. Небось решили твой молодой, но шустрый магазинчик к рукам прибрать. И предложат тебя аннексировать. За хорошие деньги.

– Шиш им, а не мой бизнес! – возмутилась Ася. – Не хочу я ни в какой «Октопус»! – И задумчиво добавила: – Хотя нет, вряд ли. Меня же к самому генеральному пригласили! Неужели ему есть дело до какого-то крошечного интернет-магазина?! Хотел бы он мой бизнес заполучить, какому-нибудь менеджеру бы поручил...

– А не сказали, как зовут генерального? – спросила Маша. – Я бы у Игорька узнала. Он с кучей народа знаком.

– Сказали, – кивнула Ася. – Какой-то Дмитрий Николаевич Гагин.
– Как?! – едва не подскочила Маша.
– Гагин. Дмитрий Николаевич, – повторила сестра. И недоуменно обратилась к сестре: – Да что с тобой, Маш?! Ты вся красными пятнами пошла!
– Не помните, что ли?! – возмутилась Мария.
Ася и Макс переглянулись. И хором ответили:
– Нет.
– Да мы тогда, в ноябре, у деда в доме сидели! И он нам чашу доставал из сейфа! А сейф был за картиной, а на ней такой мужик нарисован, почти голый, после кораблекрушения. И подпись художника знаете какая была – Д. Гагин!
– Ой, мало ли в жизни совпадений! – пожала плечами Ася.
– А еще я вам рассказывала, вы забыли просто: дед в Геленджике с каким-то «крутым» встречался. На «мерсе» плюс джип с охраной. И обратился к нему: «Привет, Гагин!» Этого, что ли, мало?! Видно, тот самый и был! Генеральный директор!
– Ух ты, блин! – восхитился Макс. – Хорошенькие у деда друзья!
А Маша ревниво добавила:
– Но если это связано не с бизнесом, а с *семьей*, почему тогда, Аська, тебя одну к нему позвали?!
Ответить сестра не успела – ее мобильник зазвонил вновь.
– Ася Климентовна, я приношу вам свои глубочайшие извинения, – раздался в трубке медовый голос секретарши из компании «Октопус», – но Дмитрий Николаевич предупредил меня об этом только сейчас... Вы сможете прийти завтра все трое?
– Все трое – это кто? – нахмурилась Ася.
– Вы, ваша сестра и ваш брат.
– В таком случае я тем более вас не понимаю. По какому вопросу нас приглашают?
– Не могу вам сказать, – виновато ответствовала секретарша. – Единственное, о чем Дмитрий Николаевич упомянул: разговор пойдет о крайне важных для вас вещах. Так вы придете?
– Одну минуту.
Ася прикрыла трубку рукой и прошептала брату с сестрой:
– Пойдете вместе со мной завтра к Гагину?
Маша и Макс энергично закивали, и тогда Ася сказала:

– Да. Мы будем.

Нажала на отбой и тяжело вздохнула.

Интересно, конечно, зачем они все понадобились олигарху, но она ведь Никитке обещала, что с утра его сама гулять поведет. Опять придется переносить...

На следующий день

Молодые Шадурины явно выбивались из общего ряда.

Это особенно бросалось в глаза в лаково-мраморном интерьере делового центра «Орловский».

Местечко, где находился офис Гагина, оказалось более чем крутым: фонтаны, сверхскоростные лифты и ухоженные аквариумы, полные лупоглазых золотых рыб. И люди кругом под стать, одеты в строгом соответствии с деловым этикетом: мужчины поголовно в галстуках (Маша, которая благодаря Игорьку в этом разбиралась, шепнула спутникам: каждый минимум сто баксов стоит). И дамы, как под копирку, в деловых серых, темно-синих, черных костюмах.

У Шадуриных же с костюмами вышла напряженка. Макс свой единственный надевать отказался наотрез. Заявил, что штаны попу жмут, а галстук – хуже удавки. И потом: его ведь не в Кремль, не на прием к президенту позвали! А загадочный Гагин вполне переживет, если он в любимых широченных джинсах явится. И в модных, адски удобных кроссовках.

А у Аси, хоть она и бизнес-леди, делового костюма просто не было. Не тот у нее пока уровень, чтобы в строгих «Шанелях» рассекать. И на своей работе без костюма обходилась, и сейчас покупать ради единственного похода в «Орловский» не захотела. Так что оделась скромненько – брючки и свитер.

Одна Маша выглядела празднично, но, увы, несколько неуместно. Черные кожаные леггинсы от «Гуччи», ярко-алая кофточка от «Москино», высокие сапожки от «Прада», безусловно, впечатляли, но где-нибудь в казино смотрелись бы куда уместнее, чем в переполненном условностями деловом центре.

– Фу, как все на нас косятся, – шепнула Ася сестре, пока лифт возносил их в пентхаус, на 24-й этаж.

– А тебе не плевать? – фыркнула Мария.

А Макс увидел, что какой-то юный клерк с явным осуждением пялится на его широченные джинсы и в лифтовом зеркале скорчил такую рожу, что молодой бизнесмен тут же отвел глаза и начал тыкать в кнопки мобильного телефона.

...Приемная генерального директора корпорации «Октопус» оказалась необычной. Она располагалась не просто на последнем, двадцать четвертом, этаже, а как бы над ним. Выходишь из лифта, поднимаешься по винтовой лесенке и оказываешься в некоем подобии купола – в стеклянной, уставленной тропическими растениями комнате. Зрелище поразительное: слабенькое ноябрьское солнце весело пляшет на пальмовых ветвях и пушистом ковре, а из безупречно чистых окон открывается просто фантастический вид. Вот он, и Кремль, совсем рядом, и храм Христа Спасителя, и усеянные жучками-машинками набережные...

– Шоб я так жил! – восхищенно выдохнул Макс.

– Будешь еще, – пообещала Ася. И вежливо обратилась к секретарше: – Добрый день. Мы – Шадурины.

Секретутка – тоже в переговорном костюме, хотя какие там у секретарш переговоры? – важно кивнула:

– Да-да, я узнала. Дмитрий Николаевич вас ждет. Проходите.

– Узнала? – изумленно переспросила Мария.

Но разъяснений не дождалась – секретарша тут же, будто заправской швейцар, распахнула перед ними дверь в кабинет.

Он тоже оказался из стекла и тоже весь был залит солнцем. Даже странно, что светило поздним ноябрем способно на такие подвиги. Слепило так, что хозяина было не разглядеть, пришлось ждать, пока глаза привыкнут.

А когда разглядели – даже расстроились. Хоть и небожитель (а кто еще может владеть подобным пентхаусом?), а ничего сногшибательного. Мужик как мужик. Типичный «крутой». Идеально сидящий костюм, манерно приспущенный галстук, многотысячные часы на руке... С первого взгляда видно: ворочает немалыми миллионами, на учете каждая минута, а в голове – сплошные цифры. Непонятно только, зачем он их позвал, всех троих? Явно ведь не для того, чтоб скромный Аськин бизнес выкупить. И не для того, чтобы увеличить спонсорскую помощь Максу. А у Марии с таким перцем

даже потенциальных точек соприкосновения нет. Разве что предложить ему золотую карточку Игрекова игорного клуба...

Дмитрий Николаевич тем временем выбрался из-за стола. Подошел к гостям, в смущении застывшим на пороге кабинета. Протянул ладонь Макс, поцеловал ручки Асе и Маше... Но разговора не заводил, будто чего-то ждал. Вот странный.

Они, ясное дело, тоже молчали. Макс украдкой пялился на хозяйский стол, пытаясь разглядеть марку стоящего на нем компьютера, Ася глазела в окно и прикидывала, хватит ли ее годовой прибыли, чтобы арендовать подобное помещение хотя бы на месяц.

Одна Мария вела себя странно. Будто никакого воспитания нет – уставилась на Гагина во все глаза, и лоб напряженно морщит. Будто что-то вспомнить пытается, да никак не выходит.

Ася не выдержала первой:

– Дмитрий Николаевич! Как вы и просили, мы пришли все трое. И очень хотелось бы знать, зачем вы нас...

Гагин договорить ей не дал, перебил:

– А по-моему, Маша уже догадалась.

Странно, почему вдруг «Маша»? Они разве накоротке?

Ася и Макс удивленно взглянули на сестру. А та растерянно пролепетала:

– Да. Я догадалась...

– О чем? – начала сердиться Ася.

Но Маша уже взяла себя в руки и твердо произнесла:

– Вы дядя Митя. Верно?

– Кто?! – в один голос выкрикнули Ася и Макс.

– Дмитрий Николаевич Шадурин. Папин брат.

– Да ладно! – недоверчиво фыркнул Макс.

– Не ладно, а сто пудов, – отрезала Маша. – Это дядя Митя. Наш дядя.

А роскошный бизнесмен Гагин пробормотал:

– Машенька, милая!

Голос его звучал растроганно.

– Подожди, Маша, – твердо сказала Ася. – Но ведь мама говорила, что дядя Митя умер?

– Даже так?.. – будто про себя переспросил Гагин.

– Я тоже помню. Мама говорила, что он... то есть вы... умерли очень давно, – растерянно подтвердил Макс. – В тот год, когда Аська родилась.

– Боюсь, что это не совсем так. – Дмитрий Николаевич постарался улыбнуться как можно беспечнее. Получилось, хотя крутым и положено держать лицо, не очень.

– А я никогда не верила, что вы умерли. Однажды даже к маме пристала, – задумчиво произнесла Маша, – когда классе во втором была. Если, говорю, дядя Митя погиб, то где его могила? На каком кладбище? Но мама мне сказала, что на эту тему даже говорить не хочет.

– И я тоже всегда удивлялся... – встрял Макс и объяснил: – Нам в школе однажды задали генеалогическое древо составить, а я даже ни одной вашей фотки не нашел. И никак въехать не мог: почему? Пусть и умер, но вы же все-таки мой дядя...

– Но почему вы никогда не давали о себе знать? – с укором обратилась к Гагину Ася.

– Я ведь вас любила!.. – подхватила Маша. – И скучала по вас...

– Правда?! – искренне, совсем не по-деловому, вскинулся Гагин.

– Я даже помню, как вы со мной в машинки играли. И объясняли про дорожное движение, про «лежачего полицейского» и главную дорогу...

– Я тоже скучал о тебе, Маша... – склонил голову Дмитрий Николаевич.

– Но почему тогда вы исчезли? – воскликнула она.

– Потому что я дал слово, – сказал как отрубил Гагин.

– Кому?

– Вашим родителям. Что не буду с вами общаться. И даже не дам о себе знать. По крайней мере, до тех пор, пока вы, все трое, не станете взрослыми.

– Почему? – возмущенно воскликнула Ася.

– Полагаю, ваши родители не хотели, чтоб я подавал их детям дурной пример, – усмехнулся Гагин.

– А чё в вас дурного? – хмыкнул Макс.

А Ася раздосадованно хлопнула себя по лбу:

– Интересно вы решили... Вы все! Родители запретили, вы послушались... Почему нас-то никто не спросил?!

– Мне очень жаль, Ася, – вздохнул Дмитрий Николаевич. – Но в этом плане я человек несовременный. И если дал слово, его держу. Я честно ждал, пока вы подрастаете. Вы все, включая тебя, Макс. Тебе ведь уже шестнадцать?

– Почти семнадцать, – поправил племянник.

– Взрослые люди. Вполне дееспособные... – как бы про себя пробормотал Гагин. – Сами теперь сможете решить, кто прав, кто виноват...

– А что у вас случилось? – нетерпеливо потребовал Макс. – Что за мексиканское кино?

– А ты, Маша, не помнишь? – тихо обратился к ней бизнесмен.

– Очень смутно, – задумчиво произнесла она.

– Тебе тогда четыре годика было.

– Да. Тогда еще Аська родилась. Точнее даже, прямо в ту неделю, как она родилась... Все были дома – мама, папа, бабушка, вы, дядя Митя, а ты, Аська, в больнице была... И взрослые сначала пили чай и о чем-то очень громко разговаривали, а потом вдруг начали кричать... а потом – я уже не помню. Только слышала, как дверь хлопнула, и я спросила, кто это ушел, а мама заплакала и сказала, что дядя Митя, и не ушел, а сгинул, а что это значит, не объяснила. И еще помню, что мне разрешили в вашу комнату перебраться, и я очень обрадовалась...

– Но ты мне этого никогда не рассказывала! – с укором обратилась к сестре Ася.

– И мне тоже, – подхватил Макс.

– Мама мне объяснила, уже потом, когда успокоилась, что дядя Митя не сгинул, а просто уехал. Очень далеко, по важным делам, и вернется очень не скоро. Ну, я ж ребенок была совсем: уехал и уехал. А про то, что он умер, мне сказали, уже когда я в школе училась...

– Ну а чё у вас за фигня-то произошла? – вновь спросил Макс.

– Я расскажу, – кивнул Гагин. – Я все расскажу.

Широким жестом пригласил всех троих разместиться на белом кожаном диване, сам уселся напротив в кресле и задумчиво произнес:

– Я не уверен, что вам мой рассказ понравится. Я в нем выступаю далеко не ангелом. Может, ваши родители и правы, что не позволяли мне с вами общаться... Но молчать тоже больше нельзя. Надоело.

Он упрямо усмехнулся, и Ася, Маша и Макс, не сговариваясь, но в унисон, подумали: он, безусловно, наш, Шадурин. Потому что

слишком уж наша, фамильная, улыбка.

Много лет назад. Братья Шадурины

Старшего брата положено боготворить. Или как минимум уважать.

А вот Митя своего презирал. Начать с того, что звали старшего, умереть со смеху, Климом! Это мамочка так придумала, хотя отец и возражал. Полностью имя звучало еще смешнее: Климент. И если его тезка, маршал Ворошилов, хотя бы умел лихо скакать на коне и размахивать саблей, то от Клим Шадурина толку не было решительно никакого.

Митя надолго запомнил, как в раннем детстве ему хватило ума пожаловаться старшему на соседских мальчишек. Обычная история: бандитский, полный отпрысков потомственных пролетариев двор, где всем заправляла лихая компания во главе с грозным, уже побывавшим в детской колонии Васьком. И Васек хоть и лоб под четырнадцать лет, а взялся цепляться к щуплому Митяю. То фофан ни за что вкатит, то жалкие семь копеек, что предназначены на фруктовое мороженое, отберет... Ну, Митька и подумал: в свои-то восемь лет против Васька никак не погрешь. А вот брат, которому уже двенадцать, мог бы помочь.

И нажаловался. И Клим молча кивнул, решительной поступью направился во двор и отозвал ухмыляющегося Васька для серьезного разговора. Митяй – он наблюдал за действием, укрывшись за помойкой, – с нетерпением ждал, когда же наконец старший залепит гаду в ухмыляющуюся физиономию... Но драки не произошло. Митяй с изумлением созерцал, как брат что-то горячо говорит и рожа врага все больше расцветает в издевательской улыбке... А потом Васек и вовсе от хохота за бока ухватился, и до Митяя донеслось:

– Что ты, мля, бормочешь? Какие еще, на хрен, мушкетеры?!

Небрежно оттолкнул брата, сплюнул, вихляющей походкой вернулся к своей компании, а разочарованный Митяй услышал:

– Е-мое, вот придурок! Такую херь заливал!..

Митя примчался домой и потребовал у старшего отчета. Тот нимало не смутился:

– Я ему про рыцарей рассказал. И про мушкетеров. И о том, что сильные не должны цепляться к тем, кто слабее. Так что не бойся. Они тебя больше не тронут.

Ну, брательник, загнул! Совсем помешался на своих идиотских книжках! Тоже мне, помощничек! Теперь не то что не тронут, еще и потешаться вдобавок будут.

Эх, жил бы батяня с ними, вот бы кто реально помог. Он дядька классный. С пониманием. Перед пацанами уж точно не опозорит.

Но мать с отцом давно развелись, и приезжал папа совсем редко. Мама врала, будто из-за того, что у него вечные командировки, и дурак Клим ей, кажется, верил. Но Митя, хоть и маленький, а знал прекрасно: папаня в тюрьге. Обычное дело. У них во дворе у многих отцы сидели.

...А после Климовой «помощи» ему потом целый год по двору было вообще не пройти. Пока Митя не начал на самбо ходить и сам не вlepил переростку Ваську так, что у того едва позвоночник в трусы не высыпался.

А старший все равно ничего не понял. Продолжал расти таким же благородным. И мама его больше младшего любила, потому что Клим – подлиза из подлиз. То посуду по собственной инициативе берется мыть, то покорно давится в очереди за колбасой. Тетрадочки вечно чистенькие, в прозрачных обложках, сплошь с пятерками – тошнотина. И в институт пошел, куда мать сказала: в геологоразведочный, потому что там конкурс крошечный. Даже не пикнул, что самому-то мечталось о МГИМО, шпрехен зи дойч, парле ву франсэ. Но чтоб дойчем и франсэ заниматься, на репетиторов башли нужны, а у матери лишних башлей нет, и Клим, несчастный конформист, от своей мечты без особых страданий отказался. Еще и назидательно изрек:

– Маме с нами тяжело, на работе полторы ставки, и весь дом на ней. Разве я могу требовать, чтоб она еще и в МГИМО «меня поступала»?

Подумаешь, двадцать пять рублей за занятие.

Сам Митяй, когда в Суриковку собрался, маманю просто перед фактом поставил: без репетиторов и рыпаться бессмысленно. И ничего, она платила, еще и взятку дала, когда после вступительных половинки балла ему не хватило. Зато Суриковка – клевый, модный и, что немаловажно, халявный вуз. В смысле, что особо париться не

надо. Есть и «библиотечные дни», когда можно просто отсыпаться, и выезды вместо занятий на натуру.

А благородный Клим продолжал коптиться в своем жалком геологоразведочном. Жуткие сессии, практики в кошмарных комариных местах, пахота в стройотрядах – целый месяц кайлом машешь, чтоб только на несчастные индийские джинсы заработать, мрак!

А на пятом курсе примерный мальчик женился. Не по любви, не по расчету, а явно «как честный человек», потому что Машка всего через семь месяцев родилась, а в байки, что младенец недоношенный, Митяй не верил: разве может недоношенный орать так, что со стен штукатурка сыплется?

В общем, со своим благородством Клим превратил их квартиру в натуральный дурдом: на кухне вонь, потому что пеленки вечно вывариваются, по полу не пройти, то на соску наступишь, то на погремушку, а они, заразы, скользкие, а вопли племянницы никаким радио не перешибешь.

Митяй уже обходные пути искал, чтоб в общагу своей Суриковки съехать, когда ему подфартило: оказалось, что Клим вместе с супружницей и громогласным младенцем отправляют то ли в Того, то ли в Гану. В очередную глушь, только африканскую. Советский Союз там в виде братской помощи собрался до фигища заводов строить, и для каждого надо пробы грунта брать. Вот Климу, особо надежному, правильному и, несмотря на юные годы, уже партийному, это дело и доверили. Как только удалось, с учетом того, что у батяни куча судимостей? Наверняка отрекся от отца, как Павлик Морозов. Или просто других желающих не нашлось в Африку ехать. Там ведь тоска и жарыща, но хоть можно бабла огрести. В бонах. И сумма за пять лет контракта должна набежать столь изрядная, что даже у благородного братика, всю жизнь плевавшего на деньги, глаза разгорелись. Целыми вечерами, когда они ужинали, планы строил, как в кооператив вступит и новый «жигуль» себе купит.

Обидно, конечно, что такой зануда за собственным рулем станет ездить, зато, если с квартиры окончательно свалит, будет просто зыкански.

...Брат отбыл. Благополучно добрался до своей Африки и примерно раз в месяц строчил открытки. Писал редкостную пургу,

просто читать тошно, а вот картинки на открытках были прикольные: то увешанные бананами пальмы, то унизанные бусами папуаски...

В квартире сразу стало спокойно, тем более что мама с упорством маньяка продолжала пахать на полторы ставки. А у Митяя получалось и без проблем выпить, и с друзьями пошариться, и, когда находил стих, даже пописать маслом...

Но лафа длилась совсем недолго, потому что брат, хотя обещал торчать в своей Того-Гане целую пятилетку, явился через два года. Под смехотворным предлогом, что жена опять понесла, беременность протекает сложно, и ему, видите ли, страшно, что все может плохо закончиться, если рожать не у московских светил, а под патронажем местных негритянских медиков.

И стало еще хуже. Племянница Машка хотя уже и вышла из пеленок, а орала по-прежнему громогласно, да еще и братова супружница со своим огромным пузом и беременными капризами вечно под ногами путалась. И когда веселое семейство свалит – тоже непонятно, потому что на кооператив Клим накопить не успел. За свою отлучку всего шесть тысяч намыл. Только тачку и можно взять, да и то, если удастся по госцене, потому что на черном рынке самый простой «жигуленок» влетит минимум в девять.

Но брат про машину и слушать не хотел. Трепал, что прежде всего – жилье, а автомобиль – не более чем роскошь. Надо ж быть таким дураком! Чего бы сегодняшним днем не пожить? Раз на хату не хватает – бери хоть тачку, а любимому брату пиши доверенность! Как можно, чтобы немалые бабки зря пылились?! В ржавой коробке из-под чая? Аппетитные, аккуратно перевязанные пачечки сторублевок!

А брат с кислущей рожей ходит, будто их и нету! Ладно, не хочешь машину, пусть бы мотик себе взял или нормальными кроссами обзавелся, а то хотя за границей и прожил, а в голимом «Ботасе» ходит.

Или еще есть вариант: фарцу повернуть. Накупить в «Березке», благо возможность есть, импортных шмоток и перепродать втрое. Тогда б и на машину, и на кооператив хватило.

Но Клим – он будто с другой планеты, ни на одно нормальное предложение не соглашается. И жена у него тоже чокнутая. Хоть и с животищем, а добросовестно мечется по магазинам, парится в очередях, триумфально вываливает на кухонный стол вырванный в жестоких боях оковалок мяса. А потом режет его на порции с гулькин

нос и к каждой приляпывает бумажечку: «На суп», «На заливное»... Тоска смертная.

И тогда Митяй решил: не хотят сами крутиться – поможем. Да и в личный карман не помешало бы заработать, тем более что он с какого-то семинара по политэкономии усвоил: чем больше оборотный капитал, тем больше возможности. А тут целых шесть кусков бесхозных лежат.

И у него, как по заказу, один знакомец завелся, который всего-то за пять сотен брался откритку на машину организовать. Ну, чтоб взять ее без очереди, но по госцене. А продать тачку на черном рынке можно куда с большим наваром.

Правда, пришлось помозговать: что делать? Сказать брату о намечающейся суперделке или промолчать?

Обдумал – и в итоге решил зря его не нервировать. Иначе Клим своими причитаниями весь настрой собьет. Или вовсе заартачится, оттащит бабки в сберкассу – и поминай как звали.

...Первая часть плана у Митяя прошла без сучка без задоринки. Откритка на машину оказалась подлинной, «жигуленка» удалось отхватить чудового: новая модель, тринадцатая называется, с решеточками вентиляции, обалденного красного цвета. Он даже подумывал: броситься к брату в ноги и умолять, чтобы оставили машину себе. В смысле, на семью. Но как представил надутую рожу да каким возмущенным монологом тот разразится, признаваться сразу расхотелось. И едва выехав из автомагазина, Митяй тут же вступил в переговоры с роскошным грузином, предводителем крутившихся подле жучков.

Сговорились на девяти, чистого навару – две с половиной. Митяй деньги два раза пересчитал и даже не поленился: каждую купюру на предмет водяных знаков проверил.

А дома, едва закрылся в своей комнате и в предвкушении развернул внушительный, упакованный в газету сверток, его едва кондратий не хватил. Потому что настоящих сотен в нем оказалось только две штуки, сверху пачки и снизу. А остальное – резаная бумага. Видно, подменили, гады, когда он их после пересчета упаковал: отвлек его тогда какой-то хмырь.

И хоть бейся головой в бетонную стену, только у братовой жены преждевременные схватки вызовешь. А доказать ничего не докажешь.

...Первой мыслью было: собирать скудный скарб и мотать из дому куда глаза глядят. Хоть во Владик, на корабль завербовываться, хоть на дурацкий БАМ. Но только... тогда ведь и Суриковке конец. И дружбанов больше не увидишь. И в Москву никогда не вернешься – из столицы только уедь, обратно потом хрен пропишут.

Может, подстроить, будто у них в квартире ограбление было? Или, на крайняк, просто повиниться? Он ведь не со зла, он как лучше хотел...

Но никакого решения Митяй принять не успел, потому что в ту же ночь братову жену увезли в роддом, а утром на свет явился очередной отпрыск. Опять девчонка. Вдобавок, как доложил расстроенный брат, неудачная, чахленькая. Какой-то сердечный клапан, что ли, не закрывается, Митяй толком не понял. Несколько дней все семейство бегало как оглашенное, таскало в роддом братовой жене куриный бульон и дефицитные бананы. Митяй тоже хотел было съездить, с цветочками, да, пока собирался, новоявленную мамашу уже выписали. Правда, без младенца, тот в больнице остался. Потому что врачи решили: дело совсем тухляк, нужно прямо немедленно операцию делать.

«Фигово, конечно, зато, наверно, деньги никто пока искать не будет, – решил Митяй. – Не до них им сейчас».

Но, оказалось, он ошибся. Потому что операция для младенца была не то что платной, но хирургу, профессору и светиле, надо взятку давать. Немалую. Целых пятьсот рублей. И тут уж Клим ни на секунду не задумался – немедленно в свою коробку из-под чая полез. И обнаружил, что в ней пусто.

Что тут началось! Митяй даже придумать не успел, как отпираться. А бледная и бешеная после родов братова жена заложила: якобы она слышала, как он по телефону о своей суперсделке болтает, куплю, мол, тачку за шесть, продам за девять... Тогда она, мол, значения не придавала, а сейчас-то ей понятно, куда деньги делись!

А благородный брат даже не орал. Только повторял:

– Как ты мог?! Ты ведь свой, родной! Я тебе, как самому себе, верил...

И не объяснишь, что он, Митяй, собирался не только те шесть, что займы брал, вернуть, но и прибылью честно поделиться.

И мама как на пустое место на Митяя смотрела. Всхлипывала. А потом вдруг выдала:

– Видеть тебя, негодяй, не могу! Малышка ведь теперь умереть может, понимаешь?! Где нам деньги на операцию брать?! Тот хирург бесплатно делать ничего не будет. А молодому, без имени, резать ее не дам!

И неожиданно закончила:

– Вон из моего дома! И чтоб даже духу твоего здесь не было!

В общем, полная обструкция вкупе с конфронтацией.

...Митя молча встал. Вынул из внутреннего кармана все, что осталось, – две сотни. Положил их на стол. Пробормотал:

– Триста – уж где-нибудь найдете.

Проверил, на месте ли паспорт. Права. Жалкий полтинник карманных денег...

И вышел. Из своей квартиры. Из прежней жизни. Навсегда.

Его никто не искал.

Что старший брат (а случилось бы с «благородного»!) не накатал заявку в ментовку – за то, конечно, спасибо. Но мама могла бы и простить. Или хотя бы поинтересоваться, как младшему сыну живется совсем одному. Без денег. Без жилья. Без поддержки. Без домашнего питания, наконец...

Но все было тихо.

Жизнь в некогда вожаделенной общаге оказалась вовсе не таким сахаром, как представлялось из столичной квартиры. Начать с того, что койка ему, москвичу, обошлась в несуразную сумму. Комендант долго разглагольствовал, что «не положено» и что юный Шадуриин пытается «подвести его под статью», а потом накорябал на бумажке: 50. То есть все, что было. И не поспоришь, пришлось отдать. Не на вокзале же ночевать. А стипуха ему в этом семестре не капала – спасибо гримзе по марксизму-ленинизму, что вкатила по своему дебильному предмету противный трояк. Вот и крутись как знаешь. Фарцой без оборотного капитала не займешься, только и оставалось: вместе с другими бедняками разгружать ночами вагоны. Или даже собирать и сдавать пустые бутылки. На хавчик с грехом пополам хватало, но он ведь из дома в одних джинсах ушел. И в единственных кроссовках. И даже запасной пары носков не взял...

Хорошо хоть, один из приятелей поделился халявой. Предложил вместе подвизаться в похоронном бюро и писать за разумную плату портреты безвременно (или своевременно) ушедших граждан. Работа непыльная, но для Художника с большой буквы – такая тоска! Особенно если работать приходилось не с фотографии, а с натуры. То еще развлечение: бледный труп в гробу, рыдающие, пьяные родственники, да потом еще и претензии, что «умерший и на человека не похож».

В общем, через пару месяцев такой вольной жизни Митя готов был взвыть. А уж о том, чтобы повиниться и с позором вернуться домой, каждый вечер задумывался. Тем более что с новорожденной племянницей все, похоже, сложилось нормально. То ли сделали операцию, то ли так обошлось, но Митя пару раз из укрытия наблюдал: жена брата ходит по двору с коляской. И вид имеет вполне умиротворенный. Радует, наверно, гримза, что родственника из квартиры выжила. Небось и комнату его под свои нужды осваивает, и хлопчет, чтоб выписали... Подобный самозахват надо в корне пресекать.

Но только до чего же не хочется возвращаться! Сначала долго и нудно виниться, а потом постоянно видеть эти укоризненно-тоскливые рожи...

Спас его отец, хотя уж он-то в их скучно-благородной семейке всегда считался человеком абсолютно ненадежным. Его судимости мать скептически именовала «очередными командировками», а когда батяню выпускали, все силы прикладывала, чтоб он виделся с сыновьями как можно реже.

Зануда Клим к общению с отцом и не стремился, а вот Митяй по папе всегда скучал. И любил его. Тайно.

Тут ему повезло вдвойне: и освободили папашу кстати, и к бывшей жене он сразу, как выпустили, заехал. Услышал от нее во всех красках о «подвиге» младшего сына. И тут же поехал к «подлецу» Митяю.

Заявился в общагу в особо голодный день, когда сын сидел на одном столовском винегрете за девять копеек и совсем уже собрался паковать жалкий скарб и наострять лыжи обратно в родительские пенаты.

Не зря же в газете «Правда» пишут: друзья познаются в беде. Ни мать, ни брат о судьбе Мити даже не беспокоились, а вот папаня, едва прослышал, тут же примчался. Роскошный, благоухающий одеколоном «О-жен», седовласый... И денег – полный лопатник.

Правда, первое, что он сделал, отматерил сына:

– Не ожидал, Митька, что ты такой лопух! Влип с этой тачкой по самое некуда. Неужели не слышал, что грузины по «куклам» первые спецы?

– А откуда мне было слышать? – буркнул сын.

– Вот и не лез бы! – пожал плечами отец.

– Слушай, бать, может, ты по своим каналам вернешь?.. – загорелся Митяй.

Но батя только головой покачал:

– Увы. Деньги обратной силы не имеют. А твой «жигуль» катается уже где-то далеко. В солнечной Грузии... Так что теперь, как говорится, честным трудом искупай свою вину.

– Да искупил уже, – грустно вздохнул сын. И махнул в сторону полупустой пачки макарон, возлежащей на столе: – Эта дрянь уже в горло не лезет!

– Есть у меня к тебе одно предложение... – задумчиво произнес отец.

И Митяй обратился в слух: вдруг батя предложит с ним в дело войти? Согласился бы в ту же секунду.

Но отец его разочаровал. Изрек:

– Я тут на старости лет решил, как говорится, в отставку выйти. Уехать от суеты куда подальше. Отдохнуть. О жизни подумать. Хочешь, поедem вместе?

– А куда? За границу?

Тут же стало мечтаться: как они с батей, оба в белых штанах, рассекают, скажем, по брусчатым мостовым Сицилии. Или, в ранге наследников Остапа Бендера, смакуют коктейли в пляжном кабачке Рио...

– Какая уж мне заграница – две судимости, – вздохнул отец. – Меня в Болгарию-то не пустят! Нет, поедem в родные края, в хорошее местечко. – И процитировал: – «Если выпало в империи родиться, нужно жить в провинции у моря».

– Ты Бродского читал? – изумился сын.

– И не только Бродского, – пожал плечами отец. – Так что? Составишь компанию?

– А институт? Мне до диплома два месяца!

– А что институт? Заканчивай. Я тебе даже стипендию назначу. А сам пока присмотрю уголок, где бы нам с тобой кости бросить.

И Митя спокойно закончил вуз – с сотней в месяц, что присылал отец, даже отпала необходимость покойников с натуры писать. А батяня за это время подыскал местечко – поселок Абрикосовка – и непонятными путями получил в нем двухкомнатную квартиру. Обставил – мебель спартанская, зато сантехника венгерская и телик с магнитофоном – оба «Шарпы». И даже Митю на работу устроил – из местного, абрикосовского, санатория полетел в его Суриковку запрос: не отправите ли Д.Н. Шадурина к нам художником-оформителем?

В итоге все сложилось очень даже душевно. Абрикосовка хоть и тоскливое местечко – пять фонарей на весь поселок и единственный ресторан «Кавказ», зато можно море хоть каждый день писать. И в шторм, и в штиль, и умытое рассветом, и подкрашенное красным закатным солнцем... Да и в санатории работка оказалась непыльная. Всякие «быстрее, выше, сильнее» для спортивных площадок малевать, а пуще того, посвященные пленумам стенгазеты. Дело, конечно, тягомотное, зато кормят неслабо – санаторий-то Четвертой управе принадлежит. И икорка тебе на завтрак, и язычок с хреном на обед. Плюс половой вопрос решается даже с избытком – полно одиноких отдыхающих дамочек.

Да и с отцом оказалось жить куда комфортнее, чем с мамочкой и «благородным» братом. Никто тебе не зудит, про грязную посуду не квакает. А если уж тарелки совсем кончаются, тогда они с батеи трехлитровый баллон с пивом берут. И за питием да разговорами все перебивают. Еще и кайф словишь, потому что папаня, чтоб трудовой процесс разнообразить, постоянно байки травит. Ух, и клево же у него получалось! Не сравнить с материнскими назидательными историями – настоящий приключенческий роман. Карточные игры в каких-то жутких притонах, ментовские облавы, готовые на все красотки, дорогой коньяк литрами, черная икра столовыми ложками...

Митя, правда, быстро понял, что батяня частенько подзаливает. И подтрунивал над ним:

– Ври, ври. ШУхерезада... От слова «шухер».

Но старик не обижался. Только плечами пожимал:

– Не хочешь – не верь.

– Да верю я, – благородно отвечал сын. – Можешь дальше лапшу свою вешать!

...Одно расстройство: батя никак не хотел его ремеслу обучить. Сам-то явно умеет и денежные «куклы» лабать, и тузов из рукава вытаскивать, не говоря уж о доскональном знании организации подпольного бизнеса. Но только едва сын спросит о деталях – тут же в скорлупу. Знай одно бурчит:

– Нет, Митя, в это не лезь. Я для тебя своей судьбы не хочу.

– Так что ж мне до старости в санатории горбатиться? – обижался тот. – Отдыхающих блядей с натуры писать?

– Нет, – качал головой старик. И загадочно говорил: – Я чувствую: скоро в нашем совке все изменится.

– Коммунизм построим? – фыркнул сын.

– Хрена лысого. Наоборот. Капитализм. И тогда такие, как ты и я, в закон войдут.

А о чем старик говорит? Что тут может измениться, кроме того, что из магазинов колбаса окончательно исчезнет?

Ну, пролетело время Черненко – ох, и смешно же папаня пародировал этого астматика! А жизнь тянется скучная, затхлая. Даже море, всегда разное в многоцветье красок, надоело и не радует.

...Но когда к власти пришел Горбачев, объявил свою антиалкогольную кампанию и поселковое начальство стало послушно вырубать виноградники, батя неожиданно оживился. И заявил сыну:

– Нюхом, Митяй, чую: оно.

– Да ладно – оно! – фыркнул Митяй. – Такая же фигня. Говориловка и ускорение.

– Не-ет, ты не врубаешься... – задумчиво произнес отец. И велел: – Ну, готовься. Отжирайся, отсыпайся покамест впрок. Скоро твоей лафе конец будет. Придется вертеться – мало не покажется!

Папаня на полном серьезе считал: сейчас самое время подходит, чтобы начать социалистическую собственность разворовывать. И ничего тебе за это не сделают.

Митя тогда не поверил. А когда отец взялся расписывать, как именно теперь можно будет обогащаться, – и вовсе испугался. Кооперативы, легальный импорт техники, возить по стране Цоя с

«Машиной времени» и всю прибыль складывать в свой карман, а чуть позже и вовсе якобы можно и нефтяные вышки себе прихапать, и золотоносные месторождения... Да что за чушь он несет?! Будто не понимает, что за такие подвиги можно не то что червончик схлопотать, а сразу высшую меру!

– Да ты, Митяй, только попробуй! – азартно подначивал старик.

– Не, пап.

– Дрейфишь?

– Не без того. Если только вместе с тобой на пару...

– Это никак, – вздохнул отец. – Баста. Я устал. И зарок себе дал, еще давно: больше никакого бизнеса.

– Родному сыну помочь не хочешь?..

– Нет. Только если советами. Эх, Митька, дурак ты, что боишься.

А ведь мог бы уже лет через десять миллионами ворочать.

...И уговорил-таки, черт языкастый. Окончательно купил тем, что все свои сбережения обещал пожертвовать на развитие сына бизнес.

Вот Митя и поехал обратно в Москву. В город больших возможностей.

...И уже к девяносто второму году был хозяином двух кооперативов, ресторана, банка, фирмочки, завозившей в Россию компы, а также держал на рынке в Лужниках десяток вещевых палаток.

Разжился квартирой, дачей с участком в гектар, двумя машинами, мобильником, голдовой цепурой, пустоголовой красавицей-секретаршей...

А в девяносто третьем наконец решил, что подошло время вернуть долг «благородному» брату Климу. Не просто машину, конечно, купить, но озолотить капитально. Как говорится, с процентами.

Свое предложение, от которого будет невозможно отказаться, сформулировал долго. И в окончательной редакции оно звучало так: предлагаю тебе, брат, стать моим первым заместителем. И взять под свой контроль ровно половину бизнеса. А это – тяжелая работа, конечно. Но и – любые прихоти. Квартира. Тачки. За границу теперь можно ездить – и не в какую-нибудь вшивую Болгарию, а в

нормальные страны типа ФРГ или Испании. И в дорожные рестораны жрать ходить хоть три раза в день.

Прежде чем явиться в родные пенаты, Митя навел справки и выяснил: благородный брат живет, как и ожидалось, хреново. По-прежнему занимается своими геологическими штучками, только теперь за них платят совсем копейки. Жена пашет в школе, это вообще два гроша. Да и еще, дураки, третьего ребенка родили, Максима, три годика ему сейчас. Хорошо хоть наконец парень получился, разбавил компанию из двух девчонок, но его ж кормить надо. Одевать-обувать. И желательно в коммерческий детский садик пристроить...

Поэтому деловое предложение, которое Митяй приготовил брату, будет в самый раз.

Вот в один из субботних вечеров он и заявился. Чин-чинарем, на шофере, с бутылками вискаря и пакетами дорогой жрачки...

Родной братец как дверь распахнул, так и застыл столбом. Лупится, будто привидение увидел. И вместо «здрасьте» вдруг выдал:

– Митя... Ты жив?..

Вот как! Похоронили, значит.

– Живехонький, – хмыкнул Митяй. – Войти-то можно?

– Ну, входи... – неуверенно пробормотал брат.

Прошли в кухню, неловко распаковали пакеты, расставили по столу бутылки.

Разговор не клеился. Дети визжали в своей комнате. Мамы дома не оказалось, братова жена смотрела волком, а когда Митя разлил вискарь по рюмкам – пить демонстративно не стала.

– Ты чё? – не понял он.

Она не ответила, только губы гневно поджала.

– Боишься, что ли, что на жилплощадь претендовать буду? – предположил Митяй.

– А хоть и претендуй, – отрезала она, – все равно опека согласия не даст. У нас по семь метров на человека.

– Да не нужна мне ваша прописка! – возмутился Митяй. – Я просто хотел, как говорится, чтоб, кто прошлое помянет, тому глаз вон... чтоб все по-человечески было...

– Да уж. Ты тогда, когда деньги у нас украл, исключительно *по-человечески* поступил, – выплюнула она.

Вот мегера! Даже Клим его сторону взял, цыкнул на жену:

– Прекрати.

Она послушно умолкла, но с кухни не ушла. Демонстративно не садилась, нависала над столом, кривила рожу. Под ее неласковым взглядом беседа братьев никак не клеилась. И свое предложение, от которого *невозможно отказаться*, Митя произнес как-то скомканно...

Впрочем, Клима его даже не дослушал, прервал на середине:

– Мой ответ: нет. Ни за что.

– Но почему? – изумился Митяй. – Ты чего, не понял? Я ведь тебе половину предлагаю! Половину всего, что имею! Равными партнерами станем. Будем вместе бизнесом управлять.

– Никогда не поверю! – снова встряла братова жена. – Чтоб ты, да просто так половину бизнеса отдал?!

– Не просто так, а родному брату, – пожал плечами Митяй.

– Знаю я, как ты с родным братом поступаешь, – хмыкнула она. И предположила: – Небось зиц-председатель Фунт понадобился. Чтоб за тебя в тюрьме сидел.

– Слушай, ты... – начал закипать Митяй. – За кого ты меня принимаешь?

– За того, кто ты и есть. За вора, – пожала плечами она.

А Клима, нет бы остановить жену, только подвяхивает:

– Я уже сказал, Митя. Никакого бизнеса я с тобой вести не буду. И деньги твои мне не нужны. Ни копейки не возьму.

– Ты чё, совсем дурак?

– Может, и дурак. Но я никогда не смогу вести дела с человеком, которому не доверяю.

– Ты не прав, Клима.

– И еще, – спокойно сказал брат, – я хочу, чтобы мои дети... Машенька, Ася, Максим... выросли добрыми, честными и порядочными людьми.

– А в чем проблема? Пусть растут. Еще и гувернеров им наймешь. С французским и английским.

– ...А этого не произойдет, если ты будешь с ними общаться, – продолжил брат. – Влиять на них. Водить по кабакам. Спаивать. Рассказывать про свою развеселую жизнь и легкие деньги.

– Вот как... – опешил Митяй.

– И вообще. Без тебя нам жилось гораздо лучше, – снова высунулась братова жена.

– Я могу уйти, – тихо предложил Митяй.

И брат, родной брат, кивнул головой:

– Уходи.

И о чем после этого можно было говорить?

– ...Больше я с ними не общался, – закончил свой рассказ Дмитрий Николаевич.

Шадурины-младшие сидели молча. Макс сосредоточенно разглядывал свои кроссы, Ася не отводила взгляда от столицы, которая далеко внизу кипела своей жизнью, гудела моторами, дымила выхлопами, недовольно скрежетала тормозами...

А Маша никак не могла изгнать из памяти давнюю, из далекого детства, картинку: они с дядей Митей весело катают по полу их квартиры маленькую красную машинку. И дядя, молодой, беспечный, в модных залатанных джинсах, азартно приговаривает: «А скоро у нас с тобой такая настоящая будет! Ух, как втопим тогда газку, как помчимся!..»

...А сразу вдруг постаревший – даже седина неожиданно проступила – дядя надтреснутым голосом сказал:

– Скрывать не буду: о них я не скучал. Да что там душой кривить: и о вас тоже порой месяцами не вспоминал. Слишком работы много, слишком много риска, не до семейных ценностей. Но годы-то катят, своих детишек я не нажил... Вот и решил наконец о себе напомнить.

Он искательно вглядывался в лица племянников.

– И правильно сделал, что напомнил! – горячо произнесла Маша.

А Ася строго спросила:

– А дед, выходит, все про тебя знал?

– Да, – коротко кивнул дядя Митя.

– Вот партизан! А нам даже не намекнул! – обиженно буркнул Макс.

– Это я его попросил, – вздохнул Дмитрий Николаевич. – Зачем? Раз умер я для вас – значит, умер...

– Но подожди! – вскричала Маша. – Раз вы с дедом в одной упряжке... и это, можно сказать, он тебя в бизнес вывел, почему ж сам старикан в такой нищете сидел? Я помню, когда мы к нему на каникулы приезжали, даже виноград не по килограмму, а на кисточки покупали...

– А бизнес – штука полосатая, – пожал плечами дядя. – Как зебра. Полоса белая, полоса черная, а потом хвост и попа. Я поднялся быстро, к девяносто третьему году уже миллионами вертел, но быстро и погорел. Подставили меня. Человек, которому я, как себе, доверял. Все до копейки, спасибо ему, потерял. И повезло еще, что в тюрьму не сел лет на десять.

– Какой ужас... – выдохнула Ася.

– Пришлось мне из России тикать в двадцать четыре часа, хорошо, паспорт с открытыми визами всегда, на всякий случай, был наготове, – задумчиво продолжал дядя. – И начинать все сначала. В чужой стране. Под новой фамилией... Пара счетов у меня, правда, оставалась, но подступиться к ним я не мог: на меня международный розыск объявили. Только папа, дедушка ваш, меня в той ситуации и поддержал. Много раз я ему звонил, на жизнь плакался... А второй раз я приехал завоевывать Москву только два года назад. Уже как успешный американский гражданин Димитри Гагин, с грандиозными планами инвестиций в российскую экономику... И опять все получилось. Оба раза с нуля – и оба раза неплохие состояния сделал. – В голосе дяди прозвучала плохо скрываемая гордость.

– Выходит, особняк деду построил ты? – присвистнула Ася.

– Я, – кивнул он. – Сразу, как только смог.

– А дед нам байки про лотерейные билеты травил!.. – обиженно покачала она головой.

– Да не было никаких билетов, – пожала плечами Маша. – Я сразу догадалась. А потом и узнала – ни в какой «Золотой сундучок» дедуля не играл.

А Макс внимательно посмотрел на дядю.

– Ты о чем-то хочешь спросить, Максим? – ласково улыбнулся тот.

– Я понял... только сейчас... Скажи. Не ты ли нам эту чашу подсунул?

– Я, – кивнул дядя. – Здорово получилось, правда?

– Значит, все эти чудеса творил не бог, не дед, а ты?! – едва не выкрикнула Маша.

– Да, – вновь склонил голову дядя.

Макса тут же бросило в краску. Он пробормотал:

– Значит, это не **я** выиграл турнир в Староивановске? А ты просто купил мне кубок? И Мерзлова тоже купил?

– Макс, по-моему, ты не совсем правильно формулируешь... – осторожно начал дядя.

– Все правильно я формулирую! – Макс вскочил со своего дивана. Выкрикнул гневно: – Да ты понимаешь, что просто меня подставил?! Полным козлом выставил?!

Он подошел к окну. Уткнулся носом в стекло. Смолк.

– Нет, дядь Мить, как ты мог?! – подхватила и Ася. – И мы, дураки, поверили, что с нами правда чудеса происходят!

А Маша сидела молча. И никак не могла выкинуть из памяти честные глаза Игоря, когда тот клялся: в Ла Скала они встретились без всяких чудес, совершенно случайно...

Дядя же спокойно ответил:

– У меня на это имелись серьезные причины. Сейчас я вам все объясню.

14 месяцев назад

Старику Шадурину очень шло быть богатым.

Удивительный человек: только что на грошовую пенсию перебивался, целлофановые пакеты в целях экономии мыл и развешивал на солнышке, а теперь устрицы во Франции заказывает и скупает для своей гостинной работы наиболее прославленных художников-маринистов, да с каким непринужденным видом!

И Митя – то есть теперь, простите, американский бизнесмен Димитри Гагин – с удовольствием позволял отцу забавляться. Не такие уж и большие расходы, а старику радость. Захотел джип обязательно с кожаным салоном и мощнейшим движком? Пожалуйста. Пожелал построить на участке фонтан с подсветкой – тоже никаких проблем.

В конце концов, отец так много для него сделал, а сам жизнь прожил далеко не сладкую. Пусть хотя бы на старости лет покайфует!

Тем более что папаня, хотя уже и годков ему сильно за семьдесят и сидит безвылазно в своей дыре Абрикосовке, а светлую голову сохранил. Митя с ним до сих пор с удовольствием советуется по особо сложным вопросам касательно бизнеса – и отец всегда подсказывает так, что точно в яблочко попадает.

Вот Митя и решил, что старик ему еще с одним вопросом поможет. Не столько деловым, сколько житейским.

Димитри Гагин понял, что ему нужен наследник.

Но беда заключалась в том, что он, пока молодым был, о семье да о детях даже не думал. Не до того было. Плюс немало повидал ранних браков, взять хотя бы Клима. Когда вместо нормальной жизни сплошные детские вопли и безденежье.

А когда ему стукнуло сорок, оказалось, что для детей уже поздно. Какая-то хитрая, скрытая, годами не леченная простуда дала свои плоды. Хотя с сексом у него нормально, но отцом он стать уже не сможет. Никогда. И ни одно медицинское светило не берется ему помочь.

Не самая, конечно, вселенская трагедия – Митя никогда не заморачивался насчет «бессмертия в детях» и прочего бла-бла-бла. Проблема совсем в другом – к кому, когда его не станет, весь бизнес перейдет? В доход государства? Или, еще круче, к чужому человеку?!

Тем более что на *чужих* он уже обжигался. Когда начальник охраны, которому он, как сыну, доверял, сдал его со всеми потрохами...

Имелись, правда, родные племянники – уже вполне взрослые Ася с Машей и подрастающий Максим. Хотя и не общаются они, но все-таки свои. Родная кровь.

Только вдруг племянники в брата, в Клима, пошли? Такие же несуразные? С одним сплошным благородством в голове? В такие руки бизнес отдать еще хуже, чем чужим...

Вот Митя и решил посоветоваться с дедом: как бы, прежде чем свое немалое состояние и статус засвечивать, племяшей в деле проверить? Но чтоб они о проверке не догадались?

...Старик отнесся к его вопросу со всей серьезностью. Сказал, что надо подумать. И думал долго. А потом предложил подарить внукам некий предмет – якобы случайно найденный раритет. Сопроводить подарок рассказом, что он вроде бы способен исполнять желания...

– За каким фигом огород городить? – не понял тогда Митяй.

– Психология, милый друг, – хмыкнул отец. – Скажи мне, какое у тебя желание, и я скажу, что ты за человек. Сразу в племяшах, внуках моих, и разберешься...

– Ну, допустим, – согласился сын. – Только не поверят они в чудеса. Взрослые ведь люди!

– Взрослые не взрослые, а на чудо все надеются, – отрезал старик. – Могу с тобой на что хочешь поспорить: сначала посмеются. А когда припрет – явятся к *волшебной палочке* как миленькие. Будут ее о помощи просить. А ты только слушай. И запоминай.

– В смысле – «слушай»? – не понял Митяй.

– Да, мистер Гагин, ты хотя и миллионер, а туповат, – пригвоздил старик. – Не знаешь, как сейчас шпионская техника развилась? Вон смотри. – Он достал из кармана изящный наушник, протянул сыну: – Попробуй.

Митя покорно вставил наушник в ухо, услышал сквозь шипение и треск знакомый женский голос:

– Сте-есть да сте-есть кругом!.. Да что ты будешь делать, опять не снимаются...

Недоуменно взглянул на отца.

Тот, хохоча, пояснил:

– Это Арина на кухне поет. Ну и котлеты между делом жарит. А я ее на всякий случай контролирую. Хорошее устройство. М-9 Spy Тес, или шпионское ухо. Высокочувствительный микрофон, радиус действия до тридцати метров. И цена – всего-то четыре сотни. Я имею в виду, рублей.

– Ну, ты, батя, забавник! – рассмеялся и сын.

– Вот я и говорю, – продолжал гнуть свою линию старик. – У тебя-то возможностей куда больше. Раритет я сам закажу, по каталогу, ты в антиквариате все равно не разбираешься. А ты прикажешь в него миниатюрный микрофон вмонтировать. И дальше только слушай, чего твои племянники попросят. Да их желания исполняй, если, конечно, захочешь!..

...И ведь уговорил!

Пока чаша находилась в Абрикосовке и летела вместе с молодыми Шадуриными в Москву, слышать их разговоров Митяй не мог. Но едва они вернулись домой, тут же нанял частного детектива. Посадил его в съемную квартиру – в квартале от местожительства племянников. И задание дал простое: частные разговоры (а микрофон в чашу был вмонтирован самый высокочувствительный) не записывать и по возможности не слушать. Но коль скоро речь пойдет о желании, сразу

ухо остро. И немедленно сообщить. Особо, правда, он не надеялся, что племянники настолько наивны, чтобы просить чашу о чуде...

Однако первая просьба поступила очень быстро.

Макс умолял дедов раритет, чтоб тот помог ему выиграть турнир. В каком-то Староивановске – Митяй о таком городе раньше и не слышал.

Что ж, очень интересно, как племянник себя поведет, если вдруг его желание исполнится. Да и ничего особо сложного нет. Это выигрыш Australian Open организовать сложно, а вот в Староивановске – вполне можно попробовать.

И Дмитрий Николаевич, захватив с собой троих сотрудников детективного агентства, срочно вылетел в провинциальный городок. Поселился в той же гостинице, где жили теннисисты (жуткое место), понаблюдая за племянником. Что Макс его не узнает, в этом он и не сомневался. Лично они не знакомы, а фотографии брата «благородный» Клим наверняка повыбрасывал... Сотрудники агентства покамест изучали сетку турнира, собирали данные на возможных Максовых соперников, выясняли, можно ли договориться с судьями... В итоге доложили: ситуация под контролем, они толковые были ребята, эти детективы.

Только сам Митя отмашки до последнего не давал. Вроде жизнь уже научила, что нужно быть беспринципным и что все средства хороши, а все равно сомнения мучили. То, что Макс выиграет нечестно, это, конечно, ерунда. Другое грызло: а вдруг, внезапно победив, он решит, что в жизни и дальше все пойдет столь же легко?

И хотя детективы и настаивали, что поддержать Шадурину надо уже в первом круге – всего-то подсыпав его сопернику легкого транквилизатора, – Дмитрий Николаевич решил: нет. Пусть племянник сам немного потрудится, поиграет собственными силами. А он, кстати, посмотрит, что Макс за гусь – еще ни разу не видел, как тот в соревнованиях выступает. Борец или нет?

И когда племянник проиграл первый сет с позорным счетом 0:6, дядя уже был готов отменить всю операцию. Но дальше с Максом вдруг что-то случилось. Развернул плечи, разозлился, собрался... И победил. В честной и тяжелейшей борьбе. Теперь дядя не сомневался: такому можно и помочь. Слегка подтолкнуть, а дальше он всего и сам добьется.

Остальное оказалось делом техники. Следующего соперника – явно сильнее Макса, но морально неустойчивого – накануне матча подпоили. Другому устроили расстройство желудка. А третьего, с ним Шадурин в финале играл, просто подкупили, чтобы матч слил... Да еще и самому Максиму, когда на него мандраж напал, мозги вправили: подослали к нему якобы теннисного психолога, помогли в себя поверить.

И все оказалось шито-крыто. Макс – счастлив безмерно, дядя Митя издали взирает на его щенячью радость...

И понимает, что, к сожалению, для его бизнеса, конечно, племянник слишком уж повернут на своем теннисе. Ему, кажется, только желтый мячик и интересен. И главное в его жизни – в турнирах побеждать. Обрадуется ли Макс, если ему вместо тенниса большой бизнес предложат?..

...Следующее желание поступило от Марии. Она попросила чашу, чтобы та помогла ей получить грант и уехать в Америку.

Похвально, конечно, что племянница так о научной карьере печется, но только в Штатах, по разумению Шадурина-Гагина, делать абсолютно нечего. Хотя исполнить это желание племянницы еще проще, чем Максимо. Хорошая предварительная разведка да несколько тысяч долларов – и грант у нее в кармане.

Но он хозяин – он и барин. И, как хозяин, посчитал: для его *плана* отправлять Машку в Америку никак нельзя. И желания племянницы не исполнил.

А когда Ася свое желание загадала, чтобы ее младенец ночами спать начал, Митяй еще больше расстроился. Да она, его младшая племянница, настоящая клуша! На какие скучные глупости «волшебные» силы расходует!..

Но ее желание из чистой благотворительности решил исполнить. Жалко ведь девчонку...

Велел детективам найти самого лучшего детского невропатолога – или кто там бессонницей занимается? – и организовал прием, якобы по квоте для малообеспеченных семей...

А бедная Маша, расстроенная, что брату с сестрой повезло и только ее желание не исполнилось, вдруг решила в Абрикосовку ехать. У деда совета спрашивать.

И Митя – уже увлеченный своей игрой – испугался: вдруг старик расколется? Выдаст внучке тайну чаши? И на всякий случай отправил отца в Сочи, в санаторий.

А сам – он и не заметил, как вошел в азарт, – стал ждать новых «заказов».

Ася, скромница, попросила цветов – и Дмитрий Николаевич, как эту просьбу услышал, едва не застонал. Ясно, конечно, что из Аськи-то наследницы в бизнесе явно не получится, но ее просто жаль. О чем девочкин муж думает?! Неужели так сложно ночью с плачущим ребенком посидеть, а уж тем более хотя бы раз в месяц по букетику ей покупать?!

Но желание ее опять решил исполнить. Один из детективов, что работали на него, собрал на Асиного мужа всю возможную инфу. Встретился с ним самим. Потолковал с сослуживцами...

Результаты оказались печальные. По всему получалось, что Асин супруг – амбициозный, беспринципный и несимпатичный тип. К тому же выяснилось, что у него имеется любовница, молоденькая секретарша из его же фирмы, а жену он в разговорах с коллегами называет не иначе, как «моя корова». Или еще – «отработанный материал». Что толку такому жлобу намекать, что жена от него цветов ждет?!

И тогда Дмитрий Николаевич решился на самодеятельность.

Лично поехал в лучшую флористическую фирму. Сам заказал букеты. Написал от руки карточку: ты, мол, Ася, – самая лучшая на свете. И заплатил за доставку.

Интересно: как отреагирует на эту выходку горе-муж?

...Не обошлось без самодеятельности, и когда Макс со своим вторым желанием обратился: подачу ему, видите ли, подавай. Двести пятьдесят километров в час. Сильнее всех в мире. Амбициозное желание. Хорошее. Жаль только, что опять – в плоскости тенниса.

Но помочь опять можно. Как говорится, по-родственному... Найти парню классного тренера – пусть тот и ставит ему сумасшедшую подачу. Если, конечно, она действительно нужна, чтоб побеждать.

Детективы навели справки, выяснили, что лучшим тренером считается некто Мерзлов. И что этому Мерзлову, вот совпадение, как раз сейчас предлагают купить прекрасную, но дорогую дачу в

ближнем Подмосковье, и он уже обратился в банк: просит кредит на недостающую сумму.

Правда, Мерзлов, а с просьбой насчет племянника Дмитрий Николаевич обратился к нему лично, пытался артачиться. Говорил, что принципы у него: «крутых» ни за какие деньги не тренировать. Но Митя предложил: «А вы не сразу соглашайтесь. Сначала посмотрите на парня – потом решите». И Макс не подвел. Понравился Мерзлову, ну, а Дмитрий Николаевич с удовольствием помог тренеру погасить кредит за дачку...

А тут и Маша из Абрикосовки явилась. И с порога огорошила чашу желанием, от которого Митя просто опешил. Вдруг мужа себе потребовала!

Нет, девчонки, даже самые умные, они и есть девчонки. Нет бы работы хорошей попросить.

И еще беда: Мария со своим аналитическим умом что-то заподозрила. И все брата грузила – Дмитрию Николаевичу детективы доложили – мол, с этой чашей что-то нечисто. И желания исполняются как-то очень по-человечески, а не чудесно...

И тогда Митя почел за благо: от греха подальше чашу изъять. А то с племянницы станется: догадается еще про вмонтированный в нее радиопередатчик. И тогда вся его сказка прахом пойдет.

Плюс Дмитрий Николаевич от своей игры и сам уже устал. И утомительно, и бизнесу мешает. И понял уже: ни на кого из юных Шадуриных свою империю не оставишь...

Он дал команду: чашу аккуратно выкрасть, но наблюдение за племянниками пока не снимать.

Детективы ему регулярно докладывали: у Макса дела идут замечательно, окончательно на своем теннисе помешался. У Маши – еще лучше, девочка, несмотря на все свои научные заморочки, вдруг в домашнюю хозяйку обратилась. Печет пироги, украшает квартиру...

Одной Асе опять – как и двадцать четыре года назад – не повезло. Он и тогда ее оставил без денег на операцию, и сейчас – без мужа, да и опять без денег... И Митя просто всю голову сломал: как ей помочь? Может, просто открыться и денег предложить?! Такая клуша и жалкому полумиллиону будет рада...

Но открыться он не успел.

Детективы вдруг сообщили, что девчонка – вот смелая! – пытается свой бизнес открыть. На стареньких «Жигулях» детские товары развозит...

– Маленькая дурочка, – вздохнул Митя.

Но, на удивление, девчонка со своим бизнесом вполне справлялась. Да еще и родственники помогли: Макс машину подарил, Маша хорошую няню нашла и сама ее оплачивала... Сами не богачи, а сестру изо всех сил поддерживают.

А девочка раскручивается с каждым днем.

Вот уж не ожидал! Получилось, что Ася единственная нашла себя в жизни сама. Без всякого чуда.

...Тогда Дмитрию Николаевичу и пришло в голову то решение, которое он и собирался сейчас, в своем пентхаусе, объявить Шадуриным.

– ...Я рассказал вам все. – Дядя Митя устало откинулся в своем кресле.

Далеко внизу по-прежнему кипела, звенела, суежилась Москва. Массивные часы в углу кабинета отбили два мелодичных удара.

«Никитка сейчас должен обедать, – мелькнуло у Аси. – Опять, наверно, супом плюется...»

Дмитрий Николаевич встал. Прошел в угол кабинета – там располагался сейф, не чета дедову, весь навороченный, с электронным замком.

Дядя распахнул дверцу. Вынул уже подзабытую – но такую знакомую чашу! – водрузил ее на стеклянный столик. Произнес:

– Что ж, Машенька... Ася... Макс... Все чудеса, как говорится, разоблачены, и теперь я приношу вам свои искренние извинения.

– За что? – удивленно спросил Макс.

– Что посмел столь бесцеремонно вмешаться в вашу жизнь, – вздохнул дядя.

– Да ну! – фыркнул племянник. – Я тут подумал... Я на тебя, дядь Мить, за твои чудеса совсем не в обиде! Хороший старт, как говорится, дал, а дальше, это ты верно заметил, я и сам справлюсь! А бизнес твой, ты опять прав, мне на фиг не нужен. Я в теннисе куда большего добьюсь, чем в дурацких дебатах-кредитах.

А Маша с обидой произнесла:

– Значит, Игорек все-таки наврал. Клялся ведь, что тогда, в опере, мы случайно встретились. А это ты его, оказывается, мне сосватал. Какая гадость...

– Нет, – горячо откликнулся Дмитрий Николаевич. – Поездку в Милан, на конференцию, не скрываю, устроил я. И твой поход в Миланскую оперу – тоже. А вот Игорь... Да, он мой старый знакомый. Да, он – авантюрист и игрок. Да, мы часто помогали друг другу. Но Игорек совсем не такой человек, которого можно с кем-то познакомиться. Он никогда бы не стал участвовать в сватовстве. Так что я просто прислал ему билет – на соседнее с тобой кресло. А когда он потребовал объяснений – заинтриговал его. Пообещал, что там, в театре, он ввяжется в лучшее приключение в своей жизни. Такая преамбула его удовлетворила. Он пошел в оперу. Ввязался в приключение. И, получается, не ошибся. Тебе ведь хорошо с ним, Маша?

Девушка зарделась и промолчала.

– Я рад, что моя чаша смогла исполнить хотя бы одно твое желание, – улыбнулся дядя.

– Да ты знаешь... – растерянно пробормотала Маша. – Я о другом желании... Я ведь и сама поняла: насчет Америки ты прав. Там скучно. Так что хорошо, что я туда не попала... – Она вскинула на него глаза: – А насчет бизнеса... Жаль, конечно, что я тебя разочаровала. Но только я бы тоже совсем не хотела управлять твоей *империей*. Мне и нашего с Игорьком игорного клуба достаточно.

И тогда дядя обратился к Асе:

– А ты? Наверно, ты до сих пор на меня в обиде, что чаша твою семью разрушила?

– Да нет... Уже нет, – пожала плечами та. – Мне и одной хорошо. В смысле, вдвоем с Никиткой.

– И с твоим интернет-магазинчиком, – закончил Дмитрий Николаевич. – Я ведь навел справки: ты меньше чем за год без всякого начального капитала доросла до очень внушительных оборотов! Молодец. Честно говоря, я просто не ожидал!..

– Да какие там особые обороты, – вздохнула Ася. – Просто жить как-то надо. Самой. Раз уж чаша ничем мне не помогла.

– Ася! – внушительно произнес дядя. – Ты, конечно, можешь меня просто, как говорит молодежь, послать. Но ты, наверно,

догадываешься, с каким предложением я хочу к тебе обратиться. Лично к тебе.

– Мне загадывать желание? – улыбнулась она.

– Нет. С чудесами уже покончено, – в тон ей ответил дядя.

– А что тогда?

– Я хочу предложить тебе то же самое, что когда-то, в девяностых годах, предлагал твоему отцу. Мне нужен толковый заместитель. Доверенное лицо. Возможный преемник... В общем: пойдешь работать ко мне?

– К тебе?! – растерянно переспросила Ася.

– Ну да. Станешь моим партнером. И работать будешь, ясное дело, не только за зарплату. А за проценты с нашей с тобой общей прибыли.

– ...И сидеть в таком же пентхаусе! – с восторгом закончил Макс. – Это не то что твой офис в подвале! Соглашайся, Аська! Круто!

– Соглашайся, Ася, – кивнула и Маша. – Только ты, по-моему, этого и заслуживаешь. А свой интернет-магазин филиалом дядиной корпорации оставишь. Ты ведь не возражаешь, дядь Мить?

– Но... это же нечестно, – пробормотала Ася. – Почему мне все, а вам – ничего?

– Ну, я уже сказал: я сам скоро не меньше, чем дядя, заработаю, – важно пообещал Макс. И похвастался: – С будущего года Мерзлов меня на Мастерсы посылать станет.

– У нас с Игорьком тоже все нормально, в клубе все столики на месяц вперед зарезервированы... – улыбнулась Маша.

– Что ж... Тогда я согласна, – тихо произнесла Ася.

Переглянулась с братом и сестрой.

И все трое вдруг увидели, как дедова чаша озарилась невозможно синим, ослепительным светом.

---

notes

Примечания

1

Рождество (англ.).

2

Test of English as a Foreign Language – экзамен, успешная сдача которого дает право на учебу и работу в США.

3

Graduate Record Examination – экзамен, состоящий из задач по математике, логике, а также из сложных текстов по английскому языку. Его сдача необходима для поступления в американскую аспирантуру и для работы преподавателем в высших учебных заведениях.

4

Бесплатно (англ.).

5

Морская сажень равна 1,83 метра.

6

Открытый чемпионат Австралии, первый в сезоне турнир Большого шлема.

7

Мастер спорта международного класса.

8

Двойная ошибка. На подачу даются две попытки, и если оба мяча попадают в аут, то очко проиграно.

9

Эйс – подача навылет, когда принимающий игрок пропускает ее, даже не коснувшись мяча.

10

Биологически активная добавка.

11

Максимальный балл – 800, для поступления в американские вузы, как правило, требуется набрать не менее 650.

12

Максимальный балл – 300.

Российский теннисный тур.